

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

№ 2 (72) 2025

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2>

ISSN 1997-2857 (Print)

ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы

по надзору в сфере связи

информационных технологий

и массовых коммуникаций

ПИ № ФС 77 73382

от 17.08.2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

Хисамутдинова Н.В., Чжоу Дань Китайские исследователи

об истории Харбинского политехнического института5

Пчелкина С.Ю. Эстетика древней архитектуры Востока в книге Н.И. Брунова

«Очерки по истории архитектуры»: к проблеме культурных заимствований в искусстве14

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

Березницкий С.В. Культура жизнеобеспечения: эволюция и трансформация понятия20

Галютин Е.С. Декор костяных изделий бохайских памятников юга Дальнего Востока России29

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Ищенко О.К. Амурский цензор С.Н. Таскин и прогрессивная газета

«Амурский край»: история противостояния (1900–1907 гг.)42

Юрченко Е.С. Проблема контроля над российскими железными дорогами

в политике США в 1918 г.50

Гудков И.А. Владивостокский морской торговый порт

в предвоенный период (1937–1940 гг.)61

Береснева Н.А. Макрорегион, мезорегион или административно-территориальная единица:

поиски «родного края» в учебных пособиях по региональной истории России70

Ващук А.С. Программы и проекты развития Дальнего Востока России конца XX – начала XXI вв.

сквозь призму социальной антропологии. *Рец.: Савченко А.Е. и др. Потенциальный Дальний Восток.*

Как расцветают и угасают проекты развития

в самом большом регионе России. М.: Common Place, 2024.79

PHILOSOPHIA PERENNIS

Андиев С.В. Марксизм и религия в социальной философии Эрнста Блоха88

Денисова В.Г. Когнитивные нарушения, искажения и логические ошибки:

эпистемологический анализ99

Аршин К.В. Демократия и национализм: взаимодействие феноменов108

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
в 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫХОДИТ
4 РАЗА В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, декан факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
профессор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Р.Ю. ФЕДОРОВ	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
П.А. ЩЕРБИНА	кандидат исторических наук, директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 30.05.2025. Дата выхода в свет 30.06.2025.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,46. Уч.-изд. л. 14,01. Тираж 30 экз. Заказ 176.
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: +7 (423) 256-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес учредителя и издателя:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Отпечатано в типографии Издательства ДВФУ
690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology

and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 2 (72) 2025

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2>

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Khisamutdinova N.V., Zhou Dan** Chinese studies on the history of Harbin Polytechnic Institute5
Pchelkina S.Yu. The aesthetics of Ancient Asian architecture in Nikolay Brunov's
«Essays on the history of architecture»: cultural borrowings in art14

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Bereznitsky S.V.** Life-support culture: tracing a concept through time20
Galyutin E.S. Decoration of bone artifacts from Bohai sites in the southern Russian Far East29

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Ishchenko O.K.** Amur censor Sergey Taskin and progressive newspaper
«Amurskii krai»: a history of confrontation, 1900–190742
Yurchenko E.S. U.S. policy and the question of control over Russian railways in 191850
Gudkov I.A. Vladivostok Commercial Seaport during pre-war years, 1937–194079
Beresneva N.A. Macroregion, mesoregion or administrative unit?
Defining «native land» in Russian regional history textbooks70
Vashchuk A.S. Programs and projects for the development of the Russian Far East
in the late XXth – the beginning of the XXIst century through the lens of social anthropology
(Review of «Potential Far East: How development projects flourish and fade in Russia's largest region» (2024)
by Anatoliy Savchenko et al.)79

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Andiev S.V.** Marxism and religion in Ernst Bloch's social philosophy88
Denisova V.G. Cognitive distortions, biases and logical fallacies: an epistemological analysis99
Arshin K.V. The democracy-nationalism dialectic108

FOUNDED
IN 2008

FOUNDER AND PUBLISHER:
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED
QUARTERLY

EDITOR-IN-CHIEF

Felix E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), dean of the Faculty of Humanities,
HSE University (Moscow), professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, full member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ROMAN Yu. FEDOROV	Doctor of Sc. (History), Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
POLINA A. SHCHERBINA	Candidate of Sc. (History), Far Eastern Federal University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 256-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

Н.В. Хисамутдинова, Чжоу Дань*

КИТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ИСТОРИИ ХАРБИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Статья посвящена систематизации сведений о существующих на сегодняшний день исследованиях китайских ученых по истории Харбинского политехнического института (ныне – университета), основанного русскими эмигрантами. В работе представлен обзор китайских научных публикаций, освещающих различные аспекты деятельности института: его создание, учебные программы, взаимодействие с промышленными и военными ведомствами, а также влияние на культурное и экономическое развитие Харбина. Авторы подчеркивают необходимость интеграции китайских исследований в российскую историографию для более полного понимания роли русской эмиграции в становлении высшего образования в Китае.

Ключевые слова: Харбинский политехнический институт, русские эмигранты, высшее образование, научное наследие

Chinese studies on the history of Harbin Polytechnic Institute.

NATALIA V. KHISAMUTDINOVA (Vladivostok State University), ZHOU DAN (Far Eastern Federal University)

This article systematizes contemporary Chinese scholarly research on the history of Harbin Polytechnic Institute (now University), founded by Russian emigrants. It provides a comprehensive review of Chinese academic publications examining various aspects of the institute's activities: its establishment, curricula, collaboration with industrial and military sectors, and its impact on Harbin's cultural and economic development. The authors emphasize the need to integrate Chinese scholarship into Russian historiography to achieve a more complete understanding of the Russian émigré community's role in shaping higher education in China.

Keywords: Harbin Polytechnic Institute, Russian emigrants, higher education, academic legacy

Введение

Современный Харбинский политехнический университет (ХПУ), основанный русскими эмигран-

тами в 1920 г. как Русско-Китайский техникум и получивший в 1922 г. статус высшего учебного заведения, а в 1928 г. – новое название «Харбинский

* ХИСАМУТДИНОВА Наталья Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Института педагогики и лингвистики Владивостокского государственного университета, г. Владивосток, Россия, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

ЧЖОУ Дань, аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, zhoudanlove@163.com

© Хисамутдинова Н.В., Чжоу Дань, 2025

политехнический институт» (ХПИ), считается одним из лучших технических вузов в Китае. Его создание было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. С одной стороны, в условиях революции и Гражданской войны в России возросла потребность Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и других предприятий северо-восточного Китая в специалистах технического профиля. С другой стороны, для 1918–1922 гг. характерно массовое появление в зоне КВЖД образованных беженцев из России, искавших возможность использовать на новом месте свои знания и практический опыт.

Пример основания и функционирования русского вуза в Китае не мог не привлечь внимание исследователей – как российских, так и китайских. Сведения по истории ХПИ мы находим в огромном числе российских публикаций. Они, как правило, содержатся в обобщающих работах по истории русской эмиграции в Китае [6; 13] и упоминаются при исследовании смежных вопросов, таких как история КВЖД или Харбина [4; 7]. Не остались в стороне и исследователи педагогических проблем, обратившие внимание на продолжение в Китае русских педагогических традиций, своеобразие учебного процесса в русских учебных заведениях Харбина, создание учебников и пособий на русском языке [2; 5; 9].

Что касается истории русского высшего образования в Харбине, в частности ХПИ, авторы публикаций указывают предпосылки создания в 1920 г. Русско-Китайского техникума (затем Русско-Китайского политехнического института и ХПИ), подробно описывают его структуру и учебные программы, анализируют помощь, которую оказывала вузу КВЖД, останавливаются на биографиях и научных интересах преподавателей и трудоустройстве выпускников [1; 3; 8; 10]. Авторы всех указанных работ солидарны во мнении об огромном вкладе ХПИ в подготовку инженерных кадров в отсталой на тот момент Маньчжурии, в создание основ высшего технического образования на северо-востоке Китая.

К сожалению, в русскоязычных работах почти нет ссылок на имеющиеся китайские публикации по данной теме, которые содержат не только неизвестные факты, но и новый взгляд на историю русского вуза в Харбине. Цель настоящей статьи – познакомить российских исследователей с китайскими работами, затрагивающими историю Харбинского политехнического института, что необходимо для всестороннего изучения как истории рос-

сийской эмигрантской диаспоры в Китае в целом, так и ее достижений в области развития высшего профессионального образования в этой стране.

Китайские публикации об истории Харбина

Харбин, административный центр КВЖД, являлся основным городом в Китае, где жили русские эмигранты. Создав здесь полноценную систему школьного образования, основав ряд научно-просветительских общественных организаций и открыв несколько высших и средних учебных заведений [5], они оставили большой след в истории российско-китайских культурных отношений. Это отмечают и китайские ученые, которые давно изучают историю российской диаспоры в Китае. Так, профессор Жун Цзе посвятила свою монографию изучению влияния русских эмигрантов на развитие Харбина – его экономики, архитектуры, религиозной сферы, образования и т.д. Исследовательница констатирует, что «русские эмигранты планомерно и постепенно построили Харбин, ставший важным центром русской эмиграции на Дальнем Востоке. Чтобы удовлетворить свои жизненные потребности, а также создать для себя комфортную и привычную среду, они начали строить в Харбине заводы, жилье, церкви, школы и т.д. Спустя сто лет эти здания стали отличительными символами городской культуры Харбина» [16]. Точку зрения этого автора поддерживает и Ли Шусяо, изложивший в своей работе подробную хронику развития Харбина. Он также отводит россиянам ведущую роль в основании и становлении города [21].

Влияние российской эмиграции на развитие Харбина также проанализировано в коллективной монографии Ши Фан, Лю Шуан и Гао Лин. В своем объемном труде они всесторонне осветили деятельность в Харбине выходцев из России, отметив их достижения в различных сферах деятельности, в т.ч. в промышленности, торговле и культуре [32]. Вместе с тем усилиям россиян по развитию образования в этой книге уделено гораздо меньше внимания.

Изменения в политике, экономике, культуре и рост числа русских эмигрантов оказали влияние на городское строительство Харбина, распространение религиозных организаций, образования и культуры, а также на образ жизни горожан. Китайские ученые Чэнь Цюсю и Лю Цзинлань считают, что наиболее значительным из этих изменений стало создание Харбинского политехнического института. В статье, посвященной культуре русс-

кой эмиграции на Дальнем Востоке в XX в. и ее влиянию на Харбин, они подробно описали, как появление ХПИ в свою очередь привело к изменениям в стандартах и качестве образования в Харбине [31]. Это исследование эволюции Харбина с точки зрения культурных и демографических параметров является новым и уникальным.

Перечисленные работы позволяют составить общее представление о русском влиянии в Харбине и оценить условия, в которых зарождались и функционировали русские вузы.

Китайские публикации об истории образования

История российского образования в Китае, оказавшего влияние на экономику и культуру страны, также вызывает интерес китайских ученых. Так, в статье Сунь Янь внимание сосредоточено на учебных программах в школах, созданных российскими эмигрантами в Харбине [27]. Автор отмечает, что в русских школах, воспитывая любовь к русской культуре и истории, одновременно изучали китайскую культуру и краеведение. Другой особенностью харбинских школ было внедрение многонационального смешанного обучения, что делало школы русско-китайскими [27, р. 168]. Детям из России это позволяло скорее адаптироваться к новым условиям жизни, а китайской молодежи, познакомившейся с русским языком и культурой, облегчало поступление в русские вузы, открытые эмигрантами. Исследователь считает, что харбинская модель полиэтнического смешанного обучения является особенно перспективной сегодня в условиях расширения глобализации.

С опорой на большое количество исторических источников описали историю народного образования в китайской провинции Хэйлунцзян Цзян Шуцин и Шань Лисюэ [30]. Их исследование охватывает большой исторический период – конец династии Цин и Китайскую Республику. Авторы детально изучают процесс модернизации образования в некогда отсталой провинции, но о высших учебных заведениях, в отличие от школ, в монографии имеются лишь самые краткие сведения.

Лю Цзиньфу, изучавший образовательную деятельность русских эмигрантов на северо-востоке Китая, основное внимание сконцентрировал на Харбине, где имелось наибольшее количество учебных заведений. Наряду с анализом школьного образования автор проследил и развитие высшей школы. Кратко описав создание вузов в Харбине

в первой половине XX в., ученый отметил, что ХПИ являлся единственной технической школой за рубежом, где преподавание велось на русском языке [22, р. 192–193].

Гораздо подробнее историю высших учебных заведений в Харбине представил в своей работе китайский ученый Ли Дай [17]. Он стал одним из первых китайских исследователей, изучивших эволюцию среднего специального и высшего образования в провинции Хэйлунцзян с начала XX в. по 1985 г. включительно. Исследователь постарался охватить самые разные аспекты функционирования учебных заведений, остановившись на учебной и научной деятельности, программах различных специальностей, профессорско-преподавательском составе, международных связях, однако даже при столь большом объеме книги приведенную в ней информацию о ХПИ нельзя считать полной.

Ван Фэннин провела сравнительный анализ образовательной деятельности российской эмиграции в разных странах в 1920-е – 1930-е гг. и пришла к выводу, что в Китае, в частности в Харбине, система российского образования сложилась раньше, чем в других местах [14]. В качестве исторических предпосылок основания русскими эмигрантами школ и других учебных заведений в северо-восточном Китае исследователь называет строительство КВЖД, для которого в Харбин приехало множество русских семей. Характеризуя образовательную деятельность, Ван Фэннин отмечает четкое целеполагание основателей учебных заведений, умелое планирование и организацию. При этом удовлетворялись практические образовательные потребности как российских эмигрантов, так и китайского населения. Автор подчеркивает, что особенностью российской педагогики в Китае являлось сохранение традиционных форм обучения и методики преподавания на русском языке. Русские учебные заведения в Харбине выполняли важную миссию приобщения населения Китая к русской культуре [14, р. 69–71].

Сравнительная перспектива характерна и для другого исследования: так, Ли Жэньнянь проанализировал достижения российских эмигрантов в области образования в Шанхае и Харбине в 1920-е – 1940-е гг. и заключил, что в Шанхае образование было более разнообразным из-за международного статуса города. Однако и в Харбине, благодаря большому числу образованных эмигрантов из России, появились учебные заведения разного уровня – школы, гимназии, училища, институты.

Многие из них работали стабильно и эффективно, хотя известны и случаи непродолжительного функционирования образовательных учреждений. При этом в Шанхае русские школы не имели такого влияния в общественных, культурных и образовательных кругах, как в Харбине [18]. В числе изучаемых этим исследователем вопросов оказалась и работа высших учебных заведений. Остановившись на деятельности ХПИ как колыбели подготовки китайских и российских инженерно-технических кадров, автор делает акцент на интернационализации образования. С одной стороны, в вузе наряду с русскими студентами получили профессию немало китайских молодых людей, а с другой стороны, высоко квалифицированные выпускники ХПИ после окончания учебы трудились по всему свету, распространяя сведения о Китае и его русском институте [18, р. 44]. Профессора Харбинского педагогического университета Ван Яньлинь и Чжан Яньцзе в своей статье также подчеркнули, что ХПИ занимал важное место в системе высшего образования русской эмиграции, подготовив большое число профессиональных кадров [15].

Глубокое исследование образовательной системы в Особом районе Восточных провинций провела Цзинь Лисюэ. В разделе своей магистерской диссертации, посвященном высшему образованию, она остановилась и на ХПИ, отметив, что с первых лет работы в данном учебном заведении применялись самые передовые методики обучения и учебные средства, такие как слайд-проекторы, микроскопы и фотоаппараты. Важной деталью учебного процесса Цзинь Лисюэ называет обязательное выполнение всеми студентами курсовых и дипломных проектов с их последующей защитой, а также большое внимание, уделяемое практической работе. Выводом исследования стало утверждение о том, что систему обучения, принесенную в Китай из России, переняли китайские педагоги, и она широко используется на современном этапе, а совместное обучение в русских вузах российских и китайских студентов послужило прообразом современной системы студенческих обменов [29, р. 21]. В отличие от исследований других китайских ученых, посвященных причинам создания ХПИ и его развитию, содержание данной работы более конкретное и подробное, а потому имеет большую ценность.

Развитие высшего образования на территории будущей провинции Хэйлунцзян в 1912–1949 гг. рассмотрено в диссертации Сюй Чжэньци. В ней

не только обобщены тенденции, связанные с открытием русскими эмигрантами высших учебных заведений, но и выявлены их основные характеристики, обусловленные географией и политическими условиями провинции [26].

В коллективной работе Пэн Чуаньюна, Ши Цзиньхуань и Пэн Чуаньхуа [24] приведены сведения о научной деятельности русских эмигрантов в период Китайской Республики. Поскольку научные исследования часто были сосредоточены в учебных заведениях Харбина, в поле зрения авторов оказываются и некоторые аспекты истории высшего образования, однако в целом интересы указанных авторов лежат в несколько иной плоскости. То же можно сказать и о работе Пэн Чуаньюн, У Яньцю и Цюй Сюэпин, посвященной достижениям российских эмигрантов-востоковедов. Среди прочих в ней рассмотрены и те, кто работал в учебных заведениях Харбина. Авторы отмечают, что своими лекциями и публикациями россияне внесли большой вклад в развитие образования в Харбине и оказали влияние на китайскую историографию [25].

Примечательно, что одна из авторов работы, Цюй Сюэпин, в ходе обучения в аспирантуре Дальневосточного федерального университета готовила и опубликовала на русском языке ряд работ, посвященных вкладу эмигрантов из России в историческую науку Китая [11; 12]. Хотя в центре внимания исследовательницы находится научная деятельность эмигрантов-историков, связанная не столько с ХПИ, сколько с Юридическим факультетом и другими учебными заведениями Харбина, она делает справедливый вывод о том, что научная и педагогическая деятельность русских эмигрантов способствовала формированию в Харбине, Шанхае и других городах Китая «самостоятельных центров научной и культурной жизни» [11, с. 130].

Китайские публикации об истории ХПИ

История Харбинского политехнического института, ныне университета, как отдельная научная проблема также стала предметом исследования ряда китайских ученых. Среди первых китайских публикаций по теме – небольшая работа Ван Шоусяна «История Русско-Китайского политехнического института», изданная в Шанхае в 1925 г., вероятно, в честь пятилетия учебного заведения. Ссылки на данную работу содержатся в некоторых современных китайских исследованиях, однако найти саму книгу в библиотеках Харбина авторам не удалось.

Преподаватель ХПУ Хуан Цзиньхуа в своем исследовании проанализировал условия для создания института в трех аспектах: пространство, обстоятельства и реальность [28]. Автор отмечает, что в начале XX в. Харбин стал международным городом с русско-китайской городской культурной средой, сформировавшейся в процессе строительства КВЖД (пространство). При финансовой поддержке администрации КВЖД в 1920 г. в Харбине открылся Русско-Китайский техникум, в котором стали готовить высококвалифицированных специалистов для обслуживания железной дороги. Через два года техникум преобразовали в Русско-Китайский политехнический институт, получивший в 1928 г. новое название – Харбинский политехнический институт, которое сохраняется до сих пор. К обстоятельствам, оказавшим влияние на КВЖД и Харбин, автор относит Октябрьскую революцию в России. Российские эмигранты в Китае озаботились созданием в городе учебных заведений разного уровня и профиля, чтобы их дети могли получить соответствующее образование. С другой стороны, в результате политических событий в России КВЖД и смежным с ней предприятиям стало не хватать специалистов, что способствовало развитию высшего образования, прежде всего технического. Фактор реальности исследователь видит в неуклонном развитии КВЖД и Харбина в 1920-е – 1930-е гг., когда всему северо-востоку Китая потребовалось множество инженеров различного профиля – путейцев, строителей, электромехаников и др. Это привело к расширению вуза: увеличению набора, строительству новых корпусов, открытию дополнительных специальностей и созданию для них кабинетов и лабораторий. Аналитический подход Хуан Цзиньхуа к изучаемой проблеме является уникальным для китайской историографии. Он позволяет по-новому осветить непростой путь, который прошло учебное заведение, пока не стало современным передовым университетом.

Большой раздел, посвященный ХПИ, имеется в обзорном труде известного китайского историка Ли Сингэна, осветившего ключевые вопросы жизни и деятельности выходцев из России в Китае в 1917–1945 гг. [19]. Подробно описывая историю ХПИ с момента основания в 1920 г. и по 1945 г., автор связывает эволюцию вуза с политическими условиями того времени и делает вывод, что несмотря на множество трудностей, которые стояли на пути администрации, ее усилия позво-

лили в дальнейшем превратить ХПИ в известный университет на Дальнем Востоке.

В основу повествования Ли Суйяня о ХПИ легли воспоминания его выдающихся китайских выпускников эпохи Нового Китая и интервью с ними [20]. Особое внимание автор уделил 1950-м – 1960-м гг., когда в вузе работали советские специалисты. Ученый подсчитал, что в этот период администрация ХПИ последовательно пригласила для преподавания 74 специалиста из наиболее крупных технических вузов СССР. Благодаря им были созданы соответствующие кафедры, оборудованы передовые профильные лаборатории. В результате вуз воспитал сотни китайских инженеров и подготовил научно-исследовательские кадры по образцу лучших советских высших учебных заведений. Ли Суйянь делает вывод, что ХПИ являлся образцом для изучения передового советского опыта организации высшего технического образования, который перенимали другие китайские вузы [20, р. 314–330].

Столетняя история Харбинского политехнического университета подробно изложена и в монографии Ма Хуншу. Автор разделил ее на три части: создание вуза (1920–1945), его развитие (1945–1977) и современный этап (1977–2000), названный им «золотым периодом» [23]. Ма Хуншу дает подробное описание эволюции материальной базы вуза, его профессорско-преподавательского состава, научно-исследовательских достижений, студенческого контингента. Тот факт, что продолжительный 25-летний «русский» период истории ХПИ исследователь оценил как начальный этап становления вуза, можно интерпретировать как недооценку усилий эмигрантов из России, направленных на развитие технического образования. Однако содержание данной работы показывает, что автор в целом предъявляет очень высокие требования к материально-технической базе подготовки инженеров и полагает, что лишь на современном этапе она смогла прийти в соответствие с потребностями образовательного процесса. Тем не менее, исследователь подчеркивает, что некоторые начинания, получившие развитие на современном этапе и обеспечившие вхождение университета в число лучших вузов Китая, были инициированы русскими основателями. Среди них – использование реальных производственных площадей как базы практик студентов, привлечение студентов к исследовательской работе и воплощению проектов преподавателей-инженеров, издание собственного научного журнала.

Музей ХПИ как источник сведений

Взгляды современных китайских исследователей на историю ХПИ хорошо заметны в том, как спланирована экспозиция музея Харбинского политехнического университета. Он открылся 18 мая 2010 г., в Международный день музеев, в первом учебном корпусе университета на ул. Правленской, д. 41 (ныне – Гунсыцзе, д. 59). Инициаторы создания музея, организовав экспозицию, изначально ставили перед собой задачу подчеркнуть историческое и практическое значение наследия, оставленного русским учебным заведением. В фондах музея собрано более 4 000 экспонатов, включая фотографии разных лет, оригинальные работы, экспериментальные приборы и т.д. Большинство материалов сохранилось в архивах ХПИ / ХПУ или было передано в дар. Четвертую часть всех документов составляет наследие русских инженеров, ученых и студентов, связанных с институтом.

Экспозиция, размещенная на двух этажах (общая выставочная площадь – 2 200 м²), состоит из трех частей: основной, тематической и временной. На первом этаже посетители знакомятся с историей основания института и его деятельностью до 1949 г. На стенде, посвященном Обществу по учреждению Русско-Китайского техникума, представлены фотографии 15 членов данного общества с указанием фамилий (на китайском языке). Все они были представителями КВЖД или значимыми лицами в политических и экономических кругах Харбина. Здесь же находится фотография первого ректора – Алексея Алексеевича Щелкова. Примечательно, что в первые годы существования музея подписи под многими фотографиями отсутствовали, и одна из авторов данной статьи, Н.В. Хисамутдинова, посетив музей в 2012 г., помогла сотрудникам восполнить часть недостающей информации. Тот факт, что на сегодняшний день в музее собраны сведения обо всех основателях вуза, говорит о стремлении его администрации к сохранению исторического наследия.

В 1920 г. в техникуме существовало только два факультета: электромеханический и строительный, а преподавательский состав насчитывал 18 человек, чьи портреты с указанием фамилий также представлены на стенде. Все преподаватели были выходцами из России, и преподавание всех дисциплин велось на русском языке, хотя уже в первом наборе студентов (103 человека) было 17 китайцев. Фотографии первых китайских студентов также представлены на стенде наряду с другими историческими снимками, демонстриру-

ющими работу студентов в лабораториях и чертежном зале или на КВЖД во время производственной практики.

В витринах представлены книги учета, учебные планы, а также учебная литература на русском языке, научно-исследовательские работы преподавателей и студентов, экземпляры журналов, выпускавшихся институтом в разные годы («Известия и труды Русско-китайского политехнического института», затем – «Известия и труды Харбинского политехнического института»). «Альбом образцов графических работ и упражнений студентов 1 курса дорожно-строительного отделения 1921–1922 г.», список инженеров-архитекторов, работавших в ХПИ, и фотографии объектов, построенных по их проектам, демонстрируют вклад института в формирование облика Харбина.

Отдельный раздел экспозиции отражает развитие университета в период с 1949 по 1979 гг., когда в нем работали специалисты из СССР. В разделе представлены технические средства обучения, появившиеся в учебном заведении, а также советские учебники. В этот период в вузе прошли переподготовку преподаватели из других учебных заведений страны.

Представлен в экспозиции и период ускоренного развития университета после 1979 г. В это время был основан кампус Вэйхай (1985 г.), произошло объединение ХПУ с Харбинским архитектурно-строительным университетом (2000 г.), была создана аспирантура (2002 г.). Все это значительно усилило авторитет и влияние университета в обществе.

Заключение

В последние десятилетия китайские исследователи внесли большой вклад в изучение истории российской эмиграции в Китае, включая влияние россиян на развитие китайского высшего образования. Сведения по истории русских высших учебных заведений включены в обзорные работы о русской эмиграции 1920-х гг., исследования по истории провинции Хэйлунцзян и города Харбина, публикации о русском образовании в Китае – от школьного до высшего. При этом в силу широкого тематического охвата данные работы не уделяют внимания истории становления и развития отдельных вузов.

Для нашего исследования наиболее важными оказались те публикации китайских авторов, в которых содержится анализ процесса создания и развития Харбинского политехнического институ-

та. Эти работы основываются на документах архивов КНР, материалах китайской прессы, воспоминаниях выпускников и преподавателей ХПИ. Некоторые из них содержат ссылки на русскоязычные источники. Рассмотренные нами исследования отличаются разносторонним подходом к освещению темы и содержат как анализ методов и средств обучения, учебных программ, так и характеристику состава преподавателей и студентов, оценку влияния ХПИ на экономику и культуру Харбина и т.д. Хотя авторы порой расходятся в оценке масштабов влияния российских эмигрантов на развитие ХПИ, они единодушны в признании того, что их научная и педагогическая деятельность способствовала превращению Харбина в важный научно-образовательный центр Китая, а создание ХПИ заложило основы высшего технического образования на северо-востоке Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочарова З.С., Кротова М.В. Харбинский политехнический институт – центр русской науки и образования в Китае (1920–1950-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 779–803.
2. Лазарева С.И., Шпилева А.Н. Русские школы и вузы Маньчжурии в 20–30 гг. XX в. // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 10–20.
3. Каневская Г.И. Русский Харбинский политехнический институт и судьба его выпускников // Вестник ДВО РАН. 2010. № 2. С. 25–33.
4. Китунин А.А. Развитие высокоскоростного железнодорожного движения в КНР (XX–XXI вв.). СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019.
5. Косинова О.А. Педагогические традиции русского зарубежья в Китае в конце XIX – первой половине XX вв. (1898–1945 гг.). М., 2008.
6. Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Исход и возвращение. Русская эмиграция в Китае в 20–40-е гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998.
7. Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003.
8. Мещеряков А.Ю., Андропов О.К. Харбинский политехнический институт в 1920–1976 гг. // Манускрипт. 2019. № 6. С. 68–72.
9. Хисамутдинов А.А. Русское высшее образование в Китае // Вопросы образования. 2015. № 4. С. 105–113.
10. Хисамутдинова Н.В. Русская инженерная школа в Китае // Высшее профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 204–212.
11. Цюй Сюэпин. Историки и историческая наука в русском Китае (20–40-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. н. Владивосток, 2018.
12. Цюй Сюэпин. Русские историки-эмигранты и историческая наука в Китае (20–40-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2023.
13. Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015.
14. Ван Фэнбин. Хаэрбинь эцяо цзяоюйши таньцзю (эр ши шицзи эр сань ши няньдай) (Исследование по истории образования русских эмигрантов в Харбине (1920-е – 1930-е гг.)) // Бяньцзян цзинцзи юйвэньхуа. 2021. № 8. С. 69–71.
15. Ван Яньлинь, Чжан Яньцзе. Хаэрбинь эцяо гаодэн цзяоюй хуэймоу (Воспоминания о высшем образовании русских эмигрантов в Харбине) // Чжунвай циецзя. 2016. № 35. С. 204–205.
16. Жун Цзе. Эцяо юй Хэйлунцзян вэньхуа: элосы цяоминь дуй Хаэрбинь дэ инсян (Русские эмигранты и хэйлунцзянская культура: влияние русских эмигрантов на Харбин). Харбин: Хэйлунцзян дасюэ чубаньшэ, 2011.
17. Ли Дай. Хэйлунцзян цзяоюй хуэймоу. 1902–1985 (История высшего образования провинции Хэйлунцзян. 1902–1985). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1989.
18. Ли Жэньнянь. Эрши дао сыши няньдай эго цяоминь цзайхуа дэ цзяоюй ходун (Образовательная деятельность русских эмигрантов в Китае в 1920–1940 гг.) // Сиболия яньцзю. 1996. № 3. С. 42–49.
19. Ли Сингэн. Фэньюй фу пин: эго цяоминь цзай чжунго (1917–1945) (Ряска на ветру и под дождем: русские эмигранты в Китае (1917–1945)). Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 1997.
20. Ли Суйань. Элосы вэньхуа цзай Хэйлунцзян (Русская культура в Хэйлунцзяне). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2022.
21. Ли Шусяо. Хаэрбинь лиши бяньнянь (1896–1949) (Хроника истории Харбина (1896–1949)). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1986.
22. Лю Цзиньфу. Шицзю шицзимо илай эго цяоминь цзай дунбэй дэ цзяоюй ходун (Обзор образовательной деятельности русских эмигрантов в северо-восточном Китае с конца XIX в.) // Чжунго гаосинь цие. 2007. № 16. С. 192–193.
23. Ма Хуншу. Хаэрбинь гунье дасюэ сяоши: 1920–2000 (История Харбинского политехнического университета: 1920–2000). Харбин: Хаэрбинь гунье дасюэ чубаньшэ, 2000.

24. Пэн Чуаньюн, Ши Цзиньхуань, Пэн Чуаньхуай. Миньго шици цзайхуа эцяо сюэшу ходун цзи цзячжи яньцзю (Исследование образовательной деятельности и ценностей русских эмигрантов в Китае в период Китайской Республики). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2021.

25. Пэн Чуаньюн, У Яньцю, Цюй Сюэпин. Хаэрбинь эцяо чжунго сюэцзя (Российские китаеведы-эмигранты в Харбине). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2014.

26. Сюй Чжэньци. Миньго шици Хэйлунцзян гаодэн цзяоюй шулунь: боши луньвэнь (Характеристика системы высшего образования в Хэйлунцзяне в период Китайской Республики: диссертация). Цилинь, 2013.

27. Сунь Янь. Элосы цяоминь цзай Хаэрбинь синьбань цзяоюй цзуншу (Обзор системы образования русских эмигрантов в Харбине) // Цицихаэр дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2021. № 9. С. 167–169.

28. Хуан Цзиньхуа. Чжундун телу, шисюэ гэминь юй Хаэрбинь гунье дасюэ дэ даньшэн (КВЖД, Октябрьская революция и рождение Харбинского политехнического института) // Хаэр-бинь гунье дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбань). 2010. № 1. С. 1–5.

29. Цзинь Лисюэ. Дуншэн тэбе синьчжэнцзюй цзяоюй яньцзю (1896–1932 нянь): шоши луньвэнь (Исследование образовательной системы Особого района Восточных провинций (1896–1932 гг.): магистерская диссертация). Харбин, 2010.

30. Цзян Шутин, Лисюэ Шань. Хэйлунцзян цзяоюйши (История образования в провинции Хэйлунцзян). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2002.

31. Чэнь Цюсю, Лю Цзинлань. Лунь шици цянхуо юандунь эцяо вэньхуа цзи ци дуй Хаэрбинь дэ инсян (О культуре русской эмиграции на Дальнем Востоке в XX в. и ее влиянии на Харбин) // Яньбянь гунье дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбань). 2020. № 2. С. 40–46.

32. Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. Хаэрбинь эцяоши (История русских эмигрантов в Харбине). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2003.

REFERENCES

1. Bocharova, Z.S. and Krotova, M.V., 2019. Kharbinskii politekhnicheskii institut – tsentr russkoi nauki i obrazovaniya v Kitae (1920–1950-e gg.) [Harbin Polytechnic Institute as a center of Russian science and education in China], Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii, Vol. 18, no. 4, pp. 779–803. (in Russ.)

2. Lazareva, S.I. and Shpilyova, A.N., 2011. Russkie shkoly i vuzy Man'chzhurii v 20–30 gg. XX v. [Russian schools and higher educational institutions in Manchuria in the 1920s and 1930s], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 10–20. (in Russ.)

3. Kanevskaya, G.I., 2010. Russkii Kharbinskii politekhnicheskii institut i sud'ba ego vypusknikov [Russian Harbin Polytechnic Institute and the fate of its alumni], Vestnik DVO RAN, no. 2, pp. 25–33. (in Russ.)

4. Kitunin, A.A., 2019. Razvitie vysokoskorostnogo zhelezнодорожного dvizheniya v KNR (XX–XXI vv.) [The development of high-speed rail traffic in the People's Republic of China (XXth and XXIst century)]. Sankt-Peterburg: RGPU im. A.I. Gertsena. (in Russ.)

5. Kosinova, O.A., 2008. Pedagogicheskie traditsii russkogo zarubezh'ya v Kitae v kontse XIX – pervoi polovine XX vv. (1898–1945 gg.) [Pedagogical traditions of Russian emigrants in China in the late XIXth and early XXth century (1898–1945)]. Moskva. (in Russ.)

6. Kochubei, O.I. and Pecheritsa, V.F., 1998. Iskhod i vozvrashchenie. Russkaya emigratsiya v Kitae v 20–40-e gody [Leaving and returning. Russian emigration in China in the 1920s – 1940s]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. (in Russ.)

7. Melikhov, G.V., 2003. Belyi Kharbin. Seredina 20-kh [White Harbin. The middle of the 1920s]. Moskva: Russkii put'. (in Russ.)

8. Meshcheryakov, A.Yu. and Andropov, O.K., 2019. Kharbinskii politekhnicheskii institut v 1920–1976 gg. [Harbin Polytechnic Institute in 1920–1976], Manuscript, no. 6, pp. 68–72. (in Russ.)

9. Khisamutdinov, A.A., 2015. Russkoe vysshee obrazovanie v Kitae [Russian higher education in China], Voprosy obrazovaniya, no. 4, pp. 105–113. (in Russ.)

10. Khisamutdinova, N.V., 2016. Russkaya inzhener'naya shkola v Kitae [Russian engineering school in China], Vysshee professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom, no. 4, pp. 204–212. (in Russ.)

11. Qu Xueping, 2018. Istoriiki i istoricheskaya nauka v russkom Kitae (20–40-e gg. XX v.) [Historians and the discipline of history in Russian China, the 1920s – 1940s], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

12. Qu Xueping, 2023. Russkie istoriki-emigranty i istoricheskaya nauka v Kitae (20–40-e gg. XX v.). [Russian emigrant historians and the discipline of history in China, the 1920s – 1940s]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta. (in Russ.)

13. Sharonova, V.G., 2015. Istoriya russkoi emigratsii v Vostochnom Kitae v pervoi polovine XX v. [The history of Russian emigration in Eastern China in the first half of the XXth century]. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga. (in Russ.)
14. 王凤英, 2021. 哈尔滨俄侨教育史探究(二十世纪二三十年代) [A study on the history of education of Russian emigrants in Harbin, the 1920s and 1930s], 边疆经济与文化, no. 8, pp. 69–71. (in Chinese)
15. 王艳林 and 张艳杰, 2016. 哈尔滨俄侨高等教育回眸 [A look back at higher education of Russian emigrants in Harbin], 中外企业家, no. 35, pp. 204–205. (in Chinese)
16. 荣洁, 2011. 俄侨与黑龙江文化: 俄罗斯侨民对哈尔滨的影响 [Russian emigrants and Heilongjiang culture: the influence of Russian emigrants on Harbin]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. (in Chinese)
17. 李黛, 1989. 黑龙江省高等教育史. 1902–1985 [The history of higher education in Heilongjiang province. 1902–1985]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. (in Chinese)
18. 李仁年, 1996. 20–40年代俄国侨民在华的教育活动 [Educational activities of Russian emigrants in China from the 1920s to the 1940s], 西伯利亚研究, no. 3, pp. 42–49. (in Chinese)
19. 李兴耕, 1997. 风雨浮萍: 俄国侨民在中国 (1917–1945) [Duckweed in the rain and wind: Russian immigrants in China, 1917–1945]. 北京: 中央编译出版社. (in Chinese)
20. 李随安, 2022. 俄罗斯文化在黑龙江 [Russian culture in Heilongjiang]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. (in Chinese)
21. 李述笑, 1986. 哈尔滨历史编年(1896–1949) [A chronicle of Harbin history, 1896–1949]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. (in Chinese)
22. 刘金福, 2007. 19世纪末叶以来俄国侨民在东北的教育活动述评 [A review of the educational activities of Russian emigrants in Northeast China since the late XIXth century], 中国高新技术企业, no. 16, pp. 192–193. (in Chinese)
23. 马洪舒. 2000. 哈尔滨工业大学校史 [The history of Harbin Polytechnic University: 1920–2000]. 哈尔滨: 哈尔滨工业大学出版社. (in Chinese)
24. 彭传勇, 石金焕 and 彭传怀, 2021. 民国时期在华俄侨学术活动及价值研究 [A study on the academic activities and values of Russian emigrants in China during the ROC era]. 北京: 中国社会科学出版社. (in Chinese)
25. 彭传云, 吴艳秋 and 曲雪萍, 2014. 哈尔滨的俄罗斯汉学家 [Russian sinologists in Harbin]. 北京: 中国社会科学院出版社. (in Chinese)
26. 徐振岐, 2013. 民国时期黑龙江高等教育述论: 博士论文 [A review of higher education system in Heilongjiang during the ROC era: a doctoral thesis]. 吉林. (in Chinese)
27. 孙岩, 2021. 俄罗斯侨民在哈尔滨兴办教育综述 [A review of the educational system of Russian emigrants in Harbin], 齐齐哈尔大学学报 (哲学社会科学版), no. 9, pp. 167–169. (in Chinese)
28. 黄进华, 2010. 中东铁路, 十月革命与哈尔滨工业大学的诞生 [Chinese Eastern Railway, October Revolution and the birth of Harbin Polytechnic Institute], 哈尔滨工业大学学报 (社会科学版), no. 1, pp. 1–5. (in Chinese)
29. 金丽雪, 2010. 东省特别行政区教育研究 (1896–1932年): 硕士论文 [A study of educational system in the Special Region of the Eastern Provinces, 1896–1932: a master's degree thesis]. 哈尔滨. (in Chinese)
30. 姜树卿 and 单雪丽, 2002. 黑龙江教育史 [History of education in Heilongjiang province]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. (in Chinese)
31. 陈秋旭 and 刘景岚, 2020. 论20世纪前后远东俄侨文化及其对哈尔滨的影响. [On the culture of Russian emigrants in the Far East in the XXth century and its influence on Harbin], 延边大学学报 (社会科学版), no. 2, pp. 40–46. (in Chinese)
32. 石方, 刘爽 and 高凌, 2003. 哈尔滨俄侨史 [History of Russian emigrants in Harbin]. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. (in Chinese)

Статья поступила в редакцию 20.01.2025;
рекомендована к печати 04.02.2025

УДК 130.2

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/14-19>

С.Ю. Пчелкина*

ЭСТЕТИКА ДРЕВНЕЙ АРХИТЕКТУРЫ ВОСТОКА В КНИГЕ Н.И. БРУНОВА «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ»: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ИСКУССТВЕ

Статья посвящена анализу подхода Н.И. Брунова к интерпретации эстетики древней архитектуры Востока, нашедшего отражение в работе «Очерки по истории архитектуры». Советский искусствовед стремился проследить влияние ментальности и культурных кодов на формообразование в архитектуре Древней Индии, Китая и Японии. В центре внимания автора – предложенная Н.И. Бруновым идея «неструктивности» восточной архитектуры, выражающаяся в отсутствии четкой границы между природным и культурным пространством. Статья подчеркивает необходимость осмысленного заимствования восточных эстетических принципов в современной архитектуре, основанного на понимании их философских и культурных истоков.

Ключевые слова: Н.И. Брунов, эстетика архитектуры, Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Япония, ментальность, культурный код, культурные заимствования

The aesthetics of Ancient Asian architecture in Nikolay Brunov's «Essays on the history of architecture»: cultural borrowings in art. SVETLANA Yu. PCHELKINA (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

This article analyzes Nikolay Brunov's approach to interpreting the aesthetics of Ancient Asian architecture as presented in his seminal work «Essays on the History of Architecture». The Soviet art historian sought to trace how cultural codes and collective mentality shaped architectural forms in Ancient India, China, and Japan. Central to the study is Brunov's concept of «non-structiveness» – a defining characteristic of Asian architecture manifested through the intentional dissolution of boundaries between natural and constructed spaces. The paper emphasizes the importance of meaningful adoption of Eastern aesthetic principles in contemporary architecture, which must be grounded in a profound understanding of their philosophical and cultural foundations.

Keywords: Nikolay Brunov, aesthetics of architecture, Ancient India, Ancient China, Ancient Japan, mentality, cultural code, cultural borrowings

Межкультурная коммуникация и современная архитектура

Современная эстетика архитектуры находится в большом движении, которое во многом обуслов-

лено активной межкультурной коммуникацией, переносом эстетических принципов, порожденных одной культурой, в архитектурное поле иной культуры, результатом чего становится либо гар-

* ПЧЕЛКИНА Светлана Юрьевна, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, pchelkina.syu@dvfu.ru

© Пчелкина С.Ю., 2025

моничное слияние, либо конфликт и столкновение. В этой ситуации растет потребность в исследованиях, фокусирующих внимание на специфике культурных различий, однако такого рода исследования нуждаются в соответствующем материале, на основе анализа которого можно было бы осуществлять герменевтику эстетической мысли, вложенной в произведения архитектуры. Среди работ, в которых содержатся сведения, релевантные задачам ментальной реконструкции культурных кодов, пронизывающих любой артефакт, примечательна книга «Очерки по истории архитектуры» (1935–1937 гг.) [1] Николая Ивановича Брунова (1898–1971), советского искусствоведа, историка архитектуры, преподавателя знаменитого Московского архитектурного института (МАРХИ), переизданная в 2003 г.

Методология Брунова построена на объяснении исторически значимых архитектурных форм через ментальность породившего их сообщества. Любой артефакт есть носитель культурного кода, содержащий информацию о философии жизни, которая сложилась в сознании исторической общности в определенной природной среде, и архитектура в этом процессе перехода мысли в форму вещи (артефакта) играет свою особенную роль, осуществляя творческое преобразование пространства природы в пространство культуры. П.А. Флоренский, преподававший в МАРХИ в одно время с Н.И. Бруновым, писал: «Вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства. В одном случае это – пространство наших жизненных отношений, и тогда соответственная деятельность называется техникой. В других случаях это пространство есть пространство мыслимое, мысленная модель действительности, а действительность его организации называется наукою и философией. Наконец, третий разряд случаев лежит между первыми двумя. Пространство или пространства его наглядны, как пространства техники, и не допускают жизненного вмешательства – как пространства науки и философии. Организация таких пространств называется искусством» [5, с. 55]. Если принять в качестве концептуальной основы определение искусства, предложенное Флоренским, то архитектуру как искусство, которое полностью связано с творчеством пространственных форм, можно рассматривать не только как некий художественный объект, но и как слепок ментальности. Культурный код – вот что определяет художественные предпочтения, воспроизводимые на протяжении длитель-

ного времени в пределах какой-либо культурной общности.

Европейское архитектурное искусство достаточно давно имплементирует архитектурные формы, заимствованные из восточных культур, в особенности Древней Японии и Китая. Попытки аккультурации дальневосточной архитектуры связаны со стремлением привнести в собственный архитектурный ландшафт наиболее ценные (в глазах европейца) элементы организации предметной среды, создавая т.н. «китайский» или «японский» стиль. Но чтобы это заимствование не было механистическим, необходимо осознавать те идеи, которыми вдохновлялись творцы древнеиндийской, древнекитайской и древнеяпонской культур.

Граница между природой и культурой

В контексте рассуждений Н.И. Брунова, рассматривающего архитектуру как организацию пространства, которая порождается сознанием человека вследствие переживания им природы, выявляются важные особенности эстетики архитектуры Индии, Китая и Японии. Брунов исследует древние дальневосточные стили, стремясь представить архитектуру как границу между пространством природы и пространством культуры, и на основании описаний, которые содержатся в его книге, создается впечатление, что эстетической чертой древнеиндийской, древнекитайской и древнеяпонской архитектур является отсутствие зримой, нарочитой границы между культурным пространством и пространством природы, которая была бы создана формами типичных для этих стилей архитектур. При этом подобный подход в формообразовании обусловлен не проективной или технологической неразвитостью, а, наоборот, стремлением передать языком архитектуры сознательную тягу носителей древних дальневосточных культур к природе. В противном случае эти формы носили бы печать «нерациональности» и невольной грубости, что делало бы их эстетически непривлекательными. Последнее особенно важно в контексте поиска объяснений эстетической привлекательности древнеиндийской, древнекитайской и древнеяпонской архитектур для европейских архитекторов.

В «Очерках по истории архитектуры» архитектурные особенности Древней Индии, Китая и Японии интерпретируются в тесной связи с эстетической идеей трансграничности природы и архитектуры. В первом томе «Очерков», проводя формальный анализ архитектуры указанных стран,

Н.И. Брунов вскрывает культурные коды носителей этих культур, лежащие в основе их ментальности, полагая спецификой их архитектурных стилей высокую степень приближенности архитектуры к пространству природы. Европейская же архитектура, согласно Н.И. Брунову, изначально характеризуется стремлением к жесткому разграничению пространства природы и пространства культуры. Эта исследовательская установка историка архитектуры нашла выражение в специфическом авторском термине «структивность». Для Н.И. Брунова наличие или отсутствие структурности – важный признак в определении архитектурной формы, поскольку речь идет о степени овладения природным материалом, которая характеризуется мерой его дифференциации, т.к. изначально природа воспринимается нами как некий континуум. Общим признаком древних дальневосточных – «доордерных» – архитектур является их «неструктивность», т.е. отсутствие жесткой дифференциации внешнего и внутреннего пространства архитектурного сооружения, слабо обозначившееся пространственное членение, малое выделение пространственных форм [1, с. 50].

Эстетические особенности архитектуры Древней Индии, Китая и Японии

В целом архитектуре Китая и Японии присуща легкость архитектурных форм, в которых выражено стремление растворить человека в пространстве природы. Основным достижением древней китайско-японской архитектуры исследователь считает пагоду как форму организации пространства. На основе ее анализа он выявляет специфические черты дома-павильона как типичного воплощения этой формы [1, с. 50]. Во-первых, это отсутствие ясного структурного взаимоотношения – тектонического членения на несущие и несомые части: «вместо ясного структурного взаимоотношения» – «взаимопроникновение вертикали и горизонтали». Это порождает всем известный эстетический эффект пагоды – «крыша парит над зданием» [1, с. 52]. Во-вторых, внутреннее пространство является частью неограниченного пространства природы, поэтому «все формы легки, воздушны и пропитаны атмосферой»; масса «отступает на второй план» [1, с. 53]. Отсутствие структурности проявляется в том, что сооружение как бы ускользает обратно в природу, из которой оно проступает. Отсюда мистическое чувство, возникающее в попытках найти границу между рукотворным и нерукотворным пространством.

В-третьих, материальная граница между пространством природы и внутренним пространством дома не сконцентрирована в одном месте: «нет или почти нет членения пространства», оно остается цельным и единым, растворяется в природе [1, с. 58]. Это можно назвать дуализмом материальной дифференциации: с одной стороны, она присутствует в виде стен, крыши и т.д., с другой – работает на дематериализацию, скрадывая эти границы. Материальность границы ощущается скорее на функциональном уровне: сооружение все-таки выполняет функцию искусственного укрытия от негативных проявлений природы, однако на эстетическом уровне воспринимается как нечто естественное. «Само здание снаружи уподобляется деревьям», вписано в общую картину зелени и деревьев и подчинено им [1, с. 58]. В целом архитектура на уровне эстетического переживания воздействует на человека так, будто отводит его взгляд от факта своей «рукотворности», укореняет его ощущение неразделимости с природой, как бы табуируя саму мысль о возможном отчуждении.

В отношении индийской архитектуры речь идет о стиле т.н. «буддийско-брахманского» периода, который является чисто индийским изобретением, воспроизводился на протяжении многих веков и в сознании носителей других культур прочно ассоциируется с традиционной Индией. Главным объектом эстетического переживания здесь является пещерный храм («ступа» или «чайтья») и башнеобразный храм. Главной архитектурно-композиционной особенностью буддийского храма, с точки зрения Н.И. Брунова, является пещерность внутреннего пространства. Его типичное расположение – выдолбленное в природной горе пространство, внешне пластически оформленное как пространство человека, но в архитектурно-композиционном отношении мало дифференцированное от пространства природы. Легко уловить, что эстетика чайтьи во многом похожа на эстетику пещеры: «Льющийся из пространства природы внутрь пространства пещеры свет наглядно выражает зависимость пещеры от пространства природы» [1, с. 113]. То же можно сказать и о башнеобразных храмах новобрахманского периода. Такой храм при наличии черт, отличающих его от чайтьи, тем не менее воспроизводит принцип пещерного формообразования: «Вся композиция носит на себе следы происхождения от первобытного дольмена и от пещеры. Внутреннее пространство очень незначительно и совершенно не

соответствует колоссальной наружной массе. Оно имеет пещерный характер и унаследовано от буддийской чайты» [1, с. 133]. Пещерность определяет и вторую черту древнеиндийской архитектуры – это безграничность толщи материи: «Индийские новобрахманские храмы почти не имеют внутреннего пространства; в них господствуют тяжелые непроницаемые наружные массы» [1, с. 126–127].

Однако массивность, замкнутость и даже угрюмость древнеиндийской архитектуры преодолеваются эстетической характеристикой, определяемой Н.И. Бруновым следующим образом: «Главным носителем художественной композиции является поверхность. Она выражает органическое набухание изнутри наружу. Как башня в целом, так и каждая более или менее самостоятельная часть ее в отдельности круглится изнутри. Благодаря этому отдельные части здания и все здание в целом напоминают растительные формы. Получается впечатление развивающегося наружу внутреннего центра роста» [1, с. 134]. Это роднит древнеиндийскую архитектуру с вышеописанной древнекитайской и древнеяпонской: «Существует соответствие между формами индийской архитектуры и тропической растительностью страны. В этом смысле есть известное сходство между индийской и китайской архитектурой. Индийская архитектура тоже вписывает свои здания в природу, уподобляя ей свое зодчество» [1, с. 130–131]. Форма древнеиндийского башнеобразного храма есть попытка передать неудержимую, изобильную энергию роста тропической флоры.

Главное эстетическое переживание от созерцания древнеиндийской архитектуры – иллюзия мистического растворения индивидуального внутреннего мира человека во всеобщем пространстве безличного существования огромной космической массы растительной природы Индии, которая невиданной, неосознаваемой человеческим умом силой выталкивает из недр земли тропический лес, горы, архитектуру и которая есть как бы продолжение и повторение этого роста. «Архитектура толкует природу как населенную таинственными силами» [1, с. 131]. Но в отличие от древнекитайской и древнеяпонской архитектуры, которые нацелены на растворение сооружений в природе, древнеиндийской архитектуре присуща другая черта, составляющая ее особенность: «...По сравнению с китайским зодчеством, в архитектуре Индии новобрахманского периода господствует наружная масса, вырастающая из ок-

ружающего ландшафта, но вместе с тем противопоставленная природе» [1, с. 131]. Это задает иную динамику человеческого переживания при созерцании архитектуры: глубина выносится на поверхность, внутреннее пространство поглощается внешним. Здесь мы можем говорить об аннигиляции дуализма двух архитектурных пространств и победе одного за счет другого. Если в буддийском пещерном храме эстетика в основном концентрируется во внутреннем пространстве, порождая странный эффект пещерной красоты, то в новобрахманском башнеобразном храме основная эстетическая ценность заключена в растительно-взбухших формах внешнего пространства.

Таким образом, с точки зрения Н.И. Брунова, для древних архитектурных стилей Индии, Китая и Японии характерны следующие общие принципы архитектурного формообразования: 1. Отсутствие ясного тектонического членения на несущие и несомые части; 2. Трактовка архитектурного пространства как части природы; 3. Отказ от создания материальной границы между пространством природы и пространством сооружения как цели архитектурного творчества; 4. Нацеленность художественной формы архитектуры на порождение иллюзорного, мистического переживания. Различия между стилями, безусловно, имеются и определяются набором стилеобразующих средств, хорошо фиксируемых в обликах сооружений. Но вместе с тем в их основе лежит общее эстетическое начало, радикально отличное от европейской архитектурной эстетики. И китайско-японская, и индийская архитектура есть архитектура слабо расчлененных форм – по отношению как к природным формам, так и к формам внутри самого архитектурного сооружения.

Культурный код в архитектурном творчестве

Характер осмысления Н.И. Бруновым особенностей архитектуры Древней Индии, Китая и Японии соответствует феноменологическому подходу: архитектура как оформленное пространство выступает эпифеноменом человеческого сознания, в котором преломляется то, как человек понимает себя и окружающую его природу. Культура есть форма понимающего отношения человека к бытию, а искусство – художественное преломление понимающего отношения к природе, к самому себе, к обществу и к трансцендентному началу (Богу). Из понимающего отношения творятся материальные формы, символически обоз-

начающие это понимание, которое, собственно, и называют «культурным кодом». Сам же «культурный код» оформляется вокруг того, что в контексте европейской философской мысли принято называть «идеей». Э. Панофски, немецкий и американский историк и теоретик искусства, один из крупнейших представителей немецкой науки об искусстве 1920-х гг. и американской искусствоведческой школы 1930-х – 1960-х гг., писал: «И поскольку Архитектура зависит от образов идеальных, возвышается и она над природою» [4, с. 226]. И прежде, чем появляется архитектура как таковая, по словам Панофски, архитектор «должен измыслить благородную Идею и поставить себе определенный закон, каковой будет ему порядком и правилом» [4, с. 228].

Идея есть открывшееся человеку понимание, из нее рождается все, что есть в культуре, и среди прочего, конечно же, и архитектура. Эстетический эффект архитектуры объясняется материальным воплощением некоей «идеи», которая, по определению польского эстетика и феноменолога Р. Ингардена, тождественна «форме геометрического тела»: «Построенный и существующий реальный предмет, наделенный архитектором особыми пространственными свойствами и качествами своих поверхностей, составляет бытийную основу архитектурного произведения искусства» [3, с. 222]. И в какой мере человек на уровне «идеи» осознает свое отличие от природы, в той он ищет и творит способ провести дифференциацию природного материала, создавая в пространстве природы пространство культуры в виде зданий и сооружений, красота которых и заключается в эффекте выделения, выступления части материальной силы на фоне природного континуума: «Если некий реальный предмет (постройка) должен составлять бытийную основу некоторого определенного архитектурного произведения, то среди его свойств должна выступать прежде всего объективная пространственная форма, по крайней мере в главных своих контурах, если не целиком как форма (образ), являющаяся главным элементом архитектурного произведения» [3, с. 223]. Другими словами, пространственная форма, о которой идет речь в рассуждениях Р. Ингардена как о главном элементе архитектурного произведения, не только является системой поверхности произведения, но известным образом проникает также в глубину произведения. Архитектурное произведение не только имеет свою основу существования в трехмерном, полном массы (материи) физичес-

ком предмете, но само является системой формы масс (геометрических тел) и тем самым содержит в своей сущности все те конструктивные части и свойства, которые логически связаны с видимой внешней формой целого. Существует, если так можно выразиться, своеобразная логика масс, их форм, взаимного расположения, обусловленности и т.д. Каждое архитектурное произведение является как бы решением проблемы логики масс, составляет некий конструктивный скелет, который приводит к определенной внешней пространственной форме [3, с. 223].

Осознание принципов формообразования архитектуры Древней Индии, Китая и Японии помогает увидеть культурные коды, которые, в соответствии с идеей культурного бессознательного, детерминируют художественный стиль любой традиционной культуры. Юнгианский подход к аналитике культур позволяет указать на ряд аспектов [6, с. 106–107], которые нельзя не учитывать при изучении вопроса культурных заимствований из стран Востока, в т.ч. в сфере архитектуры. Во-первых, это отношение человека и природы, заложенное в качестве культурного кода в основание любой культуры. Если на уровне коллективного бессознательного европейская культура тяготеет к четкому обозначению границ между пространством природы и пространством человека, то традиционная культура Индии, Китая и Японии такого разграничения целенаправленно не проводит. Во-вторых, это отношение человека к самому себе. Продукт европейской архитектуры – это закрытые внутренние пространства, являющиеся как бы эпифеноменом внутреннего мира человека, что соответствует ментальности западного человека, мыслящего себя через противопоставление собственного внутреннего мира и мира внешнего. В то же время архитектура Индии, Китая и Японии создает эффект «перетекания» из внутреннего мира в мир внешний и обратно.

Таким образом, архитектура Древней Индии, Китая и Японии содержит в себе смыслы, радикально отличающиеся от смыслов европейской архитектуры, что требует внимания и осмысления в случае заимствования. Для достижения эстетического эффекта аналогичного тому, что производят лишённые конструктивности архитектурные формы древневосточных сооружений, необходимо отказаться от слепого копирования материальных форм и попытаться в процессе творчества включить в поле своей ментальности идеи, лежащие в основе традиционной восточной культуры.

Это становится возможным на уровне метакультуры, которая, по определению С.Е. Ячина, характеризуется творческим открытием, свершающимся на границе культурных сред, когда личность осмысленно, т.е. с ясным пониманием идейного источника художественных произведений, относится к достижениям своей и иных культур, «когда рефлексивно принимается инаковость другого, и причем так, что она оборачивается возможностью взаимного соразвития» [7, с. 248–248].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры: в 3-х т. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2003.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Наука, 2007.
3. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.
4. Панофски Э. IDEA: к истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб.: Аксиома, 1999.
5. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.
6. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.
7. Ячин С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток: Дальнаука, 2010.

REFERENCES

1. Brunov, N.I., 2003. Ocherki po istorii arkhitektury: v 3-kh t. T. 2 [Essays on the history of architecture: in 3 volumes. Vol. 1]. Moskva: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
2. Hegel, G.W.F., 2007. Leksii po estetike: v 2-kh t. T. 2 [Lectures on aesthetics: in 2 volumes. Vol. 2]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
3. Ingarden, R., 1962. Issledovaniya po estetike [Papers on aesthetics]. Moskva: Izdatel'stvo inostranoi literatury. (in Russ.)
4. Panofsky, E., 1999. IDEA: k istorii ponyatiya v teoriyakh iskusstva ot antichnosti do klassitsizma [Idea: a concept in art theory]. Sankt-Peterburg: Aksioma. (in Russ.)
5. Florenskii, P.A., 1993. Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh [Analysis of spatiality and time in the works of visual art]. Moskva: Progress. (in Russ.)
6. Jung, C.G., 1994. O psikhologii vostochnykh religii i filosofii [On psychology of Eastern religions and philosophies]. Moskva: Medium. (in Russ.)
7. Yachin, S.E., 2010. Sostoyanie metakul'tury [The condition of metaculture]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 25.09.2024;
рекомендована к печати 31.03.2025*

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 39:930.85

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/20-28>

С.В. Березницкий*

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ

В статье анализируется научная парадигма возникновения и функционирования понятия «культура жизнеобеспечения». Кратко наметив идейные контуры становления национального варианта науки в России, автор обращается к истории возникновения понятия «жизнеобеспечение», его связи с теоретическими разработками Б. Малиновского и А. Маслоу, и демонстрирует вклад советских и российских ученых в разработку концепции «культуры жизнеобеспечения». В заключительной части эффективность использования данного методологического подхода в антропологии и этнографии показана на примере изучения этнокультурных особенностей жизнеобеспечения коренных народов амуро-сахалинского региона.

Ключевые слова: история науки, этнография, культура жизнеобеспечения, коренные народы Амура и Сахалина

Life-support culture: tracing a concept through time. SERGEY V. BEREZNITSKY (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia)

The article examines the scholarly paradigm surrounding the emergence and application of the concept of «life-support culture». After briefly outlining the intellectual foundations of Russia's national scientific tradition, the author traces the genesis of the «life support» concept, its theoretical linkages to the works of Bronislaw Malinowski and Abraham Maslow, and highlights the contributions of Soviet and Russian scholars to the development of this conceptual framework. The concluding section demonstrates the methodological value of this approach in anthropological and ethnographic research, illustrated through a case study of ethnocultural features of life support system of indigenous peoples of Amur and Sakhalin.

Keywords: history of science, ethnography, life-support culture, indigenous peoples of Amur and Sakhalin

Введение

Под воздействием культуры Возрождения, научной революции XVII в. сформировалась идео-

логия Просвещения. Этот процесс хорошо известен по творчеству Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г.В. Лейбница, И. Ньютона, Б. Спинозы и других мыслите-

* БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия, svbereznitsky@yandex.ru

© Березницкий С.В., 2025

лей. Эпоха Просвещения знаменовала собой важный этап в преодолении зависимости науки от религии, рост точных и естественных наук. Их развитие и воздействие на жизнь социума породило веру в безграничные способности разума. В 1846 г. Н.В. Гоголь в письме к В.А. Жуковскому высказал идею о том, что понятие «просвещение» является исконно русским: «Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить или образовать..., но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести ... его сквозь ... очистительный огонь...» [5, с. 70–71].

Историкам науки хорошо известно, что европейская, западная наука отличается от восточной рационализмом, прагматизмом, обязательным наличием эксперимента. Научностью и логикой характеризуется западная философия, в сравнении с восточной, которая в индуизме, буддизме, конфуцианстве тесно взаимодействует с религией и мистикой. В 2024 г. Российской академии наук исполнилось 300 лет – в свете достижения этой вехи представляется особенно актуальным обращение к истории национальных научных идей и их систематизация, а также популяризация вклада отечественных ученых в разработку различных научных дисциплин, в особенности тех, чьим предметом изучения является общество и человек. Ведь сегодня все большему числу россиян становится понятно, что развитие отечественного гуманитарного знания должно покоиться на исторических традициях именно российского общества, на его ценностях и мировоззренческих установках. В данной статье речь пойдет об этнографическом знании: кратко наметив идейные контуры становления национального варианта науки в России, мы обратимся к истории возникновения понятия «жизнеобеспечение», проследим его связь с теорией потребностей Б. Малиновского и иерархией мотиваций А. Маслоу, охарактеризуем, как советские и российские ученые расширили и обогатили это понятие за счет разработки концепции «культуры жизнеобеспечения». Эффективность использования данного методологического подхода в антропологии и этнографии будет показана на примере изучения этнокультурных особенностей жизнеобеспечения коренных народов амуро-сахалинского региона.

Русские мыслители о соотношении мировой и национальной науки

Выдающаяся роль в деле создания отечественного варианта науки европейского типа принадле-

жит М.В. Ломоносову, несмотря на то, что в его трудах можно найти отсылки к религиозным догмам. Ученый признавал наличие всемогущего Бога как создателя Вселенной и всего сущего. В частности, в 1761 г. Ломоносов совершил научное открытие мирового уровня, когда обнаружил атмосферу на Венере. Размышляя о возможности жизни на этой планете, он пришел к выводу о том, что это может быть только в силу божественного промысла. По мнению Ломоносова, именно Бог дал человечеству науку и веру, которые есть «две сестры родные, и никогда не могут прийти в распрю между собою» [17, с. 373–375].

Большие усилия Ломоносов прилагал к тому, чтобы русский язык стал языком отечественной науки, а научные труды печатались не только на латыни, немецком и французском языках, но и на русском. Хотя первые учебники по грамматике русского языка, арифметике, астрономии были напечатаны по указанию Петра I на русском языке еще в конце XVII – начале XVIII в. [9, с. 140]. Ломоносов настаивал на переводе «чужестранных» научных терминов на русский язык, предлагая оставлять непереуведенными лишь такие слова, которым невозможно подобрать равнозначные по смыслу русские понятия.

В XIX – начале XX в. над соотношением науки и национальной культуры размышляли такие выдающиеся отечественные ученые, как Д.И. Менделеев, В.В. Докучаев, В.И. Вернадский, каждый из которых в соответствующем порядке являлся учеником своего предшественника. Д.И. Менделеев был убежден, что человеческий прогресс состоит в развитии индивидуальных особенностей каждого народа, и поддерживал идею разумной самодостаточности государства как основы развития [22, с. 282]. Не возражая против подготовки российских профессоров за границей, их знакомства с научными зарубежными достижениями, Менделеев видел главный фактор развития науки в ее национальном, самостоятельном характере [22, с. 330, 345]. Высоко оценивая роль Петра Великого в процессе просвещения России, он, однако, отмечал, что европейские ученые принесли с собой на русскую почву собственные национальные парадигмы науки: немецкую, голландскую, французскую.

Новую науку – почвоведение, которое было введено в научный оборот именно как самобытное русское направление учения о земле, разработал В.В. Докучаев [8]. Он был послан Вольным экономическим обществом в районы Черноземья, чтобы

исследовать причины упадка урожайности на этих почвах, и в результате выяснил, что почва является особым телом природы, орудием труда человека, поэтому ее следует изучать с использованием тех же методологических установок, что и любое живое существо, в т.ч. человека, социум. Урожайность зависит не только от химического состава почвы, водного и воздушного режимов, но и от условий возникновения и функционирования антропогенного ландшафта, от характера труда, затрачиваемого на земледелие, от системы жизнеобеспечения.

Эти идеи о взаимосвязи географического ландшафта, климата, животных и человека повлияли на развитие концепции В.И. Вернадского о взаимосвязи биосферы (комплекс всего живого вещества вместе со средой обитания), ноосферы (локация разума на планетарном уровне) и космизма (изначальное живое вещество в космосе). Вернадский утверждал, что теоретическое мышление не было дано человеку как биологическому виду, а долго вырабатывалось в процессе эволюции общества. Структура мировой науки, по Вернадскому, представлена независимыми типами: европейским, индийским, китайским, американским, африканским [23, с. 29–32]. Рассматривая историю российской науки XVIII–XX вв., Вернадский делал акцент на проблеме соотношения науки и национальной культуры [4, с. 74–76]. Хотя нередко он высказывал мысли о том, что русская наука не существует, ибо наука едина для всего человечества [4, с. 74], однако здесь же писал о том, что процесс развития научного мировоззрения прочно связан с бытом народа, с социальными законами и исторической жизнью. Именно так и проявляется в истории науки конкретная национальность [4, с. 63, 74]. Важнейшей задачей Вернадский считал исследование истории науки отдельных стран, часто употребляя термин «русская наука» [4, с. 374] и сожалея о том, что до сих пор не получила развития инициатива индолога С.Ф. Ольденбурга и историка А.С. Лаппо-Данилевского по изданию полной истории русской науки [4, с. 257–259]. В целом творческое наследие Вернадского переполнено мыслями об универсальном характере мировой науки, о национальных отличиях русской науки, об отличиях восточного и западного научного мировоззрения. Историю развития науки Вернадский видит в последовательном движении от народной (этнической) науки к национальной и затем общепланетарной.

Становление и развитие понятия «культура жизнеобеспечения»

Ученым разных направлений хорошо известна теория потребностей английского антрополога Б.К. Малиновского [18]. В статье 1936 г. «Культура как определяющий фактор поведения» [30] Малиновский частично рассмотрел это положение, которое окончательно сформулировал позже. Материалы были опубликованы в 1944 г., уже после его смерти. По Малиновскому, в основе человеческой культуры лежит комплекс первичных потребностей, связанных с питанием, выживанием, воспроизводством и т.п. Кроме них культурная среда обуславливает появление вторичных потребностей. И те, и другие выполняют функции, направленные на обеспечение выживания сообщества, адаптации к природной среде и т.д. Считается, что именно эти теоретические разработки Малиновского натолкнули американского психолога А. Маслоу на создание концепции иерархии человеческих потребностей, т.н. «пирамиды Маслоу» [14, с. 35–45]. Маслоу выстроил схему мотиваций в виде блоков, каждый из которых соответствовал человеческим потребностям в эволюционном смысле: от простых, базовых (пища, секс, безопасность, стабильность, комфорт) – к более сложным (семья, принадлежность к социальной группе, самоактуализация). Вершину пирамиды заняла доработанная Маслоу позже категория трансцендентности или процесс выхода человека за пределы реального опыта, к истине. Переход от одной стадии к другой происходил на основе возникновения четкой мотивации. Статья «Теория человеческой мотивации» была опубликована Маслоу в 1943 г., впоследствии несколько раз переиздавались монографии на эту тему [20], однако в виде пирамиды иерархию потребностей изображали уже другие психологи, исследующие эту проблему. Маслоу же не только не визуализировал свою концепцию таким образом, но и отказался в 1968 г. от схемы с несколькими уровнями, оставив лишь два: базовые желания и потребности самоактуализации [21, с. 23–24].

Таким образом, Малиновский фокусировался на взаимосвязи потребностей и культуры, в то время как Маслоу изучал последовательность удовлетворения потребностей и их иерархию. Концепции человеческих потребностей Малиновского и Маслоу имеют в своей основе разные методологические подходы. Малиновский делил потребности на первичные (биологические) и вторичные (культурные), Маслоу создал иерархичес-

кую модель потребностей и мотиваций. Переход к следующей стадии был возможен, по мнению Маслоу, только при условии удовлетворения предыдущих потребностей. Впоследствии этот механизм подвергся критике исследователей.

С теорией потребностей и иерархией мотиваций связано понятие «культура жизнеобеспечения», которое окончательно утвердилось в научном обороте как российское, пройдя определенные этапы развития и трансформаций. Под «культурой жизнеобеспечения» подразумевается сложная система, необходимая для поддержания и возрождения традиций этноса, процессов этнической идентификации и интеграции. Культура жизнеобеспечения важна для сохранения самобытности этноса и его этнокультурного пространства, промыслов, быта, искусства, языка, межпоколенного механизма трансляции культурных ценностей.

К наиболее важным компонентам жизнеобеспечения относятся технологии развития человека и человеческого общества, для чего необходимо сохранение природной среды обитания, институтов воспроизводства, материальных и духовных ценностей. Система жизнеобеспечения предназначена для поддержания и развития природных и антропологических основ социокультурной деятельности человека. Однако столь емким понимание сущности и функций жизнеобеспечения было не всегда. Долгое время с культурой жизнеобеспечения связывали лишь производство предметов, необходимых для удовлетворения физиологических, материальных потребностей человека, относя сюда прежде всего культуру питания, комплексы одежды, жилища, предметов быта.

Термин «жизнеобеспечение» был введен в научный оборот в 1930-х гг. американским антропологом Р. Лоуи, для которого он обозначал лишь технологию производства и распределения пищи [29]. Впоследствии отечественные этнографы С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян, Э.Л. Мелконян, И.И. Крупник, А.Н. Ямсков, В.И. Козлов, Р.М. Сатаев, А.В. Головнев значительно расширили и обогатили этот термин, сфокусировав внимание на «культуре жизнеобеспечения». Понимаемый по-новому, институт жизнеобеспечения стал включать в себя не только пищу, но и комплексы поселений, жилищ, одежды, технологий их создания, социальные отношения, духовно-культурные воззрения и ритуалы [3, с. 55–56; 19, с. 35–37]. С.А. Арутюнов при разработке окончательного варианта формулировки понятия «культура жизнеобеспечения» показал важность престижных, эстетичес-

ких, ритуально-культурных и других компонентов этого этнокультурного института, направленных на поддержание жизнедеятельности этноса [2, с. 200–205].

Подробно рассмотрел особенности системы природопользования, культуры жизнеобеспечения коренных народов Севера И.И. Крупник. Ученый подчеркнул, что их традиционные промыслы невозможно однозначно отнести к категории высокоэкологичной деятельности. Люди вынуждены убивать сухопутных и морских животных, чтобы оптимально обеспечить сохранение и воспроизводство этноса. Сложное соотношение понятий «жизнеобеспечение» и «природопользование» Крупник предложил решать посредством построения локальных моделей адаптации конкретных этносов к окружающей среде [16, с. 5–6, 14–16 и др.].

Свою концепцию культуры жизнеобеспечения коренных народов Севера разработал А.В. Головнев [6, с. 21–27, 296]. Для этого ученый предложил встроить материальную, духовную, соционормативную и экологическую сферы культуры в комплекс человеческой деятельности, в систему жизнеобеспечения. Эти сферы прочно связаны, особенно в промысловой деятельности и в природопользовании. Адаптироваться к окружающей природе невозможно без этнической картины мира, календаря, комплекса мифов, верований, ритуалов и праздников.

Независимо друг от друга А.Н. Ямсков и Р.М. Сатаев провели анализ основных концепций жизнеобеспечения, выделив три главных варианта: «культура жизнеобеспечения», «система жизнеобеспечения» и «процесс жизнеобеспечения» социальных и биологических потребностей человека. При этом исследователи пришли к выводу, что все эти трактовки понятия «жизнеобеспечение» не являются универсальными [26; 28].

Культура жизнеобеспечения коренных народов амуро-сахалинского региона

На основе синтеза вышеназванных взглядов отечественных и зарубежных ученых можно сформировать понимание культуры культуры/системы жизнеобеспечения как специфической области человеческой деятельности по адаптации к окружающему миру; технологии по производству, распределению материальных и духовных благ, ценностей; комплекс идей, ритуалов и практик, необходимых для сохранения и развития этнокультурных особенностей, для оптимального существования и гармоничного развития этноса.

Гармоничное развитие культуры жизнеобеспечения этноса невозможно без учета взаимосвязей общества и конкретной природной среды, материальной и духовной культуры, хозяйственной деятельности. Приоритетным в такого рода исследованиях является комплексный междисциплинарный подход, синтезирующий данные нескольких научных дисциплин: этнографии, истории, антропологии, этнической экологии, философии, фольклористики и др.

Следует учитывать локальные особенности культуры жизнеобеспечения. Так, наиболее важными компонентами жизнеобеспечения коренных народов Амура и Сахалина является рыболовный и охотничий промыслы, сбор пищевых, лекарственных, технических дикоросов и морепродуктов; адаптация этносов к окружающей среде, к природным ландшафтам, в зависимости от особенностей хозяйственно-культурного типа и этнической картины мира; технологии по производству продуктов питания, транспорта, одежды, промыслового оборудования, других вещей, использование которых направлено на достижение устойчивого развития этноса; мировоззренческие, мифологические, ментальные составляющие культуры жизнеобеспечения, показывающие этнокультурные особенности.

Эволюция культуры жизнедеятельности зависит от естественного хода развития этноса, от постепенных, внешне плохо заметных, но неизбежных изменений социокультурной сферы, от интенсивности межэтнических контактов и взаимодействий. С.А. Арутюнов обратил особое внимание на особенности межэтнических коммуникаций мощных цивилизаций и немногочисленных этносов, ведущих традиционный образ жизни охотников, рыболовов, морских зверобоев, оленеводов на основе первого хозяйственно-культурного типа [1]. В результате контакта коренные народы становятся реципиентами и воспринимают этнокультурные компоненты от своих более развитых в промышленном отношении соседей. Коренные народы амуро-сахалинского региона на протяжении своей этнической истории активно контактировали как между собой, так и с восточными и европейскими цивилизациями.

На основе системно-синергетического подхода, но с использованием концепций С.А. Арутюнова и Э.С. Маркаряна, этнокультуролог Я.С. Иващенко исследовала комплексы жизнеобеспечения коренных народов Севера Дальнего Востока России. В результате она сделала справедливый вы-

вод о том, что эти механизмы жизнеобеспечения являются важной адаптивно-адаптирующей подсистемой традиционной культуры охотников, рыболовов и морских зверобоев. Анализ типологии хозяйства и материальной культуры этих этносов позволил ей выделить разные конфигурации моделей жизнеобеспечения. У охотников-оленьеводов она представлена замкнутыми круговыми маршрутами, в соответствии с миграциями оленьего стада. «Линейная» модель жизнеобеспечения характерна для полуседлых рыболовов бассейнов крупных рек и оседлых морских зверобоев. Рыболовы сезонно перемещаются от зимних поселений к летним и обратно для добычи и заготовки впрок лосося. Морские зверобои выработали собственную стратегию жизнеобеспечения, основанную на сезонной миграции китов, на добыче млекопитающих. Данная специфика жизнеобеспечения прочно связана с традиционной технологией устройства стойбищ, планировкой жилищ и хозяйственных построек, с комплексом верований, ритуалов и праздников [10; 11; 12; 13].

Результаты промысла зависят от объема рациональных знаний о животных, от качества промыслового оборудования и транспорта. В традиционных и современных промысловых технологиях используются иррациональные, сакральные, магические компоненты: транспортным средствам придаются свойства живых существ, с помощью амулетов, оберегов, табу люди стараются уменьшить степень зависимости от случайности и увеличить объем добычи. Верования и ритуалы выступают в качестве сакральных компонентов промысловых технологий.

Для исследования сущности механизма достижения лучших жизненных условий посредством сакральных компонентов промысловых технологий используется деятельностный подход, основанный на анализе причинно-следственного соотношения цели и средства [7, с. 120]. Технологии жизнеобеспечения преобразуют природу с целью удовлетворения потребностей человека, сокращения роли случая в процессе адаптации к окружающей природе, удовлетворения необходимых материальных и духовных потребностей [24, с. 169–171, 175, 179, 180]. Перед производством орудия, транспорта, промысловой одежды и обуви, ловушек совершаются ритуалы для улучшения качества этих вещей, для получения наилучшего результата их использования в промысле. Традиционное общество амуро-сахалинских народов было заинтересовано в воспитании охотников, морских

зверобоев, рыболовов, собирателей, которые смогут обеспечить продуктами промысла себя, свои семьи, больных и неимущих сородичей. Для этого необходимо владеть комплексом рациональных знаний о мире морских и таежных животных, технологиями изготовления и использования промыслового оборудования. Однако коренные жители старались гуманно относиться к окружающему миру и кормящему их ландшафту.

В результате длительной адаптации к природной среде они выработали специфическую модель питания, с блюдами, в состав которых входили термически не обработанные части тел домашних, диких, сухопутных и морских животных, рыб и птиц. Современные коренные народы Севера сохранили основанный на таежной охоте, морском зверобойном промысле, рыболовстве, собирательстве, оленеводстве особый тип ведения хозяйства, который обеспечивает их пищевыми ресурсами [15, с. 5]. Для нормального развития и обогащения организма биологически активными веществами, адаптации к окружающей среде, к северным ландшафтам, лишенным условий для культивирования растений, была выработана традиция сыроядения [25; 27, с. 20–21]. Этот уникальный механизм жизнеобеспечения был создан тысячелетия назад, но бытует и в настоящее время у тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов амуро-сахалинского региона. После промысла охотники в сыром виде едят печень оленей, приготавливают ряд блюд из свежемороженой рыбы. Более того, коренные народы вовлекли в процесс сыроядения довольно большой процент славянских переселенцев и представителей других этносов.

Культура жизнеобеспечения коренных народов амуро-сахалинского региона также имеет тесную связь с окружающими природными и антропогенными ландшафтами: петроглифами, священными природными и искусственными объектами. Все они играют важную роль в традиционной и современной культуре жизнеобеспечения. Важными остаются вопросы идентификации амуро-сахалинских этносов с реальными или воображаемыми создателями наскальных рисунков, родовой или этнической принадлежности священных ландшафтов. Населяющее конкретный ландшафт общество преобразует природное пространство в антропогенное, в котором воплощены материальные и духовные особенности этноса. На основе анализа информации коренных народов о сущности петроглифов Сикачи-Аляна, священных ландшафтов притоков р. Хор, бассейна р. Тумнин и других

территорий можно выявить локальную модель соотношения исторического и мифологического восприятия сакральных объектов с феноменами идентичности коренных народов амуро-сахалинского региона, с этнокультурными особенностями их системы жизнеобеспечения.

Неизбежно теряя традиционные аспекты, система жизнеобеспечения коренных народов амуро-сахалинского региона приобретает новые, иную культурные. При этом она одновременно трансформируется и эволюционирует. Эволюционные изменения можно отметить в промыслах, транспорте, коммуникациях, внедрении новых материалов и технологий их использования в производстве необходимых для жизни вещей.

Заключение

Таким образом, понятие «культура жизнеобеспечения», разработанное отечественными учеными, включает не только материально-хозяйственную, но и духовно-социальную составляющую, что полностью соответствует двойственному пониманию человека – одновременно как биологического организма и как члена конкретного социума, этноса. Анализ структуры института жизнеобеспечения показывает, что практически одинаковую по важности функцию играют потребности добычи и распределения продовольствия, сохранения экологии, духовности и нравственности, заботы о стариках и подрастающем поколении. Культура жизнеобеспечения является необходимым механизмом эволюционных и трансформационных процессов этноса, от которых зависит поддержание этнокультурного, этнопсихологического, этногенетического баланса. Стратегии жизнеобеспечения структурируют, наполняют смыслом все компоненты локальной культуры для ее гармоничного развития.

В результате творчества отечественных ученых было окончательно доказано, что культура жизнеобеспечения представляет собой конгломерат материального и духовного производства, ориентированного на все жизненные потребности человека, а не только на базовые, не только на добычу и распределение пищевых и других необходимых ресурсов. С помощью концепции культуры жизнеобеспечения отечественным ученым удалось показать сложное соотношение между потребностями человека и социума разного уровня, мотивациями для их возникновения, выполняемыми функциями, в то время как их западные коллеги остановились лишь на классификации мате-

риальных и духовных потребностей человека, не сумев объединить их в логично функционирующий комплекс. На основе этого методологического подхода удастся плодотворно изучать проблемы жизнеобеспечения этносов, кардинально различающихся по языку, хозяйственно-культурному типу, территории проживания, специфике адаптации к окружающей среде, уровню социально-экономического развития. В качестве конкретного примера в данной статье были рассмотрены этнокультурные особенности жизнеобеспечения коренных народов амуро-сахалинского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Люистон: Эдвин Меллен Пресс, 2002.
2. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука. 1989.
3. Арутюнов С.А., Мелконян Э.Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 53–60.
4. Вернадский В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М.: Наука. 1988. С. 63–201.
5. Гоголь Н.В. Просвещение (письмо В.А. Жуковскому) // Собрание сочинений: в 9-ти т. Т. 6. М., 1994. С. 70–71.
6. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН. 1995.
7. Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 28. № 2. С. 110–123.
8. Докучаев В.В. Русский чернозем. Отчет Императорскому Вольному экономическому обществу. СПб., 1883.
9. Зарецкий Ю.П. Первые русские печатные учебники // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 140–154.
10. Иващенко Я.С. Культура жизнеобеспечения тунгусо-маньчжуров: системно-синергетический анализ. СПб.: Астерион, 2011.
11. Иващенко Я.С. Образ кормящего ландшафта в культуре питания тунгусо-маньчжуров Приамурья // Общество. Среда. Развитие. № 1. С. 199–203.
12. Иващенко Я.С. Семиотика еды (на материале традиционной нанайской культуры). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2010.
13. Иващенко Я.С. Семиотика традиционного жилища (на материале нанайской культуры). Комсомольск-на-Амуре: КнАГТУ, 2007.
14. Казаков Е. Ф. От пирамиды потребностей – к пирамиде долженствования // Социум и власть. 2024. № 4. С. 35–45.
15. Козлов А.И. Связанные с потреблением углеводных продуктов нутрициологические и генетические риски развития ожирения у коренных северян // Вопросы питания. 2019. Т. 88. № 1. С. 5–16.
16. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
17. Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской императорской Академии Наук мая 26 дня 1761 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 361–376.
18. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005.
19. Маркарян Э.С. Культура, ее жизнеобеспечивающая подсистема и этнос // Культура жизнеобеспечения: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 17–40.
20. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019.
21. Маслоу А. Психология бытия. М.; Киев: Рефл-бук; Ваклер, 1997.
22. Менделеев Д.И. Заветные мысли // Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. М.: Экс20.
23. Микулинский С.Р. В.И. Вернадский как историк науки // Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука. 1988. С. 19–41.
24. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. С. 164–232.
25. Палаткин В.В. Феномен алиментарной культуры: понятийный анализ // Общество: философия, история, культура. 2019. № 3. С. 87–90.
26. Сатаев Р.М. Использование понятий «жизнеобеспечение», «бытовая культура» и «культура повседневности» применительно к изучению обществ исторического прошлого // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 73–82.

27. Светличная Т.Г., Воробьева Н.А. Образ жизни и здоровье ненцев в условиях постоянного островного проживания в Арктике // *Экология человека*. 2019. № 12. С. 20–25.

28. Ямсков А.Н. Проблемы и перспективы использования понятия «жизнеобеспечение» и его производных в этнологии и археологии // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 1. С. 90–92.

29. Lowie, R.H., 1938. Subsistence. In: Boas, F. ed., 1938. *General anthropology*. Boston: D.C. Heath, pp. 282–326.

30. Malinowsky, B., 1936. Culture as a determinant of behavior. *Scientific Monthly*, Vol. 43, no. 5, pp. 440–449.

REFERENCES

1. Arutyunov, S.A., 2002. Kul'tury, traditsii, ikh razvitie i vzaimodeistvie [Cultures, traditions and their development and interaction]. Lewiston: Edwin Mellen Press. (in Russ.)

2. Arutyunov, S.A., 1989. Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeistvie [Peoples and cultures: development and interaction]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

3. Arutyunov, S.A. and Melkonyan, E.L., 1983. Kul'tura zhizneobespecheniya v etnicheskikh sistemakh [Life-support culture in ethnic systems]. In: Kul'tura zhizneobespecheniya: Opyt etnokul'turologicheskogo issledovaniya (na materialakh armianskoi sel'skoi kul'tury). Erevan, 1983, pp. 53–60. (in Russ.)

4. Vernadsky, V.I., 1988. Ocherki po istorii estestvoznaniya v Rossii v XVIII stoletii [Essays on the history of natural science in Russia in the XVIIIth century]. In: Vernadsky, V.I., 1988. *Trudy po istorii nauki v Rossii*. Moskva: Nauka, pp. 63–201. (in Russ.)

5. Gogol, N.V., 1994. Prosveshchenie (pis'mo V.A. Zhukovskomu) [Enlightenment (a letter to V.A. Zhukovsky)]. In: Gogol, N.V., 1994. *Sobranie sochinenii: v 9-ti t.* T. 6. Moskva, pp. 70–71. (in Russ.)

6. Golovnev, A.V., 1995. Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov [Talking cultures: Samoyed and Ugrian traditions]. Ekaterinburg: UrO RAN. (in Russ.)

7. Gorokhov, V.G., 2011. Ponyatie «tekhnologiya» v filosofii tekhniki i osobennost' sotsial'nogumanitarnykh tekhnologii [The concept of «technology» in the philosophy of technology and the features of technologies in social sciences and humanities], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, Vol. 28, no. 2, pp. 110–123. (in Russ.)

8. Dokuchaev, V.V., 1883. *Russkii Chernozem. Otchet Imperatorskomu Vol'nomu ekonomicheskomu*

obschestvu [Russian Chernozem. Report to the Imperial Free Economic Society]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

9. Zaretskiy, Yu.P., 2022. Pervye russkie pechatnye uchebniki [The first Russian printed textbooks], *Educational Studies Moskva*, no. 2, pp. 140–154. (in Russ.)

10. Ivashchenko, Ya.S., 2011. Kul'tura zhizneobespecheniya tunguso-man'chzhurov: sistemno-sinergeticheskii analiz [Life-support culture of the Tungus-Manchu ethnic groups: synergetic system analysis]. Sankt-Peterburg: Asterion. (in Russ.)

11. Ivashchenko, Ya.S., 2011. Obraz kormyashchego landshafta v kul'ture pitaniya tunguso-man'chzhurov Priamur'ya [The image of the feeding landscape in the food culture of the Tungus-Manchu ethnic groups of the Amur region], *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no. 1, pp. 199–203. (in Russ.)

12. Ivashchenko, Ya.S., 2010. Semiotika edy (na materiale traditsionnoi nanaiskoi kul'tury) [Food semiotics: a study of traditional Nanai culture]. Vladivostok: Izd-vo DVFU. (in Russ.)

13. Ivashchenko, Ya.S., 2007. Semiotika traditsionnogo zhilishcha (na materiale nanaiskoi kul'tury) [Semiotics of traditional dwellings: a study of Nanai culture]. Komsomolsk-na-Amure: KnAGTU. (in Russ.)

14. Kazakov, E.F., 2024. Ot piramidy potrebnosti – k piramide dolzhenstvovaniya [From the pyramid of needs to the pyramid of oughtness], *Sotsium i vlast'*, no. 4, pp. 35–45. (in Russ.)

15. Kozlov, A.I., 2019. Svyazannye s potrebnosti uglevodnykh produktov nutritsiologicheskie i geneticheskie riski razvitiya ozhireniya u korennykh severyan [Carbohydrate-related nutritional and genetic risks of obesity for indigenous northerners], *Voprosy pitaniya*, Vol. 88, no. 1, pp. 5–16. (in Russ.)

16. Krupnik, I.I., 1989. Arkticheskaya etnoekologiya: modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniya morskikh okhotnikov i olenovodov Severnoi Evrazii [Arctic ethnoecology: models of traditional nature management of sea hunters and reindeer herders of Northern Eurasia]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

17. Lomonosov, M.V., 1955. Yavlenie Venery na Solntse, nablyudennoe v Sanktpeterburgskoi imperatorskoi Akademii Nauk maiya 26 dnya 1761 goda [The appearance of Venus on the Sun, observed in the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences on May 26, 1761]. In: Lomonosov, M.V., 1955. *Polnoe sobranie sochinenii: v 11-ti t.* T. 2. Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 361–376. (in Russ.)

18. Malinowski, B., 2005. Nauchnaya teoriya kul'tury [A scientific theory of culture]. Moskva: OGI. (in Russ.)

19. Markaryan, E.S., 1983. Kul'tura, ee zhizneobespechivayushchaya podсистема i etnos [Culture, its life-supporting subsystem, and ethnicity]. In: Kul'tura zhizneobespecheniya: Opyt etnokul'turologicheskogo issledovaniya (na materialakh armyanskoi sel'skoi kul'tury). Erevan, 1983, pp. 17–40. (in Russ.)
20. Maslow, A., 2019. Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)
21. Maslow, A., 1997. Psikhologiya bytiya [Toward a psychology of being]. Moskva; Kiev: Refbuk; Vakler. (in Russ.)
22. Mendelev, D.I., 2008. Zavetnye mysli [Cherished thoughts]. In: Mendelev, D.I., 2008. Zavetnye mysli. Poznanie Rossii. Moskva: Eksmo, pp. 177–412. (in Russ.)
23. Mikulinskii, S.R., 1988. V.I. Vernadskii kak istorik nauki [V.I. Vernadsky as a historian of science]. In: Vernadsky, V.I., 1988. Trudy po vseobshchei istorii nauki. Moskva: Nauka, pp. 19–41. (in Russ.)
24. Ortega y Gasset, J., 1997. Razmyshleniya o tekhnike [Thoughts on technology]. In: Ortega y Gasset, J., 1997. Izbrannye trudy. Moskva: Ves' mir, pp. 164–232. (in Russ.)
25. Palatkin, V.V., 2019. Fenomen alimentarnoi kul'tury: ponyatiinyi analiz [The phenomenon of alimentary culture: a conceptual analysis], Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura, no. 3, pp. 87–90. (in Russ.)
26. Sataev, R.M., 2018. Ispol'zovanie ponyatii «zhizneobespechenie», «bytovaya kul'tura» i «kul'tura povsednevnosti» primenitel'no k izucheniyu obshchestv istoricheskogo proshlogo [The use of «life support», «domestic culture» and «culture of everyday life» concepts in studying societies of the past], Etnograficheskoe obozrenie, no. 1, pp. 73–82. (in Russ.)
27. Svetlichnaya, T.G. and Vorob'eva, N.A., 2019. Obraz zhizni i zdorov'e nentsev v usloviyakh postoyannogo ostrovnogo prozhivaniya v Arktike [Lifestyle and health of the Nenets in conditions of permanent island residence in the Arctic], Ekologiya cheloveka, no. 12, pp. 20–25. (in Russ.)
28. Yamskov, A.N., 2018. Problemy i perspektivy ispol'zovaniya ponyatiya «zhizneobespechenie» i ego proizvodnykh v etnologii i arkheologii [Challenges and prospects of using the concept of «life support» and its derivatives in ethnology and archaeology], Etnograficheskoe obozrenie, no. 1, pp. 90–92. (in Russ.)
29. Lowie, R.H., 1938. Subsistence. In: Boas, F. ed., 1938. General anthropology. Boston: D.C. Heath, pp. 282–326.
30. Malinowski, B., 1936. Culture as a determinant of behavior. Scientific Monthly, Vol. 43, no. 5, pp. 440–449.

*Статья поступила в редакцию 07.04.2025;
рекомендована к печати 14.05.2025*

УДК 903.01

DOI 1 <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/29-41>

Е.С. Галютин*

ДЕКОР КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ БОХАЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

В статье обобщаются сведения об имеющихся на сегодняшний день декорированных костяных изделиях из памятников юга Дальнего Востока России, относящихся ко времени существования государства Бохай (698–926 гг.). Автор предлагает вариант систематизации известных образцов декора на изделиях из кости в соответствии с его морфологией, последовательно анализируя такие типы композиции, как ритмическая, смысловая и смысловая, дополненная ритмом. В каждом случае декор анализируется в тесной связи с функцией артефакта, на который он нанесен, и техникой его выполнения.

Ключевые слова: государство Бохай, костяные изделия, декор, композиция, знак, код

Decoration of bone artifacts from Bohai sites in the southern Russian Far East.

EVGENIY S. GALYUTIN (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

The article summarizes the currently available data on decorated bone objects from the archaeological sites in the southern Russian Far East, dating back to the period of Bohai state (698–926). The author proposes a classification system for known examples of bone ornamentation based on decorative morphology, analyzing such compositional types as rhythmic, semantic, and semantic supplemented with rhythm. In each case, the decoration is analyzed in close connection with the function of the artifact on which it adorns and the technique used in its application.

Keywords: Bohai state, bone artifacts, decoration, composition, sign, code

Введение

Декорированные археологические изделия всегда являются вызовом для исследователей, что зачастую обусловлено отсутствием каких-либо однозначных трактовок нанесенного изображения. Интерпретация может облегчаться наличием письменных свидетельств или сопроводительных надписей (если речь идет о древних культурах с развитой письменностью и хорошей сохранностью

материала, например, о Древнем Китае) или же ситуацией, когда современная нам культура, хоть и в трансформированном виде, еще сохраняет внутреннюю связь символа и представлений о мире (этнографические материалы традиционных культур), или же когда источником вдохновения для создания изображения послужили связанные с религией сюжеты, получившие широкое распространение и хорошо изученные.

* ГАЛЮТИН Евгений Сергеевич, аспирант сектора раннесредневековой археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока России Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, galiutin.pochta@gmail.com

© Галютин Е.С., 2025

Декорированные костяные изделия, которые рассматриваются в данной статье, происходят из памятников государства Бохай (692–926 гг.) и его периферии, расположенных на территории Приморского края. При использовании данных артефактов в качестве археологического источника следует учитывать ряд обстоятельств: 1) декорированные находки в целом немногочисленны и составляют около 8% от общего числа найденных изделий из кости, возможно, в т.ч. из-за плохой сохранности этого органического материала в бохайских памятниках (кислые влажные почвы Приморья быстро разрушают кость); 2) большинство обнаруженных костяных изделий использовались в производственной деятельности и не орнаментировались; 3) многие изделия фрагментированы, из-за чего часть декора утеряна; 4) декор на костяных изделиях в целом малоизучен.

Раскопки бохайских памятников на территории России ведутся уже около 70 лет [20], а систематически – начиная с 1970-х гг. Существенный вклад в их изучение внесли Э.В. Шавкунов, В.И. Болдин, Е.И. Гельман, Ю.Г. Никитин, Н.А. Ключев, Е.В. Асташенкова и др. [11]. При исследовании городищ, поселений, могильников и буддийских храмов получен многочисленный и разнообразный археологический материал, включая артефакты из кости и рога, в т.ч. декорированные. Изучением орнамента на бохайских костяных изделиях занимались Э.В. Шавкунов [19; 20; 21; 22], Е.В. Асташенкова [1], В.И. Болдин и Н.В. Лещенко [4]. Так, Э.В. Шавкунов, обладая энциклопедическим умом и вниманием к деталям, дал интерпретацию декора большинства доступных ему костяных изделий (как он отмечает – не без помощи коллег), выделив особые черты, присущие бохайскому декору на костяных изделиях [19; 20]. Однако исследователь не ставил перед собой задачу анализа декора с целью его систематизации по каким-либо критериям, и обращался к декорированным костяным изделиям, чтобы охарактеризовать декоративно-прикладное искусство бохайцев в целом [20, с. 175–180].

В.И. Болдин и Н.В. Лещенко впервые систематизировали бохайские костяные и роговые изделия и выделили основные категории артефактов [4]. Однако анализ декора авторы не предложили, ограничившись публикацией изображений типичных костяных артефактов, включая декорированные.

Е.В. Асташенкова использовала в своей статье иной подход к изучению бохайских костяных из-

делий, определив специфику и основные методы исследования данного материала [1]. Исследователь, во-первых, рассматривала декор в связке с функциональным назначением предмета, во-вторых, искала аналогии не только среди костяных изделий, но также обращалась к анализу других декорированных материалов (керамика), в-третьих, осознавая ограниченность источников и их неоднозначность даже в функциональном назначении, предложила несколько вариантов интерпретации, среди которых выделила наиболее предпочтительные [1, с. 13–15].

Несмотря на существенный вклад в разработку методики анализа декорированного материала у бохайцев, внимание Е.В. Асташенковой в упомянутом исследовании было направлено только на один предмет – орнаментированный альчик из поселения Чернятино-2, остальные костяные изделия с декором были рассмотрены лишь частично.

Учитывая, что за последние 30 лет были проведены масштабные раскопки на ранее практически неизученных бохайских памятниках на территории России, в ходе них был получен новый материал, в т.ч. декорированные изделия из кости, требующие введения в научный оборот и интерпретации. Цель данной статьи – обобщение и систематизация сведений обо всех имеющихся к настоящему моменту декорированных костяных изделиях бохайских памятников на территории России.

На археологических памятниках юга Дальнего Востока России, относящихся к периоду существования государства Бохай, обнаружено 295 костяных изделий, из них 26 – декорированные. Они обнаружены на городищах Горбатка (2 экз.) (раскопки Е.И. Гельман в 1997, 2000–2005 гг. [6]), Марьяновское (4 экз.) (раскопки Э.В. Шавкунова в 1971, 1993 гг.) [20; 22], Николаевское-II (11 экз.) (раскопки В.И. Болдина в 1975–1977 гг. [3]), Кокшаровка-1 (1 экз.) (раскопки Н.А. Ключева в 2008–2014 гг. [7]), поселении Константиновское-1 (3 экз.) (раскопки В.И. Болдина в 1987–1988, 1991–1992 гг. [4]), поселении Абрикосовское (1 экз.) (раскопки Е.И. Гельман в 2007–2008 гг. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 610)) и Чернятино-2 (4 экз.) (раскопки Ю.Г. Никитина в 2001 и 2007 гг. [15]).

Для анализа данного материала были использованы методы систематизации и визуального анализа (в т.ч. под микроскопом Цейс С-300 с увеличением до 50 крат).

Теоретические основания характеристики декора

В основе предложенной нами систематизации (табл. 1) лежит схема, разработанная для решения археологических задач Ю.Л. Щаповой [23]. Она включает характеристику морфологии декора предмета, технологии нанесения декора и обозначение

самого предмета с определением его функции. Для обозначения технологии нанесения декора на изделия использованы определения С.В. Иванова [10]. В качестве основы анализа и классификации декора на изделиях из кости в данной статье использованы теоретические разработки Ю.Г. Кокориной и Ю.А. Лихтер [12].

Таблица 1

Сводная информация о декоре костяных изделий бохайских памятников на территории Приморского края

Морфология декора			Техника /вид резьбы	Предмет	Кол-во
Композиция	Код	Знак			
Ритмическая	Геометрический	Круг с точкой	Циркульная	Пластина-накладка	5
				Подвеска	1
		Круг, включенный в круг	Циркульная	Пластина-накладка	4
		Круг из наколов, «антиподальные линии»	Линейная + накол	Ременная накладка	1
		«Дуга»	Линейная	Псаля	1
		Линии, зигзаг	Линейная + выемчатая	Пластина	1
		Параллельные вертикальные линии	Линейная		2
	—	«Разделительная фигура»	Линейная	Альчик	1
Итого					16
Смысловая	Герпетоморфный	«Дракон»	Многогранная выемчатая + линейная	Подвеска-амулет	1
		«Ящерица»			1
		«Черепаша»			1
	Геометрический	Круг, форма куба	Многогранная выемчатая	Игральная кость	1
Итого					4
Смысловая, дополненная ритмом	Антропоморфный (?) / зооморфный (?)	«Нога» (?), круг, включенный в круг	Линейная + циркульный	Пластина-накладка	1
	Орнитоморфный	«Птица», «разделительная фигура»	Линейная		1
	Растительный	«Цветок» (?), «разделительная фигура»	Линейная		1
		«Цветок» (?)	Выемчатая		1
	Ихтиоморфный	«Рыба», «разделительная фигура»	Линейная		1
	—	«Разделительная фигура»	Линейная	Заготовка пластины	1
Итого					6

Такие основополагающие для изучаемой темы определения, как декор, орнамент, знак, композиция и код, употребляются в нашей работе в значениях, предложенных авторами. Так, декор понимается как целое, как система знаков, нанесенных на вещь [12, с. 7, 21]. Термин «орнамент» в неко-

торых случаях можно употреблять как эквивалент термина «декор» (как это делает, например, С.В. Иванов [10]). Однако, следуя рассуждениям Ю.Г. Кокориной и Ю.А. Лихтер, орнамент – это в основном ритмически упорядоченный узор с соблюдением симметрии, т.е. нечто обладающее оп-

ределенными характерными чертами, но по полноте охвата содержания, нанесенного на вещь, уступающее декору [12, с. 7, 19–21, 39, 42]. Ясность в эту иерархию вносят определения понятий «знак» (минимальная смысловая единица того, что нанесено на материал) [12, с. 7, 23] и «композиция» (то, как эти знаки организованы) [12, с. 7, 39, 40]. В таком случае, если придерживаться терминологии Ю.Г. Кокориной и Ю.А. Лихтер, орнамент – это только один из типов композиции, определяемой как ритмическая, в основе которого лежит синтактика (принцип соединения знаков) [12, с. 39, 42]. Второй тип композиции – смысловой – зачастую содержит сюжет или изображает сценку, пейзаж, натюрморт, персон, но может быть дополнен ритмом, повторяемостью знаков; в основе данного типа лежит семантика (смысл) [12, с. 39]. Код – это «система выражения понятий, при которой они отождествляются с определенной системой знаков» [12, с. 7, 29]. С.В. Иванов вместо термина «код» использовал термин «мотив», выделяя зооморфный, растительный, геометрический [12, с. 344]. Таким образом, выстраивая понятийную иерархию, мы видим, что в основе анализа лежит понятие декора как системы, состоящей из единиц-знаков. Их сочетания образуют композиции, а если они включены в определенную систему знаков, то образуют код.

Поскольку орнаментированные костяные изделия представляют собой образцы декоративно-прикладного искусства, то орнамент, функцию изделий и материал, из которого они изготовлены, продуктивнее рассматривать вместе. Материал определенно накладывает отпечаток на композицию, поэтому каждый тип композиции декора рассматривался в соответствие с тремя функциональными группами, в которых они встречались: пластины-накладки, подвески, игральные принадлежности.

Декорированные костяные пластины-накладки служили частью поясного набора и фиксировались на ткани или ремне при помощи небольших гвоздиков; некоторые, предположительно, могли крепиться к рукояти. Исходя из того, что одна из сторон пластины декорирована, а обратная зачастую имеет необработанную грубую губчатую структуру, можно заключить, что для данных изделий имелось четкое разграничение на лицевую и тыльную стороны.

Подвески из бохайских памятников на территории России представлены двумя группами: с герпетоморфным и геометрическим кодами. Данные изделия могли иметь разное назначение: му-

лет, часть шаманского костюма, держатель для кресала, псалии, кочедык. Благодаря небольшим размерам и наличию отверстий для фиксации данные изделия было удобно носить с собой, привязывая к поясу или костюму.

Об альчиках среди археологов, исследовавших бохайские памятники, сложилось представление как об игровом атрибуте [1; 2; 4; 20], а уже затем – как о ритуальном предмете [1]. По этой причине альчик, как и игральная кость, рассматриваются здесь в таком же качестве. Эти изделия могли использоваться и в ритуальных целях, например, в качестве погребального инвентаря. Однако рассматриваемые артефакты обнаружены на поселенческих памятниках.

Ритмическая композиция

В основу ритмической композиции положена синтактика, где первостепенно сочетание знаков и их организация в декоре, а не указание на образ, передачу смысла [12, с. 39, 42]. Для данного типа композиции характерен геометрический код и такие виды сочетаний, как орнамент и псевдоорнамент, разница между которыми заключается в приверженности первого к симметрии и в ее нарушении вторым [10, с. 208–209; 12, с. 43]. Еще одним важным видом ритмической композиции является рамка, задача которой состоит в том, чтобы «отделить включенную в нее композицию от остального пространства вещи или других композиций» [12, с. 43].

Для бохайских пластин-накладок и подвесок характерен геометрический код, основным знаком которого является окружность с наколом в центре. Каждая окружность выполнена аккуратно и имеет схожий диаметр (3–5 мм), что говорит об использовании специального инструмента – циркульного резца. В дальнейшем для обозначения ритмической композиции декора, в основе которой лежит знак круга с точкой в различных сочетаниях с сохранением симметрии между знаками и сочетаниями, будет использоваться принятое в научной литературе определение «циркульный орнамент» [6; 10; 14; 20]. В случае, когда в декоре будет присутствовать рамка, будет применяться термин «циркульный орнамент с рамкой».

Особенностью циркульного орнамента (с рамкой и без) у бохайцев является привязка знака круга к числам (три, четыре, пять) и разнообразие его сочетаний: круг с точкой; круг с точкой, включенный в круг; круг из точек. Иногда эти фигуры могут быть заключены в рамку.

Зачастую на изделиях изображаются круги с точкой, которые сочетаются между собой путем соединения (размещаются рядом) [12, с. 38]. На городище Николаевское-II обнаружен обломок пластины, где имеется соединение кругов с точкой в «ромб» с пятью знаками (Рис. 1: 7). Возможно, подобный декор присутствовал и на костяной пластине из городища Горбатка, но ввиду фрагментарности изделия не ясно, каким изначально было общее количество знаков (сохранилось два) (Рис. 1: 2). На городище Кокшаровка-1 найден фрагмент пластины-накладки с тремя знаками круга с точкой, соединенными в «пирамиду» (Рис. 1: 1) [7, с. 192].

Также на бохайских костяных изделиях с циркульным орнаментом встречается комбинация знаков, когда один круг с центром-точкой включен в другой и образует двойной круг. Такая ритмическая композиция встречается на костяных

накладках из городища Николаевское-II (3 экз.) (Рис. 1: 3, 4, 5). В двух случаях двойной круг, повторяясь трижды, образует «пирамиду», которая заключена в рамку прямоугольной формы (Рис. 1: 3, 4). На пластине размещено несколько таких рамок, отделенных друг от друга неорнаментированными вертикальными линиями. В данном случае мы имеем дело с включением знака в знак с последующим их соединением в «пирамиду» и образованием самостоятельной композиции через ее отсечение рамкой. Так образуется композиция, состоящая из отдельных композиций, при сохранении симметрии и повторяемости – циркульный орнамент с рамкой.

Сочетание знаков «круг, включенный в круг» также встречается на фрагменте пластины из поселения Чернятино-2 [16]. На указанном изделии их два, и они расположены диагонально относительно друг друга.

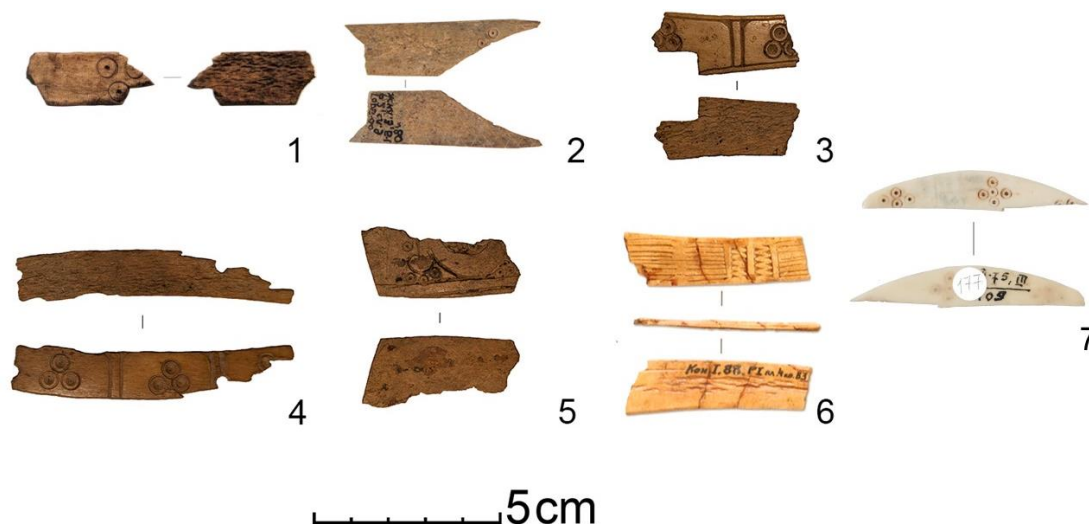

Рис. 1. Декорированные пластины-накладки:

1 – Кокшаровка-1; 2 – Горбатка; 3, 4, 5, 7 – Николаевское-II; 6 – Константиновское-1

На городище Николаевское-II обнаружена всего одна подвеска с циркульным орнаментом (Рис. 2: 1) [17], на которой круги с точкой расположены с двух сторон: с одной стороны – 17, с другой – 6. В изделии просверлены 4 сквозные отверстия, через которые мог продеваться шнурок.

В отношении происхождения циркульного орнамента на костяных изделиях бохайцев есть всего одна версия, принадлежащая Э.В. Шавкунову [18]. Он полагал, что этот орнамент был привнесен в бохайское декоративно-прикладное искусство согдийцами, которые были активными участниками торговли по Великому шелковому пути, имея не только экономическое, но и культурное влияние на народы Центральной Азии (например, тюрков).

О наличии культурных и торговых связей между бохайцами и согдийцами, по мнению Э.В. Шавкунова, свидетельствовали находки обломков керамических сосудов со знаком круга из Новогордеевского поселения, которое исследователь определил как «посад, вынесенный за пределы расположенного рядом на Круглой сопке городища», в котором проживали и вели торговлю «выходцы из Средней Азии» [21, с. 101, 102, 104]. Однако принадлежность Новогордеевского поселения к государству Бохай была пересмотрена в работе Е.И. Гельман [4], где «согдийский» материал был отнесен к покровской культуре. Это не исключает присутствия бохайцев на территории данного поселения, т.к. рядом расположен многослойный памятник Ново-

гордеевское городище с бохайским слоем, однако установить связь городища и поселения невозможно

но из-за сильного разрушения в результате мелиорационных работ [5].

Рис. 2. Декорированные подвески из городища Николаевское-II

Вопрос о происхождении и семантике циркульного орнамента у бохайцев снова стал актуален в связи с получением новых материалов из бохайских памятников на территории Приморского края. Костяные пластины с циркульным орнаментом (с рамкой и без) обнаружены на городищах Горбатка и Кокшаровка-1, поселении Чернятино-2.

Что касается интерпретации самого знака круга как основы декора рассматриваемых изделий, можно предложить несколько версий. Во-первых, круг и его сочетания могут рассматриваться как часть буддийской символики – мандалы (одно из значений этого слова в санскрите – круг). Изображения мандалы могли использоваться «в качестве объектов или опоры для медитации, ритуалов и посвящений» [15, с. 93] и зачастую создавались как одноразовые с использованием таких материалов, как бумага, песок, земля [15, с. 94]. Основное развитие мандалы получили в Тибете, однако практика их изображения известна и в Центральной Азии. Хотя круг и составляет одну из основ изображения мандалы, но ее обязательным элементом также является квадрат, ориентированный по сторонам света. Ранее при описании бохайских костяных пластин со знаком круга отмечалось, что круги соединены так, что образуют углы ромба, в центре которого иногда размещается пятый круг. Однако «классические» мандалы композиционно намного сложнее, и такое их упрощенное воспроизведение нарушает основы практики их изображения в буддизме [18]. Тем не менее, такое изображение, возможно, считалось допустимым в рамках бохайской версии буддизма. Во-вторых, знак в виде круга можно рассматривать как универсальный, например, сим-

волизирующий солнце [7; 10; 12]. Судя по тому, что изображение круга известно уже в материалах памятников эпохи палеолита, встречается на обширных территориях и у различных народов, данный знак имеет конвергентное происхождение [3; 7; 12; 13].

К ритмической композиции и геометрическому коду также можно отнести декор на пластине из поселения Константиновское-1 (Рис. 1: 6) [17]. Изделие сохранилось частично. Основными знаками декора выступают параллельные горизонтальные линии, которые заполняют пространство пластины. В предполагаемом центре пластины помещена рамка с двумя вертикально расположенными знаками зигзага, разделенными перемычкой.

Ременная накладка с городища Николаевское-II (Рис. 3) выполнена в форме прямоугольника с одним заостренным концом. На лицевой поверхности изделия прорезан декор в виде X-образных непересекающихся линий, образующих в центре две ромбовидные фигуры, в которые помещены круги из наколов-точек. На этом же памятнике найдена псалия в форме цилиндра, она украшена аналогичной композицией и кодом (Рис. 2: 2) [17]. Декор изделия образован знаками в виде противоположащих дуг, ограниченных с двух сторон прямыми линиями.

На поселении Чернятино-2 обнаружены две накладки прямоугольной формы [16] с декором в виде вертикальных, параллельно расположенных линий. На одной из пластин сочетание линий отсекается рамкой, образуя сегмент, подобно тому как это выполнено на пластине из поселения Константиновское-1.

Рис. 3. Декорированная ременная накладка из городища Николаевское-II

Таким образом, на бохайских костяных изделиях, обнаруженных на памятниках юга Дальнего Востока России, самым распространенным знаком в декоре с ритмической композицией был круг с точкой в центре, повторяющийся в различных сочетаниях и создающий ритм и симметрию, присущую орнаменту, который получил в литературе название циркульного [8; 10; 14; 20] и отнесен к геометрическому коду. Как уже отмечалось выше, знак круга имеет конвергентное происхождение и широко распространен, однако в бохайском декоре с циркульным орнаментом у него прослеживается ряд особенностей. Круги соединяются в сочетания по три, четыре или пять с соблюдением их ориентированности относительно друг друга, причем от количества знаков зависит способ их группировки («ромб», «пирамида»).

Указанные сочетания располагаются по всей поверхности изделия равномерно. На некоторых пластинах сочетания комбинируются, а включенные знаки могут образовывать новые соединения. Возможно сочетание двух видов ритмической композиции на одном изделии, например, «орнамент + рамка».

Смысловая композиция

Смысловой тип композиции представляет собой сочетание конкретных легкоузнаваемых знаков, отражающих определенное содержание изображения. Изделия, декор которых организован в соответствии с данным типом композиции, имеют определенное функциональное значение, напрямую зависящее от изображенных на них знаков.

Изделия, в декоре которых прослеживается смысловая композиция с герпетоморфным кодом, представлены подвесками в виде «дракона» из Марьяновского городища, «ящерицы» и «черепахи» из поселения Константиновское-1. В отношении изделия с изображением «дракона» (Рис. 4: 1) Э.В. Шавкунов высказал предположение, что это держатель от кресала, принадлежавшего шаману, который использовал именно этот орнамент, указывая на связь функции (высечение огня) и образа огнедышащего существа («дракон дарует пламя») [19, с. 73].

Рис. 4. Декорированные подвески:
1 – Марьяновское; 2, 3 – Константиновское-1

Из поселения Константиновское-1 происходит изделие в виде «ящерицы» (Рис. 4: 2) [17]. Оно имеет веретеновидную форму, где нижняя часть – продолговатая с насечками, а в верхней есть округлое отверстие для продевания шнура. Выпуклая поверхность «тулова» покрыта резным орнаментом в виде косой сетки, состоящей из 21 пол-

ной ромбической секции и 15 незавершенных, расположенных по краям «тулова», что создает естественный переход к «брюшку». В 9 секциях просверлены углубления-точки: 5 слева и 4 справа (относительно отверстия для шнурка). С обратной стороны изделия имеется углубление под большой палец руки. Это обстоятельство, а также за-

зубренность «хвоста» и его форма (полукруглая в сечении) указывают на то, что данное изделие могло применяться как инструмент для плетения и развязывания узлов по типу кочедыка. Э.В. Шавкунов высказывал версии, что это декорированная проколка [20, с. 178], упор для палочки лучкового огнива [22, с. 71] или же амулет роженицы (судя по этнографическим материалам) [22, с. 72].

На Константиновском-1 также обнаружена плоская костяная подвеска с закругленными краями в виде «черепахи» [20, с. 176; 22] (Рис. 4: 3). На сходство с этим земноводным указывают округлая форма «тулова» с выделенной «головой», в которой просверлено отверстие для продевания шнура. Лицевая поверхность покрыта сетчатым орнаментом, стилизованно изображающим панцирь. Обратная сторона изделия заштрихована параллельными горизонтальными линиями, видимо, обозначающими «брюшко». Несмотря на то, что зачастую образ черепахи ассоциируется с мудростью и долголетием, Э.В. Шавкунов, ссылаясь на этнографические источники, указывал на болезнетворную природу этого земноводного [22, с. 72], поэтому данное изделие могло выполнять функцию амулета-оберега от болезней.

К изделиям со смысловой композицией можно отнести игральную кость в виде кубика из Абрикосовского поселения (Рис. 5) [17]. Знак круга, высверленный на гранях в количестве от 1 до 6, напрямую связан с назначением и смыслом изделия – выдавать очки в процессе игры.

Рис. 5. Декорированная игральная кость из Абрикосовского поселения

Таким образом, рассмотренные бохайские изделия с декором, в основе которого лежит смысловая композиция, представлены подвесками (амулетами-оберегами, держателем для кресала) и игровой костью. Характерная особенность данной категории изделий состоит в том, что в одном случае сама форма предмета выступает в качестве знака, основополагающего для определения кода, а остальные знаки и их сочетания лишь уточняют это (как в случае с «черепахой» или «ящерицей»).

В других случаях сочетание нанесенных знаков вкуче с утилитарной функцией изделия указывает на конкретный образ («дракон»).

Смысловая композиция, дополненная ритмом

Так как некоторые изделия сочетают в себе композиционные черты ритмического и смыслового типов, выделяют такой подтип композиции, как дополненная ритмом смысловая композиция. В основе декора здесь лежит смысл, образ, код, в то время как, например, орнамент и прочие виды ритмической композиции имеют второстепенное значение [12, с. 42].

Для декорированных бохайских пластинок-накладок со смысловым типом композиции, дополненным ритмом, характерны три вида кода – орнитоморфный, растительный, ихтиоморфный. В основе каждого есть смыслообразующий знак, вокруг которого выстраивается ритмическая композиция. В случае с растительным кодом таким знаком выступает «древо», например, на пластинках-накладках из городищ Марьяновское и Николаевское-II (Рис. 6). Для орнитоморфного кода, пример которого представлен на пластинке-накладке с Марьяновского городища, смыслообразующий знак – «птица». Далее эти знаки обрамляются дополнительными ритмическими знаками и композициями. В обоих кодах хорошо прослеживается стремление к симметрии, повторяемости знаков и композиций или наличие рамки. Так, на пластинке-накладке из Марьяновского городища (Рис. 6: 1) условный центр обозначен симметрично расположенными фигурами подтреугольной формы, рассеченными надвое вертикальной линией, которая в то же время обозначает высоту композиции, заключенной в рамку.

Судя по незаконченной пластине из городища Николаевское-II (Рис. 7) [17], можно утверждать, что данное обозначение условного центра, как и рамка, в которую вписывались смыслообразующие знаки композиции, изображались мастером первыми. В свое время Э.В. Шавкунов даже предложил использовать данный знак как обозначающий «бохайское происхождение» [20, с. 175]. Л.Н. Гусева интерпретировала аналогичное изображение, выполненное на керамике, как шаманское родовое древо, отражающее два мира [9, с. 130]. Данная «разделительная фигура» имеется и на декорированном альчике из Чернятино-2 [1, с. 13], и Е.В. Асташенкова, наряду с другими версиями, высказала предположение, что орнамент

на изделия мог быть связан с календарным циклом [1, с. 14]. Однако определить код указанного знака или сочетания знаков невозможно. Такая же фигура, по-видимому, имеется на законченной

(судя по наличию отверстий для крепления и смысловой композиции) костяной пластине с предположительно ихтиоморфным кодом из городища Николаевское-II¹ (Рис. 8) [17].

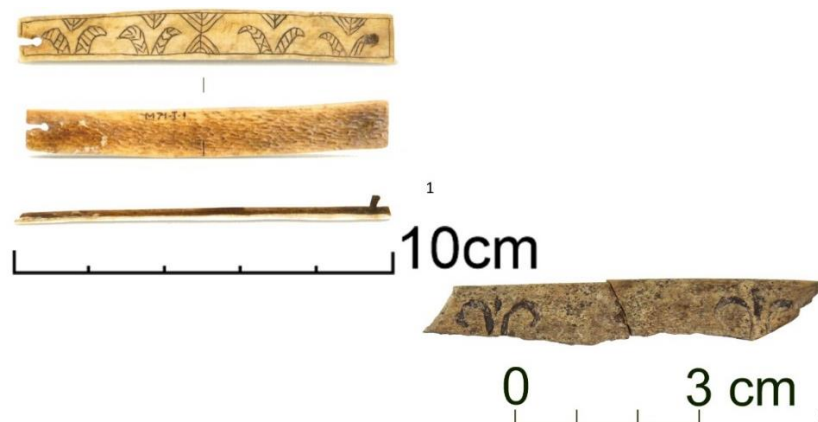

Рис. 6. Декорированные пластины-накладки:
1 – Марьяновское; 2 – Горбатка

Рис. 7. Заготовка пластины-накладки
из городища Николаевское-II

Рис. 8. Декорированная пластина-накладка
из городища Николаевское-II

Необходимо обратить внимание на значение рамки на некоторых из рассматриваемых пластин. Ранее отмечалось, что функция данного вида ритмической композиции состоит в том, чтобы отделять композицию от остального пространства или композиции друг от друга. Учитывая, что рамка на рассматриваемых изделиях расположена по краю всей пластины, в данном случае ее функция состоит в том, чтобы обозначить контур изделия и

подчеркнуть контраст с поверхностью, на которую он крепилось.

Костяная пластина-накладка с орнитоморфным кодом из Марьяновского городища (Рис. 9) имеет прямоугольную форму. Знака разделения декора на две симметричные половины здесь нет, однако, следуя логике нанесения изображения на поверхность, за условную середину можно принять центральную смысловую композицию знаков «пара птиц с растительно-геометрическим мотивом» между ними [20, с. 176], а сам растительно-геометрический мотив между «птицами» – за обозначение центра всего декора. Другие пары располагались по сторонам от условного центра, однако нельзя сказать, что на равноудаленном расстоянии. Несмотря на то, что левый край пластины обломан, хорошо видно, что почти полностью присутствует пятая «птица», а линия рамки продолжается дальше. Это позволяет нам утверждать (учитывая, какое пространство занимает одна полная смысловая композиция «пара птиц с растительно-геометрическим мотивом»), что изначально на изделии было изображено три такие композиции, а левую часть декора на пластине завершал край рамки.

¹ В публикациях Э.В. Шавкунова пластина с изображением «рыбы» относилась к Новогордеевскому поселению. На изделии отсутствует шифр. Единственное формальное указание на место находки – это шифр «НМ» (городище Николаевское-II Михайловского р-на) в каталоге Музея ИИАЭ ДВО РАН, где хранится данная пластина. В.И. Болдин подтвердил, что она была найдена при раскопках городища Николаевское-II

Рис. 9. Декорированная пластина-накладка из Марьяновского городища

Другая костяная пластина-накладка из Марьяновского городища с растительным кодом (Рис. 6: 1) [17] также имеет подпрямоугольную форму. Что касается орнамента на этом изделии, то Э.В. Шавкунов интерпретировал его как изображение «змей, высунувших голову из земляных нор» [20, с. 176]. Однако при детальном рассмотрении и сравнении с другими пластинами возникло предположение, что это все же не «змеи». Во-первых, деталь, похожая на «язык змеи», имеется только у одной «головы». У других «голов» такая деталь отсутствует, а на всем изделии имеются следы повторной прорезки некоторых линий, из-за чего они расслаиваются. Во-вторых, прочерченные линии на тулове «змей» имеют в основном V-образный вид, иногда это просто косые линии, они могут пересекаться, образуя квадрат или треугольник. На тулове одной «змеи» есть только одна вертикальная линия, отсутствующая у других фигур. Из-за такого разнообразия обозначений представляется сомнительным интерпретировать их как изображение чешуйчатой кожи «змей». Можно было бы предположить, что данное изделие не было закончено мастером и декор не завершен, однако наличие гвоздика для крепления скорее свидетельствует о его полной готовности. Соответственно, никаких доработок орнамента уже не предполагалось, иначе гвоздик создавал бы риск сломать край изделия, что фактически и произошло с одним из них в процессе его археологизации. Кроме того, на костяных подвесках в форме «черепашки» и «ящерицы» из поселения Константиновское-І и держателе для кресала в виде «дракона» из Марьяновского городища «чешуйчатая кожа» передана иначе – линиями, переплетенными в виде «косой сетки» (Рис. 4) [17]. Наконец, один из знаков композиции в виде «треугольника» Э.В. Шавкуновым был практически выпущен из рассмотрения. На наш взгляд, такой подход игнорирует логику композиции. Необходимо обратить

внимание на то, что обе костяные пластины-накладки из Марьяновского городища обнаружены в одном жилище и имеют ряд стилистических сходств (рамка, симметричное расположение знаков, линия). Для них характерны общий уровень технического исполнения в виде линейной резьбы с повторной прорезкой, незавершенность некоторых линий, отсутствие четкой прямой линии. Эти признаки указывают на то, что оба изделия, с большой долей вероятности, были изготовлены одним мастером-косторезом. Также в обоих случаях имеется общая логика сочетания знаков в композициях: $2 + 1$, где 2 знака расположены по сторонам, а 1 – посередине. Таким образом, знаки композиций не могут быть рассмотрены по отдельности, как независимые друг от друга, но лишь в связке, подчиненной композиционной логике « $2 + 1$ ». Итак, «треугольник» на данной пластине является неотъемлемой частью композиции, которую мы предлагаем интерпретировать как стилизованное изображение растения, предположительно, цветка. Т.н. «змеи» представляют собой «листья», а «треугольник» – «стебли с бутонами» или «бутоны». В пользу данного предположения могут быть приведены следующие доводы. Во-первых, растение, изображенное на пластине с «птицами» (Рис. 9.), состоит из стебля и пересекающих его двух V-образных отростков, направленных концами вверх, и напоминает «треугольник». Во-вторых, форму и заполнение фигур, ранее обозначенных как «змеи», можно интерпретировать и как форму и заполнение «листа». В-третьих, изображение на пластине из Марьяновского городища имеет сходство с изображением цветка на костяной пластине, обнаруженной на городище Горбатка (Рис. 6: 2), хотя последнее и выполнено в совершенно иной манере.

Отдельно стоит рассмотреть пластину-накладку из городища Николаевское-II (Рис. 1: 5). Здесь мы снова возвращаемся к знаку круга. В данном случае «круг, включенный в круг» является частью изображения. Назначение данного псевдоорнамента (именно этот термин здесь наиболее применим) состоит в заполнении пустот как внутри изображаемого «нечто», так и вдоль его «тела», при этом, насколько можно судить по фрагменту, такие круги соединены по пять, четыре и три. Несмотря на то, что на сохранившемся фрагменте доминирует изображение круга, композицию данного декора нельзя считать ритмической, поэтому он отнесен нами к смысловому типу композиции, дополненному ритмом, т.к. сочетание

знаков, образующих орнамент, служит здесь дополнением к изображению чего-то, что мы не можем определить в силу фрагментированности изделия (угадываются лишь черты антропоморфного, зооморфного или предметного кода).

Таким образом, при анализе костяных пластинок с орнитоморфным и растительным кодами с городищ Марьяновское, Николаевское-II, Горбатка² были выявлены следующие особенности декора, имеющего смысловую композицию, дополненную ритмом: 1) данный подтип композиции выстраивается вокруг смыслообразующего знака, определяющего код; 2) при создании композиции в первую очередь наносятся ритмические знаки, а вписываются смысловые; 3) в целом сочетание знаков в композиции подчинено больше ритмике, чем семантике, что отражается в симметричности, повторяемости и наличии рамки с «разделительной фигурой» в декоре; 4) логика сочетания знаков подчинена правилу «2 + 1», задающему ритмику сочетаний знаков внутри декора.

Заключение

Ввиду того, что кость является очень удобным материалом для декорирования, декор встречается на различных бохайских изделиях: пластинках-накладках, подвесках различного назначения, игровых принадлежностях. Большую их часть следует отнести к предметам декоративно-культурного назначения и лишь единичные экземпляры – к предметам, выполняющим утилитарные функции (например, предполагаемый кочедык).

В результате анализа 26 экземпляров декорированных костяных изделий в зависимости от типа композиции декора было выделено три группы: с ритмической, смысловой и дополненной ритмом смысловой композицией. Наряду с типом композиции по возможности был выделен код: геометрический, орнитоморфный, герпетоморфный и растительный. Циркульный орнамент (с рамкой и без) – сочетание ритмического типа композиции и геометрического кода со знаком круга – является наиболее распространенным. Особенно популярен, по видимости, он был у бохайцев, проживавших в районе реки Илстой Михайловского района, откуда и происходит большая часть декорированных изделий. Изделия с дополненной ритмом смысловой композицией декора представлены только пластинами-накладками. Для такого

варианта декора характерно наличие смыслообразующего знака, включенного в ритмическую композицию, которая создается в первую очередь.

На данный момент ввиду немногочисленности декорированных изделий раскрыть смысл каждого знака не предоставляется возможным. В случае ритмической композиции декор выполнял в большей степени эстетическую функцию, хотя не исключено, что циркульный орнамент – в силу привязки к числам и особенностям локализации на изделии – имел большую смысловую нагрузку. В свою очередь декор, имеющий смысловую композицию, уже нес определенную информацию на уровне функции-образа-знака, однако его семантическое и функциональное значение пока невозможно постичь полностью ввиду неполноты наших знаний о духовной культуре бохайцев. Дальнейшие раскопки на бохайских памятниках юга Дальнего Востока и новые археологические материалы, вероятно, помогут пролить свет на эстетические и мировоззренческие представления бохайцев, нашедших отражение в т.ч. и в декоре на костяных изделиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асташенкова Е.В. Орнаментированный альчик из поселения Чернятино-2 // Россия и АТР. 2003. № 3. С. 12–15.
2. Асташенкова Е.В., Гельман Е.И. Городская культура в государстве Бохай // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 24–43.
3. Березкин Ю.Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука, 2013.
4. Болдин В.И., Лещенко Н.В. Изделия из кости и рога бохайских памятников Приморья // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1990. С. 60–69.
5. Гельман Е.И. К вопросу о культурной принадлежности Новогордеевского селища // Археология, этнография и антропология Евразии. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. С. 167–187.
6. Гельман Е.И. Домохозяйства бохайского городища Горбатка // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1. С. 103–112.
7. Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008–2011 гг. Ч. 2. Тэджон, 2012.
8. Грач А.Д. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // Краткие сообщения о докладах и полевых исследова-

² Сюда же можно отнести упомянутую пластину из Николаевского поселения.

дованиях Института археологии. Вып. 107. М.: Наука, 1966. С. 28–32.

9. Гусева Л.Н. Об одном сюжетном рисунке на сосуде с Ананьевского городища // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 128–131.

10. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

11. Ивлиев А.Л. Отечественное бохаеведение на современном этапе // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 6–16.

12. Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Морфология декора. М.: Либроком, 2010.

13. Корнева Т.В. Геометрические изображения на гальках и каменных плитках в палеолите Северной Евразии: сравнительный анализ и возможности интерпретации // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 41. С. 57–67.

14. Кубарев Г.В. Орнаментальные мотивы в косторезном искусстве древних тюрок южной Сибири и Центральной Азии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 41–44.

15. Курасов С.В. Мандала как специфический жанр живописи Тибета // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2013. № 2. С. 91–99.

16. Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на поселении Чернятино-2 в Приморье в 2007 г. Тэджон, 2008.

17. Сун Юйбинь, Ивлиев А.Л., Гельман Е.И. Бохайские древности из Приморского края России. Пекин: Вэньу, 2013.

18. Чжу Л., Чжу К. Тибетская мандала: виды и техники // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2016. № 3. С. 210–217.

19. Шавкунов Э.В. Согдийская колония VIII–X вв. в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в Средние века. Владивосток, 1988. С. 100–105.

20. Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Под ред. Э.В. Шавкунова. М.: Наука, 1994.

21. Шавкунов Э.В. Уникальный держатель от кресала из Марьяновского городища // Вестник ДВО РАН. 1996. № 2. С. 71–74.

22. Шавкунов Э.В. Шаманство у бохайцев и чжурчжэней (по материалам археологических источников) // Россия и АТР. 1999. № 2. С. 70–80.

23. Шапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К. Морфология древностей. Киев, 1990.

REFERENCES

1. Astashenkova, E.V., 2003. Ornamentirovannyi al'chik iz poseleniya Chernyatino-2 [An ornamented shagai from the settlement of Chernyatino-2], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 12–15. (in Russ.)

2. Astashenkova, E.V. and Gel'man, E.I., 2018. Gorodskaya kul'tura v gosudarstve Bokhai [Urban culture in Bohai state], Sibirske istoricheskie issledovaniya, no. 2, pp. 24–43. (in Russ.)

3. Berezkin, Yu.E., 2013. Mezhdru obshchinois i gosudarstvom. Srednemashtabnye obshchestva Nuklearnoi Ameriki i Perednei Azii v istoricheskoi dinamike [Between community and state. Medium-scale societies of Nuclear America and Near East in historical dynamics]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

4. Boldin, V.I. and Leshchenko, N.V., 1990. Izdeliya iz kosti i roga bokhaiskikh pamyatnikov Primor'ya [Bone and horn objects from Bohai sites of Primorye]. In: Materialy po srednevekovoi arkheologii i istorii Dal'nego Vostoka SSSR. Vladivostok, 1990, pp. 60–69. (in Russ.)

5. Gel'man, E.I., 2002. K voprosu o kul'turnoi prinadlezhnosti Novogorodevskogo selishcha [On the issue of the cultural affiliation of Novogorodevskoe settlement]. In: Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. Vladivostok: Izd-vo DVO RAN, 2002, pp. 167–187. (in Russ.)

6. Gel'man, E.I., 2024. Domokhozyaistva bokhaiskogo gorodishcha Gorbatka [Households of Bohai Gorbatka fortress], Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, no. 1, pp. 103–112. (in Russ.)

7. Gorodishche Koksharovka-1 v Primor'e: itogi raskopok rossiisko-koreiskoi ekspeditsii v 2008–2011 gg. Ch. 2 [Excavation report on Koksharovka-1 settlement in Primorye in 2008–2011. Part 2]. Daejeon, 2012. (in Russ.)

8. Grach, A.D., 1966. Novoe o dobyvanii ognya, proiskhozhdenii i semantike tsirkul'nogo ornamenta [New data on making fire, origins and semantics of circular ornament]. In: Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii. Vyp. 107. Moskva: Nauka, 1966, pp. 28–32. (in Russ.)

9. Guseva, L.N., 1981. Ob odnom syuzhetnom risunke na sosude s Anan'evskogo gorodishcha [On a drawing on the vessel from Ananyevskoe fortress]. In: Materialy po arkheologii Dal'nego Vostoka SSSR. Vladivostok, 1981, pp. 128–131. (in Russ.)

10. Ivanov, S.V., 1963. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik [The ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials of the XIXth and early XXth century)]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

11. Ivliev, A.L., 2021. Otechestvennoe bokhaevdenie na sovremennom etape [The present state of Bohai studies in Russia], *Arkheologiya evraziiskikh stepei*, no. 4, pp. 6–16. (in Russ.)
12. Kokorina, Yu.G. and Likhter, Yu.A., 2010. *Morfologiya dekora* [Morphology of decor]. Moskva: Librokom. (in Russ.)
13. Korneva, T.V., 2022. Geometricheskie izobrazheniya na gal'kakh i kamennykh plitkakh v paleolite Severnoi Evrazii: sravnitel'nyi analiz i vozmozhnosti interpretatsii [Geometric images on pebbles and stone tablets in the Paleolithic of Northern Eurasia: comparative analysis and possibilities of interpretation], *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, Vol. 41, pp. 57–67. (in Russ.)
14. Kubarev, G.V., 2012. Ornamental'nye motivy v kostoreznom iskusstve drevnikh tyurok yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Ornamental motifs in the bone-cutting art of the ancient Turks of Southern Siberia and Central Asia], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 2, pp. 41–44. (in Russ.)
15. Kurasov, S.V., 2013. Mandala kak spetsificheskii zhanr zhivopisi Tibeta [Mandala as a specific genre of Tibetan painting], *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*, no. 2, pp. 91–99. (in Russ.)
16. Nikitin, Yu.G. and Jeong Seok-bae, 2008. *Arkheologicheskie issledovaniya na poselenii Chernyatino-2 v Primor'e v 2007 g.* [Archaeological research at Chernyatino-2 settlement in Primorye in 2007]. Daejeon. (in Russ.)
17. Song Yubing, Ivliev, A.L. and Gel'man, E.I., 2013. *Bokhaiskie drevnosti iz Primorskogo kraia Rossii* [Bohai antiquities from Primorsky Krai of Russia]. Beijing: Wenwu. (in Russ.)
18. Chu, L. and Chu, K., 2016. *Tibetskaya mandala: vidy i tekhniki* [Tibetan mandala: types and techniques], *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A.Ya. Vaganovoi*, no. 3, pp. 210–217. (in Russ.)
19. Shavkunov, E.V., 1988. Sogdiiskaya koloniya VIII–X vv. v Primor'e [VIIIth–Xth-century Sogdian colony in Primorye]. In: *Materialy po etnokul'turnym svyaziam narodov Dal'nego Vostoka v Srednie veka*. Vladivostok, 1988, pp. 100–105. (in Russ.)
20. Shavkunov, E.V. ed., 1994. *Gosudarstvo Bohai (698–926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii* [Bohai state (698–926) and the tribes of the Russian Far East]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
21. Shavkunov, E.V., 1996. Unikal'nyi derzhatel' ot kresala iz Mar'yanovskogo gorodishcha [A unique holder for fire striker from Maryanovskoe settlement], *Vestnik DVO RAN*, no. 2, pp. 71–74. (in Russ.)
22. Shavkunov, E.V., 1999. Shamanstvo u bokhaitsev i chzhurchzhenei (po materialam arkheologicheskikh istochnikov) [Shamanism among the Bohai and Jurchen (based on archaeological sources)], *Rossiia i ATR*, no. 2, pp. 70–80 (in Russ.)
23. Shchapova, Yu.L., Likhter, Yu.A. and Stolyarova, E.K., 1990. *Morfologiya drevnostei* [Morphology of antiquities]. Kiev. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 11.02.2025;
рекомендована к печати 12.05.2025*

УДК 94(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/42-49>

О.К. Ищенко*

АМУРСКИЙ ЦЕНЗОР С.Н. ТАСКИН И ПРОГРЕССИВНАЯ ГАЗЕТА «АМУРСКИЙ КРАЙ»: ИСТОРИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1900–1907 гг.)

В статье рассматривается практика реализации цензурского надзора в Благовещенске в 1900–1907 гг. на примере противостояния цензора С.Н. Таскина и редактора-издателя газеты «Амурский край» Г.И. Клитчоглу. Данный эпизод из истории становления института цензуры в Амурской области демонстрирует, как пробелы в цензурном законодательстве в изучаемый период мешали привлечению к административной или уголовной ответственности редакторов, злоупотреблявших свободой слова и нарушавших имеющиеся запреты со стороны государства.

Ключевые слова: цензура, свобода слова, Амурская область, периодическое издание, «Амурский край», С.Н. Таскин, Г.И. Клитчоглу

Amur censor Sergey Taskin and progressive newspaper «Amurskii krai»: a history of confrontation, 1900–1907. OLGA K. ISHCENKO
(Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia)

The article examines the implementation of censorship in Blagoveshchensk between 1900–1907, focusing on the confrontation between censor Sergey Taskin and Georgy Klitchoglu, editor and publisher of the newspaper «Amurskii krai». This episode from the history of censorship institutionalization in the Amur region demonstrates how gaps in censorship legislation during this period hindered the prosecution of editors, who abused freedom of speech, whether through administrative or criminal channels.

Keywords: censorship, freedom of speech, Amur Oblast, periodical, «Amurskii krai», S.N. Taskin, G.I. Klitchoglu

Введение

В настоящее время история цензуры в Амурской области в дореволюционный период продолжает оставаться малоизученной темой. К данному выводу позволяет прийти изучение научных трудов, посвященных периодической печати и цензурской службе в Амурской области в конце XIX –

начале XX вв. В диссертации И.А. Шаховой [17] затрагиваются вопросы развития периодической печати в Амурской области в конце XIX в., раскрываются факты открытия первых частных газет в Благовещенске, но не приводятся данные о цензорах изданий «Амурская газета» (1895 г.) и «Амурский край» (1899 г.). В фундаментальном

* ИЩЕНКО Ольга Константиновна, соискатель кафедры истории России и специальных исторических дисциплин историко-филологического факультета Благовещенского государственного педагогического университета, г. Благовещенск, Россия, isch_ok@mail.ru

© Ищенко О.К., 2025

научном труде по истории Дальнего Востока под редакцией А.И. Крушанова [10] имеется подробная характеристика «Амурской газеты» за 1900 г. (информация о редакторе-издателе, количестве подписчиков и выпускаемых в розничную продажу номеров), но упоминания о цензоре первых периодических изданий так же отсутствуют. Отдельные сведения по истории цензуры Амурской области в конце XIX – начала XX вв. содержатся в диссертации М.А. Бордакова [6], акцентирующей внимание на цензурной практике в Приамурском генерал-губернаторстве в военное время (1904–1905 гг. и 1914–1917 гг.). Нельзя не обратить внимания и на работы, раскрывающие подробности отдельно взятых конфликтов между цензорами и представителями прессы в Приамурье: это статья И.А. Шаховой [16], посвященная противостоянию «Амурской газеты» и цензора С.Н. Таскина в 1906 г., а также статья В.Л. Агапова [2], в центре внимания которой – конфликт между вице-губернатором Амурской области А.Г. Чаплинским, исполнявшим обязанности цензора, и редактором газеты «Амурский пионер» А.И. Матюшенским в 1911–1912 гг.

В данной статье будет предпринята попытка охарактеризовать практику цензурского надзора в г. Благовещенск в 1900–1907 гг. на примере противостояния цензора С.Н. Таскина и газеты «Амурский край».

У истоков цензурской службы в Амурской области

Первым официальным упоминанием наличия института цензуры в Амурской области можно считать запись в Памятной книжке Амурской области за 1901 г. о том, что обязанности цензора в ней исполняет вице-губернатор Сергей Николаевич [11, с. 35].

Сергей Николаевич Таскин (1863 – ?) окончил в 1883 г. Александровский лицей, после чего был определен на службу в Министерство финансов [7, с. 35]. В 1888 г. приказом управляющего островом Сахалин С.Н. Таскин был назначен начальником Александровского округа (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 8. Д. 602. Л. 30), где руководил работой областной администрации по гражданской части [8, с. 190]. Помимо основной работы он занимался благотворительной и просветительской деятельностью, содействовал открытию музея и детского приюта в поселке Александровском, изданию «Сахалинского

календаря» [1, с. 152], контролировал работу морской пристани и местной типографии [7, с. 35]. Высочайшим приказом от 1 января 1898 г. С.Н. Таскин был назначен вице-губернатором Амурской области. Занимаясь внутренними делами края, С.Н. Таскин в 1900 г. получил гражданский чин действительного статского советника, а с 1901 г. стал почетным мировым судьей округа Благовещенского окружного суда [7, с. 95]. Находясь на должности вице-губернатора, он неоднократно командировался для надзора за постройкой Амурской колесной дороги [7, с. 35].

В последующее десятилетие С.Н. Таскин совмещал должность вице-губернатора с исполнением обязанностей цензора Амурской области. Данное обязательство было возложено на Сергея Николаевича согласно Уставу о цензуре и печати: «Цензирование частных периодических изданий в губернских городах, в которых нет цензурных учреждений, возлагается на вице-губернатора» [13, с. 8].

Приняв на себя обязанности цензора, С.Н. Таскин столкнулся со сложностями системы провинциальной цензуры. Во-первых, обязанности цензора возлагались на вице-губернатора «без особого вознаграждения» [13, с. 8]. Во-вторых, цензор Амурской области, как и другие провинциальные цензоры [9, с. 19], не был подготовлен к цензурской деятельности ни по образованию, ни по опыту предшествующей работы¹. Данный факт вызывал недовольство у редакторов и издателей газет. Например, в «Амурской газете» за 1906 г. была опубликована статья, в которой один из сотрудников газеты отмечал: «Таскин был плохим литератором и бесцеремонным литературным палачом» (цит. по: [16, с. 279]). Наконец, дальневосточная печать требовала особого внимания со стороны цензоров по причине пограничного положения региона и наличия среди его жителей большой прослойки ссыльных. К моменту принятия С.Н. Таскиным обязанностей цензора в Благовещенске уже начали работу две частные газеты, позиционировавшие себя как общественно-политические издания, – «Амурская газета» и «Амурский край», сотрудниками которых по большей части являлись политические ссыльные.

¹ Как отмечало Главное управление по делам печати, «советники губернского правления, обремененные служебными занятиями, даже при всем добром желании не могут надлежащим образом выполнить задачу, не имеющую прямого отношения к их обязанностям и требующую от них, кроме усердия, известного литературного навыка и опытности» (цит. по: [9, с. 21]).

Начало противостояния

Основываясь на архивных документах, можно сказать, что с принятием С.Н. Таскиным обязанностей цензора началась «эпоха войны» с местной периодической печатью. Одним из его оппонентов стал Г.И. Клитчоглу.

Георгий Иванович Клитчоглу (1850–1921) – сотрудник и редактор газеты «Амурский край», владелец типографии «Типография Г.И. Клитчоглу». Окончив гимназию, он начал путь учителя в Ростове-на-Дону, позже был направлен в Туркестан, однако, остановившись в Бердске, решил сменить род занятий. Выбор пал на финансовую деятельность: в 1888 г. он поступил на службу в Госбанк в Петербурге. В дальнейшем был переведен в Иркутск, а в 1892 г. направлен в Благовещенск. В Приамурье занимал должность бухгалтера Сибирского банка. Оставив государственную службу, сначала выступал товарищем председателя правления комитета Благовещенского городского музея, позже занял место гласного городской думы. К началу XX в. занимался издательской деятельностью (в открытой Клитчоглу типографии печатались газеты, сатирические журналы и художественные книги) [15, с. 182]. Официально являясь редактором-издателем газеты «Амурский край», Г.И. Клитчоглу, придерживавшийся умеренных взглядов, лишь формально руководил изданием, которое фактически находилось в руках политических ссыльных. Так, финансированием газеты занимался известный в городе политический ссыльный П.Д. Баллод [15, с. 8], редактором газеты фактически выступал политический ссыльный Л.Г. Дейч, а сотрудниками газеты являлись революционеры С.С. Синегуб, Э.А. Плосский, А.В. Прибылев, А.П. Прибылева-Корба [15, с. 35]. После смены редакционной коллегии и в связи с Первой русской революцией взгляды Г.И. Клитчоглу трансформировались, и в 1905 г. в газете «Амурский край» публиковались статьи о забастовках, заводских стачках и митингах. Дочь Г.И. Клитчоглу Серафима и вовсе была эсеркой, занималась террористической деятельностью и участвовала в подготовке покушения на В.К. Плеве.

Началом противостояния местной печати и цензора можно считать эпизод, связанный с распространением в г. Благовещенске сборника статей газеты «Амурский край», посвященных военным событиям лета 1900 г. на Амуре, который был допущен цензором к печати. В сборнике были опубликованы правдивые факты об убийствах бе-

зоружных маньчжур [12, с. 63], рассказы очевидцев, приказы главнокомандующих войсками во время событий благовещенской «утопии». Именно с этим был связан поступивший 10 сентября 1900 г. в канцелярию военного губернатора Амурской области запрос от начальника Главного управления по делам печати Н.В. Шаховского, в котором поднимался вопрос «о справедливости сведений статьи “Амурского края”, что в Благовещенске было умерщвлено множество несчастных жертв, которые были согнаны и перебиты», и о причинах, по которым данные заметки попали в печать (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 380. Л. 36). На это военный губернатор Амурской области К.Н. Грибский сообщил, что помещение статьи является «упущением цензора, т.к. сборник был на предварительной печати», и сделал замечание Таскину, призвав «быть внимательнее и строже в цензировании местных газет» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 380. Л. 39). Таким образом, цензор С.Н. Таскин предстал в глазах начальника Главного управления по делам печати как невнимательно исполняющий свои обязанности.

10 октября 1900 г. к военному губернатору Амурской области обратился редактор газеты «Амурский край» с жалобой на цензора С.Н. Таскина: «Благовещенский цензор требует от меня, чтобы я при издании газеты руководствовался кроме цензурного устава еще и ст. 76 городского положения. Для печати городское положение никакого отношения не имеет, а касается только органов самоуправления... имею честь попросить разрешить по-прежнему размещать в газету “Амурский край” сведения о думских заседаниях» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 380. Л. 49). Запрет С.Н. Таскина был вполне законным, т.к. частные периодические издания подлежали предварительной цензуре, а редакторы-издатели перед выпуском каждого номера газеты должны были получить разрешительный билет на его печать, однако выбор обоснования был не совсем корректным. Скорее всего поступок С.Н. Таскина был направлен на подрыв работы редакции «Амурского края»: издание занимало четыре страницы формата А3 [5, с. 36], из них одна полностью отводилась под отчеты о заседаниях Благовещенской Думы. Запрет печатать их значительно осложнил бы жизнь редактора-издателя Г.И. Клитчоглу.

Через две недели, 28 октября 1900 г., на имя военного губернатора Амурской области поступило замечание от начальника Главного управления по делам печати в адрес цензора С.Н. Таскина.

В письме отмечалось, что «в газете “Амурский край” за № 106 в статье “Нижегородские катакомбы” содержались замечания редактора “Амурского края”, в которых крайне вызывающим тоном заявлялось о необходимости свободы слова и печати» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 380. Л. 143). Действительно, статья из «Амурского края» напрямую нарушала ст. 93 Устава о цензуре и печати, т.к. высказывания редактора о свободе слова и печати ставили под сомнение «непоколебимость основных законов». С.Н. Таскин же, проверив экземпляр номера перед выходом, не увидел никаких преград к его печати, что подтверждается наличием резолюции «Дозволено цензурою» в № 106 за 1900 г. В данном случае, видимо, Г.И. Клитчоглу, заранее зная, что данная статья является провокационной и противозаконной, умышленно поместил ее в номер. Что касается действий цензора, возможно, содержание упомянутой статьи не вызвало вопросов у С.Н. Таскина по причине того, что она была перепечатана из общественно-политической газеты «Русские ведомости», а значит – ранее одобрена цензором в Москве. В итоге начальником Главного управления по делам печати было предложено военному губернатору Амурской области «поставить на вид цензующему газету Амурский край неправильность дозволения» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 380. Л. 143). Таким образом, С.Н. Таскин вновь оказался в неловком положении: при наличии всего двух частных газет в г. Благовещенске он уже не первый раз получал замечание от Н.В. Шаховского за «ненадлежащее цензурирование» местной прессы.

Видимо, С.Н. Таскин принял все замечания начальника Главного управления по делам печати и попытался впредь действовать строже. Именно поэтому редактор газеты «Амурский край» вскоре обвинил цензора в превышении своих полномочий, когда С.Н. Таскиным была запрещена перепечатка статьи из газеты «Русские ведомости». В ответ на это обвинение Главное управление по делам печати отметило, что «действия цензора правильны, поскольку общее направление газеты ... не вполне отвечает требованиям, предъявляемым к подцензурному периодическому изданию» [8, с. 58].

После запрета цензора на перепечатку данной статьи в «Амурском крае» Г.И. Клитчоглу вступает с ним в открытое противостояние. В 1901 г. в газете была опубликована заметка «Статья 1029 Уложения о наказании», которая не была дозволена к печати цензором. В проверяемом экземпля-

ре ее текст был перечеркнут Таскиным, а резолюция цензора гласила: «За исключением статьи, номер дозволен цензурою» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 388. Л. 2). Статья была отклонена цензором, т.к. содержала указания на недостатки цензурного законодательства, демонстрируемые на примере деятельности рижского цензора: «В 58 и 112 номерах газеты “Прибалтийский край” появилась статья “Сбор на отопление квартиры г. Губернатора”, которую цензор Шахов зачеркнул красными чернилами и потребовал, чтобы ему указали источник, откуда редактор заимствовал ее... На суде редактор газеты объяснил, что в некоторых других рижских газетах статья была пропущена цензурой... Окружной суд оправдал редактора» [3, с. 3]. Описанный в статье пример наглядно показывал сложность привлечения к ответственности редакторов за злоупотребление «свободой слова». В свою очередь теперь перед С.Н. Таскиным стояла задача привлечения к ответственности Г.И. Клитчоглу за несоблюдение запрета цензора и нарушение Устава о цензуре и печати.

Попытки принять меры против редактора «Амурского края» за неповиновение местному цензору оказались провальными. После выхода в свет упомянутого номера «Амурского края» Г.И. Клитчоглу был привлечен к судебному разбирательству. Цензор С.Н. Таскин сообщил суду, что «помещенная заметка к печати дозволена не была, текст был перечеркнут. Несмотря на это, заметка вышла в свет». В свою очередь Г.И. Клитчоглу объяснил свои действия «простым недоразумением» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 388. Л. 2), и суд не нашел оснований для административного наказания редактора-издателя.

Несмотря на то, что Г.И. Клитчоглу оказался участником судебного разбирательства по причине нарушения цензурного устава, он продолжил травлю цензора. 4 июля 1901 г. цензор Амурской области доложил военному губернатору, что неразрешенная к печати в № 68 статья вышла в свет 15 июня 1901 г. и, таким образом, «в действиях редактора усматривается нежелание подчиниться указаниям цензора» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 389. Л. 4). На данное нарушение отреагировал Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: распоряжением от 16 июля 1901 г. «на основании статьи 178 цензурного устава воспрещена розничная распродажа газеты “Амурский край” на три месяца» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 388. Л. 4).

После наложения запрета на розничную продажу номеров газеты «Амурский край» ее редак-

тор-издатель не отошел от своих оппозиционных взглядов: газета продолжала разоблачение должностных лиц, злоупотреблявших властью или военным положением, выставляла напоказ жульничество купцов и промышленников. За публикацию статей подобного содержания с 1901 по 1903 гг. Г.И. Клитчоглу привлекался к суду 15 раз [15, с. 35]. При этом по состоянию на 1903 г. газета «Амурский край» имела стабильную читательскую аудиторию: количество подписчиков составляло 638, а в розничной продаже расходилось 888 экземпляров каждого номера [8, с. 365].

Борьба за справедливость, 1905–1907 гг.

17 октября 1905 г. был подписан Высочайший Манифест, провозглашавший «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». С целью обеспечения свободы слова была отменена предварительная цензура прессы. С этого момента у редакторов появилась возможность выпускать номера своего издания в продажу без предварительного разрешения цензора. Отмена цензуры означала для местной прессы возможность публиковать все материалы, ранее квалифицировавшиеся как «запрещенные». В № 131 от 20 ноября 1905 г. газета «Амурский край» опубликовала заметку под названием «Господину С. Таскину», в которой газета пыталась разобраться в причинах отсутствия публикаций о строительстве Амурской колесной дороги: «Теперь можно говорить все, что угодно... Разве всякому это и без доказательств не понятно? Но ведь важно даже не то, зачеркивались или нет цензором статьи о колесной дороге, наблюдающим за которой стоит тот же цензор. А важно, что статьи не могли появляться именно в силу того, что в одном лице совмещались цензор и наблюдающий за постройкой» [4, с. 3]. За критикой деятельности цензора последовала публикация на страницах «Амурского края» 27 ноября 1905 г. сразу несколько материалов, нарушавших Устав о цензуре и печати: отчет с митинга бастующих чиновников и информация о создании Союза Амурских прогрессивных групп, среди основателей которого был и сам Г.И. Клитчоглу [17, с. 63]. 14 декабря 1905 г. в газете «Амурский край» была опубликована статья под заголовком «Слава борцам за свободу!» в честь годовщины восстания на Сенатской площади.

В ответ на выход номеров газеты «Амурский край», содержащих провокационные статьи,

С.Н. Таскин попытался привлечь Г.И. Клитчоглу к уголовной ответственности: цензор направил прокурору Благовещенского окружного суда более 30 номеров газеты для возбуждения против ее редактора-издателя уголовного дела, но ответа не последовало (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 28). Несмотря на угрозу привлечения к ответственности Г.И. Клитчоглу продолжил публиковать на страницах своего издания провокационные материалы, подрывающие основы государственного строя, например, объявления от Союза Амурских прогрессивных групп в № 6 за 1906 г., которое призывало горожан к забастовкам, или статью «Внутренний врач» в № 17 за 1906 г., которая содержала разного рода нападки на правительство.

Не получив ответа от прокуратуры, С.Н. Таскин постарался иными путями привлечь к ответственности редактора «Амурского края». В январе 1906 г. Таскин обратился в Главное управление по делам печати с заявлением о том, что «редакторы газет Амурской край и Амурская газета уклоняются от выполнения ст. 137 устава о цензуре и печати, предоставляя газеты в день выхода со значительным опозданием, когда номера уже разосланы по подписке и выпущены в розничную продажу, тем самым лишая возможности воспользоваться наложением в случае нарушения устава ареста» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 1). Он подчеркнул, что действия редакторов газет нарушали указ «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. (гл. VII, п. 7), который гласил, что «каждый номер повременного издания, одновременно с выпуском его из типографии, предоставляется издателем местному должностному лицу по делам печати» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1729. Л. 3). В ответ на обращение Таскина начальник Главного управления по делам печати в телеграмме от 8 февраля 1906 г. сообщил военному губернатору Амурской области: «Просьба разъяснить цензору, что ему надлежит возбудить против редактора газеты “Амурский край” Г.И. Клитчоглу судебное наказание за нарушение правил о печати» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 18).

С.Н. Таскин обратился к военному губернатору с просьбой о помощи в привлечении Г.И. Клитчоглу к уголовной ответственности, т.к. его предстоящие запросы в прокурору не получили ответа. Военный губернатор направил письмо Приамурскому генерал-губернатору с просьбой «войти в сношение с прокурорским надзором Иркутской судебной палаты о приостановлении издания га-

зеты «Амурский край» в судебном порядке» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 32). На что Приамурский генерал-губернатор ответил, что «сношение с прокурором судебной палаты о приостановке печатного издания – прямая обязанность местного губернатора» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 38).

Военный губернатор Д.В. Путята обратился к прокурору, но не Иркутской судебной палаты, а Благовещенского окружного суда. 22 февраля 1906 г. прокурор наложил арест на выпуск газетных номеров «Амурского края» ввиду «распространения статей преступного содержания» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 3. Д. 413. Л. 14) до рассмотрения дела Г.И. Клитчоглу в судебной палате Иркутска. Редактор газеты подлежал уголовному наказанию за размещение в газете статей, содержащих в себе признаки «государственного преступления». 24 февраля 1906 г. от судебной палаты Иркутска поступила телеграмма, в которой говорилось, что упомянутые статьи не содержат признаков государственного преступления, в них «не заключается оскорбительных отзывов против верховной власти» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 51). Таким образом, суд определил прекратить уголовное преследование в отношении редактора газеты «Амурский край» Г.И. Клитчоглу, однако с 24 февраля по 16 сентября издание газеты было временно приостановлено ввиду ее «вредного» направления [15, с. 36].

В январе 1907 г. исполняющий обязанности цензора Добротворский, заменявший Таскина на время его командировки, наложил арест на выпуски № 29–33 за январь (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 55) и передал вопрос на рассмотрение прокурору Благовещенского окружного суда. 20 февраля прокурор сообщил, что уголовное преследование по ранее арестованным номерам прекращено ввиду отсутствия преступного содержания (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 15).

Вернувшись из командировки, Таскин направил очередное обращение прокурору окружного суда. В жалобе от 28 февраля 1907 г. говорилось следующее: «В газете “Амурский край” помещена статья, в которой публично распространялись настойчивые призывы к революции. Газета принимает яркий революционный окрас, редактор вызывает к свержению существующего строя, за что предусмотрена ст. 129 уголовного уложения. Прошу привлечь к законной ответственности» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 16). Ответ на данный запрос последовал только 30 мая. Проку-

рор сообщал, что «уголовное преследование редактора газеты “Амурский край”, возбужденное 28 февраля определением Благовещенского окружного суда, прекращено за отсутствием состава преступления» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 414. Л. 89).

Заключение

Дальнейшие попытки цензора привлечь к уголовной ответственности редактора газеты «Амурский край» также оказались безуспешными. Документы фонда Канцелярии военного губернатора Амурской области, хранящиеся в РГИА ДВ, позволяют заключить, что С.Н. Таскин обращался к прокурору по данному вопросу более 15 раз, но в каждом случае прокуратура предоставляла ответ с запозданием (до трех месяцев) и чаще всего с пометкой об «отсутствии состава преступления».

Однако некоторые статьи, публиковавшиеся в газете «Амурский край», все же нарушали закон. Так, за помещение в № 48 стихотворения «Песнь возлюбленной», которое начинается словами «Встань! Бери оружие в руки!», Иркутская судебная палата признала редактора газеты Г.И. Клитчоглу виновным в нарушении ст. 53, 54, 77, 128, 129 Устава о цензуре и печати и приговорила его к заключению в крепость на один год (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 413. Л. 34). В сентябре 1907 г. Г.И. Клитчоглу вышел под залог и продолжил редакторскую деятельность, но придерживаясь уже более умеренных взглядов, за что в советской историографии был оценен как «прислужник буржуазии» [14, с. 36]. С 1907 г. во избежание ответственности за публикуемые статьи Г.И. Клитчоглу сложил с себя полномочия редактора-издателя. Как писала газета «Амур», редактор «Амурского края» после всех политических превращений погрузился «в первобытное состояние статского советника вне партий, как это и полагается по служебному рангу и духу тревожного времени» (цит. по: [15, с. 36]).

1 октября 1907 г. на С.Н. Таскина было совершено покушение неизвестными, после чего его здоровье явно пошатнулось, он стал чаще выезжать в отпуск по состоянию здоровья, а в 1909 г. и вовсе сложил с себя полномочия вице-губернатора и покинул Приамурский край.

Таким образом, историю противостояния цензора С.Н. Таскина и редактора прогрессивной газеты «Амурский край» Г.И. Клитчоглу можно рассматривать как важный этап становления института цензуры в Амурской области. Уже на заре

своей цензурской деятельности С.Н. Таскин столкнулся с пробелами в цензурном законодательстве, которые не позволяли цензору противодействовать распространению статей «преступного содержания». Вследствие этого на протяжении рассматриваемого периода С.Н. Таскину никак не удавалось привлечь к административной или уголовной ответственности редактора «Амурского края», злоупотреблявшего свободой слова и нарушавшего имеющиеся запреты со стороны государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абеленцев В.Н. Амурские губернаторы. 1856–1917: сборник документов и материалов. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2006.
2. Агапов В.Л. «Возбуждение в населении неуважения и враждебного отношения к чинам правительства»: страница газетной войны против высших чиновников Приамурского края (1911–1912 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 2. С. 150–162.
3. Амурский край. 1901. 3 марта.
4. Амурский край. 1905. 20 ноября.
5. Арчакова О.Б. Общедемократическое издание «Амурский край» // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2017. № 14. С. 36–39.
6. Бордаков М.А. Становление и развитие института цензуры на Дальнем Востоке России в 1901–1917 гг.: дис. ... канд. ист. н. Владивосток, 2018.
7. Военные губернаторы Амурской области. К 150-летию основания Усть-Зейского поста. 1856–1917: сборник документов и материалов. Благовещенск, 2006.
8. Дальний Восток России: из истории системы управления: документы и материалы. К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток: РГИА ДВ, 1999.
9. Жилиякова Н.В., Есипова В.А., Шевцов В.В. «Секретно. Конфиденциально»: цензурная история журналистики Томской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2022.
10. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / Под ред. А.И. Крушанов. М.: Наука, 1991.
11. Памятная книжка Амурской области на 1901 год. Благовещенск: Тип. «Амурской газеты» А.В. Кирхнера, 1901.
12. Сборник газеты «Амурский край»: статьи о военных событиях на Амуре, помещенные в га-

зете с 1 июля по 1 августа 1900 г. Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу и К°, 1900.

13. Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 1-е марта 1908 г. СПб.: Сенатская типография, 1908.

14. Стрюченко И.Г. Печать Дальнего Востока накануне и в годы первой русской революции (1895–1907). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982.

15. Урманов А.В. Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.

16. Шахова И.А. Амурский цензор С.Н. Таскин // Приамурье – форпост России на дальневосточных рубежах: материалы региональной научно-практической конференции (г. Благовещенск, 24–25 октября 2006 г.). Благовещенск, 2007. С. 278–281.

17. Шахова И.А. Периодическая печать и органы государственной власти Дальнего Востока России, вторая половина XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. н. Благовещенск, 2001.

REFERENCES

1. Abelentsev, V.N., 2006. Amurskie gubernatory. 1856–1917: sbornik dokumentov i materialov [Amur governors. 1856–1917: collection of documents and materials]. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka. (in Russ.)
2. Agapov, V.L., 2014. «Vozbuzhdenie v naselenii neuvazheniya i vrazhdebnogo otnosheniya k chinam pravitel'stva»: stranitsa gazetnoi voyny protiv vysshikh chinovnikov Priamurskogo kraya (1911–1912 gg.) [«The incitement of public disrespect and hostility towards government officials»: a page from the newspaper war against senior officials of the Amur region, 1911–1912], Novyi istoricheskii vestnik, no. 2, pp. 150–162. (in Russ.)
3. Amurskii krai, 1901, March 3. (in Russ.)
4. Amurskii krai, 1905, November 20. (in Russ.)
5. Archakova, A.B., 2017. Obshchedemokratiicheskoe izdanie «Amurskii krai» [Democratic newspaper «Amurskii krai»], Slovo: fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh, no. 14, pp. 36–39. (in Russ.)
6. Bordakov, M.A., 2018. Stanovlenie i razvitie instituta tsenzury na Dal'nem Vostoke Rossii v 1901–1917 gg. [The making of censorship in the Russian Far East, 1901–1917], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)
7. Voennye gubernatory Amurskoi oblasti. K 150-letiyu osnovaniya Ust'-Zeiskogo posta. 1856–1917: sbornik dokumentov i materialov [Military governors of Amur Oblast. Commemorating the 150th

anniversary of the founding of Ust-Zeya, 1856–1917: collection of documents and materials]. Blagoveshchensk, 2006. (in Russ.)

8. Dal'nii Vostok Rossii: iz istorii sistemy upravleniya: dokumenty i materialy. K 115-letiyu obrazovaniya Priamurskogo general-gubernatorstva [Russian Far East: from the history of governance: documents and materials. Commemorating the 115th anniversary of the Amur Territory Governor-Generalship]. Vladivostok: RGIA DV, 1999. (in Russ.)

9. Zhilyakova, N.V., Esipova, V.A. and Shevtsov, V.V., 2022. «Sekretno. Konfidentsial'no»: tsenzurnaya istoriya zhurnalistiki Tomskoi gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [«Secret. Confidential»: censorship history of journalism in Tomsk Governorate in the late XIXth and early XXth century]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta. (in Russ.)

10. Krushaniv, A.I. ed., 1991. Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.) [The history of the Far East of the USSR in the era of feudalism and capitalism (XVIIth century – February 1917)]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

11. Pamyatnaya knizhka Amurskoi oblasti na 1901 god [Reference book of Amur Oblast for 1901]. Blagoveshchensk: Tip. «Amurskoi gazety» A.V. Kirkhnera, 1901. (in Russ.)

12. Sbornik gazety Amurskii krai: stat'i o voennykh sobyitiyakh na Amure, pomeshchennye v gazetu s 1 iyulya po 1 avgusta 1900 g. [Collection of the articles about military events on the Amur published in «Amurskii krai» newspaper from July 1 to August 1,

1900]. Blagoveshchensk: Tipografiya G.I. Klitchoglu i K^o, 1900. (in Russ.)

13. Spisok grazhdanskim chinam IV klassa. Ispravlen po 1-e marta 1908 g. [List of civil ranks of the IV class. Corrected as of March 1, 1908]. Sankt-Peterburg: Senatskaya tipografiya, 1908. (in Russ.)

14. Stryuchenko, I.G., 1982. Pechat' Dal'nego Vostoka nakanune i v gody pervoi russkoi revolyutsii (1895–1907) [The press of the Russian Far East on the eve and during the First Russian revolution, 1895–1907]. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo. (in Russ.)

15. Urmanov, A.V., 2013. Entsiklopediya literaturnoi zhizni Priamur'ya XIX–XXI vv. [Encyclopedia of literary life of the Amur region from the XIXth to the XXIst century]. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU. (in Russ.)

16. Shakhova, I.A., 2007. Amurskii tsenzor S.N. Taskin [Amur censor S.N. Taskin]. In: Priamur'e – forpost Rossii na dal'nevostochnykh rubezhakh: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Blagoveshchensk, 24–25 oktyabrya 2006 g.). Blagoveshchensk, 2007, pp. 278–281. (in Russ.)

17. Shakhova, I.A., 2001. Periodicheskaya pechat' i organy gosudarstvennoi vlasti Dal'nego Vostoka Rossii, vtoraia polovina XX – nachalo XX vv. [Periodical press and government bodies of the Russian Far East in the late XIXth and early XXth century], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Blagoveshchensk. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 19.11.2024;
рекомендована к печати 15.02.2025*

УДК 94(73).091.3

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/50-60>

Е.С. Юрченко*

ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ НАД РОССИЙСКИМИ ЖЕЛЕЗНЫМИ ДОРОГАМИ В ПОЛИТИКЕ США В 1918 г.**

Статья посвящена анализу политики США в отношении российских железных дорог в 1918 г. и роли данного вопроса в «русской политике» Белого дома в исследуемый период. Особое внимание уделено позиции официального Вашингтона по вопросу о передаче руководства управлением КВЖД и Транссибом главе Российского корпуса железнодорожной службы Дж. Стивенсу. Автор акцентирует внимание на попытках Государственного департамента добиться монопольного права на управление российскими железными дорогами на основании соглашения с Временным правительством 1917 г. В статье исследуются факторы, способствовавшие нарастанию американо-японского противостояния в борьбе за контроль над железными дорогами в Восточном Китае и Восточной Сибири, а также причины срыва планов руководства США по реализации политики «открытых дверей и равных возможностей» в отношении российских железных дорог в данный период.

Ключевые слова: Гражданская война в России, иностранная интервенция, США, Восточная Сибирь, Маньчжурия, Транссиб, КВЖД

U.S. policy and the question of control over Russian railways in 1918.

EKATERINA S. YURCHENKO (Pacific National University, Khabarovsk, Russia)

This article examines U.S. policy toward Russian railways in 1918 and its role in shaping Washington's broader «Russian policy» during this period. It focuses particularly on the official U.S. position regarding the transfer of administrative control over the Chinese Eastern Railway and Trans-Siberian Railway to John Stevens, head of the Russian Railway Service Corps. The author highlights State Department attempts to secure exclusive management rights over Russian railways based on its 1917 agreement with the Russian Provisional Government. The study analyzes factors that intensified U.S.-Japanese rivalry for control of railways in Eastern China and Siberia, while also exploring why Washington ultimately failed to implement its «open door and equal opportunity» policy regarding Russian railroads during this period.

Keywords: Russian Civil War, allied intervention, USA, Eastern Siberia, Manchuria, Trans-Siberian Railway, Chinese Eastern Railway

В современных геополитических реалиях позиции государств на мировой арене и их роль в экономической глобализации во многом опреде-

ляются возможностью контролировать ключевые транспортные артерии. Российская железнодорожная система до сих пор является наиболее эффек-

* ЮРЧЕНКО Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент Высшей школы педагогики и истории Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия, y-k22@yandex.ru

© Юрченко Е.С., 2024

тивным средством обеспечения бесперебойного грузопотока на евразийском пространстве. Ее экономическое, политическое и военно-стратегическое значение в последние годы неуклонно возрастает. Обращение к истории борьбы американского государства за контроль над КВЖД и Транссибом в 1918 г. позволяет выявить значение железнодорожного вопроса в планах США добиться глобального доминирования в первой четверти XX в., а также влияние данного фактора на характер политики Белого дома в отношении России, Китая и Японии в указанный период.

Несмотря на неизменно высокий исследовательский интерес к истории российско-американских отношений в первой четверти XX в. железнодорожный аспект «русской политики» Вашингтона до сих пор не стал предметом специального исследования в отечественной литературе. Советские и российские авторы в большинстве своем обращались к данной проблеме в контексте общего анализа характера американской интервенции и истории борьбы между США и Японией за сферы влияния в регионе. Отечественные специалисты отмечают особую роль, которая отводилась железным дорогам в планах США по экономической экспансии в Сибири и на Дальнем Востоке [7, с. 139]. В исследованиях по истории Гражданской войны в регионе подчеркивается, что в вопросах эксплуатации железных дорог американские представители в России не только не принимали во внимание позицию российских властей, но зачастую оказывали им открытое противодействие [9, с. 111–113].

Американская историография уделяет этой проблеме больше внимания. Отдельные работы посвящены деятельности Российского корпуса железнодорожной службы и личности Дж.Ф. Стивенса [11; 13; 15; 18]. Авторы акцентируют внимание на тех факторах, которые не позволили реализовать задачи, возложенные на служащих корпуса. Особенно подчеркивается стремление американских специалистов дистанцироваться от политического противостояния в России. При этом американская историческая литература рассматривает борьбу американского государства за контроль над железными дорогами как часть политики «открытых дверей и равных возможностей» в Китае. В центре внимания американских специалистов – борьба между США и Японией за КВЖД. Исключением является работа Д. Дэвиса и Ю. Трани, в которой проблема контроля над российскими железными дорогами рассматривается

как часть неолиберальной внешнеполитической программы Вильсона, предусматривавшей распространение принципа «открытых дверей и равных возможностей» и на Россию [3].

Отправной точкой активной железнодорожной политики США в регионе стала русско-японская война 1904–1905 гг. [18, р. 35]. По ее итогам Япония получила контроль над южной частью КВЖД, которая тут же была переименована в Южно-Маньчжурскую железную дорогу. В 1905 г. президент Южно-Тихоокеанской транспортной компании Э.Г. Гарриман предложил план создания всемирной железнодорожно-пароходной сети. Он полагал, что это даст США существенные преимущества на европейском и азиатском рынках. Сеть должна была охватывать Японию, Маньчжурию и Европейскую Россию. Для осуществления этого плана необходимо было содействие Японии и России. Гарриман сумел добиться от японского премьера Кацуры заключения договора о передаче Южно-Маньчжурской дороги под управление американцев. Договор предусматривал создание банковского синдиката, в котором половина акций должна была принадлежать американцам. Однако соглашение так и не вступило в силу. Японское правительство не захотело уступать свои позиции в Маньчжурии, стремясь к расширению влияния в Китае в целом. Транссиб и КВЖД, соединявшие регион с Центральной Азией и Европой, принадлежали Российской империи, которая также не желала уступать конкурентам.

Вплоть до 1917 г. правительству США не удавалось добиться существенных сдвигов в продвижении своих интересов в отношении железных дорог. Ситуация радикально изменилась после революции 1917 г. в России и вступления США в Первую мировую войну. Руководство официального Вашингтона сумело заключить соглашение с Временным правительством об отправке американской консультативной комиссии из железнодорожных экспертов, которые должны были изучить ситуацию на российских железных дорогах. Комиссия прибыла во Владивосток в первой половине июня 1917 г. Ее члены проследовали через Сибирь в специальном поезде, предоставленном российской железнодорожной администрацией. Они изучили не только состояние Транссиба, но и железнодорожное сообщение в Мурманске, Архангельске и Донецком регионе. Затем члены миссии вернулись в Соединенные Штаты, за исключением Джона Стивенса. Он остался и был принят в Министерство путей сообщения в качестве спе-

циального советника. По предложению Стивенса был организован Российский корпус железнодорожной службы, состоящий из американских железнодорожных инженеров, которые покинули Соединенные Штаты 1 ноября 1917 г. [15]. Предполагалось, что американские железнодорожники будут назначены в качестве консультантов на различных участках Транссибирской магистрали. Станция Владивосток была передана под управление Стивенса. Характерно, что добровольцы под командованием бывшего управляющего Северной железнодорожной компанией Дж. Эмерсона, поступившие на службу в железнодорожный корпус, были уверены, что являются военнослужащими армии США. Они прошли военную подготовку. Сам Эмерсон получил звание полковника. Однако Государственный департамент с момента отправки корпуса настаивал, что они гражданские специалисты на службе Временного правительства. Финансирование корпуса осуществлялось Временным правительством за счет ссуды, предоставленной США [13]. Смена власти в России в ноябре 1917 г. не позволила реализовать это соглашение. Судно «Томас», на борту которого находился железнодорожный корпус, прибыло во Владивосток 14 декабря 1917 г. Однако из-за неопределенности политической ситуации вскоре было принято решение перебазироваться в японский порт Нагасаки.

С началом в России Гражданской войны железнодорожный вопрос стал фактором внутриполитической борьбы и одним из наиболее значимых аспектов международных противоречий. Япония сделала ставку на поддержку антибольшевистских сил на Востоке страны. Японские представители стали оказывать материальную поддержку атаману Г. Семенову. В начале 1918 г. британский Форин офис направил в Белый дом меморандум, в котором настаивал, что необходимо дать японцам возможность занять Транссиб ради улучшения снабжения русских армий во время войны [16, р. 153–155]. Однако руководство США воспринимало любые шаги, набавленные на расширение японского присутствия в регионе, как угрозу американским национальным интересам. Позволить Японии взять под контроль российские железные дороги означало бы содействовать ее доминированию в Северо-Восточной Азии. Зимой 1918 г. президент В. Вильсон и члены его правительства единодушно выступили против отправки японских военных в Сибирь и передачи им управления железными дорогами [16, р. 215, 219, 445].

Как советник Министерства путей сообщения Российской империи Дж. Стивенс в феврале 1918 г. попытался добиться разрешения на переброску американского железнодорожного корпуса в Харбин от управляющего КВЖД генерала Д.Л. Хорвата. После смены власти в Петрограде Хорват сохранил свой пост. Назначение на эту должность осуществлялось совместно министром финансов Российской империи и правлением Русско-Азиатского банка. В условиях отсутствия признанного правительства и нового министра, которого еще и поддержало бы правление банка, формально заменить генерала на этом посту никто не мог [6]. Генерал Хорват возглавил созданный в феврале 1918 г. в Харбине Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительного собрания. Он первым заявил о своих претензиях на верховную власть и начал объединять вокруг себя право-монархические силы. Хорват рассчитывал на финансовую и военную поддержку союзников, но не желал допускать американцев к управлению железными дорогами. Он вызывал неприязнь как у американских представителей в Китае, так и у членов американского правительства. В докладе, подготовленном сотрудниками Госдепартамента для президента в апреле 1918 г., подчеркивалось: генерал Хорват, «служака старого режима, человек державных взглядов, который озадачен тем, как возродить в крестьянстве любовь к царю» [16, р. 397–399]. Поддержка Хорвата и Семенова японцами усугубила негативное отношение Вашингтона к «клике Хорвата». Российский посол в Вашингтоне Б.А. Бахметев в конце августа 1918 г. отмечал, что Хорват не вызывает у американцев «ни симпатий, ни веры в его способность выражать настроение России и ответить на ее насущные желания» (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 3. К. 96. Р. 7). Тем не менее, вопрос о переброске американских железнодорожников был согласован. 110 американских железнодорожных инженеров были отправлены на Китайско-Восточную железную дорогу. Еще около 90 человек отбыли в апреле 1918 г. во Владивосток.

По мере развития гражданской войны в России все более очевидным становилось, что взять под свое управление железные дороги можно будет лишь при наличии достаточного военного контингента. Вопрос об участии в интервенции стал центральным аспектом русской политики Вашингтона в первой половине 1918 г. [3, с. 281]. Восстание чехословацкого корпуса в июне 1918 г.

изменило расстановку сил. Большая часть Транс-сйба оказалась под контролем чешских войск. В конце июня чехи были во Владивостоке. У руководства США появилась возможность присоединиться к интервенции, не нарушая принципа невмешательства во внутрйполитическую борьбу в России. Однако оставался нерешенным вопрос о масштабах военного присутствия и характере взаимодействия с японскими войсками. Правительство Японии намеревалось закрепить за собой ведущую роль в интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири. С этой целью оно добивалось согласия США на передачу общего командования союзными войсками в регионе японскому представителю и увеличение численности японских войск до 12 000. В июне–июле 1918 г. эти проблемы стали предметом напряженных японо-американских переговоров. В конце июля США согласились предоставить воинский контингент в 7 000 чел. для помощи в эвакуации чехословаков и защиты линии коммуникаций [16, р. 542]. В начале августа 1918 г. Госдепартамент подтвердил, что США не намерены нарушать территориальную целостность России или вмешиваться во внутрйполитические дела страны [8, с. 297].

Американский военный контингент должен был сыграть роль фактора силы, которая бы укрепила положение Дж. Стивенса и его коллег. В инструкциях, которые получил командующий американским экспедиционным корпусом генерал-майор У. Грейвс от президента, подчеркивалось, что войска должны сосредоточиться на защите железных дорог и не вмешиваться во внутрйполитическую борьбу в России. 10 августа американские железнодорожники, следовавшие из Нагасаки на российском судне «Симбирск», высадились во Владивостоке. Стивенс разослал своих людей по различным участкам железной дороги, расположенным в районах, где были наименее сильны революционные настроения. Сначала только вдоль Китайско-Восточной железной дороги. По мере того, как начали прибывать войска союзников, чтобы обеспечить охрану военнослужащих Корпуса, протяженность трассы, переданной в ведение Железнодорожного корпуса, была распространена до Омска. По воспоминаниям участников экспедиции, наибольшие трудности в работе им создавали представители русской администрации, которые рассчитывали на финансовую и техническую помощь, но упорно противодействовали любым изменениям в системе организации и управления [14]. Считая русских управлен-

цев коррумпированными и некомпетентными, американские специалисты так и не смогли наладить с ними сколь-нибудь эффективное взаимодействие.

Несмотря на достигнутое с правительством Японии соглашение о совместном участии в интервенции, вопросы о взаимодействии и полномочиях американских и японских военных решены не были. 18 августа командующий японским контингентом генерал Отани опубликовал императорский приказ, в соответствии с которым он назначался командующим не только японскими войсками, но и войсками союзников на Дальнем Востоке. Однако прибывший в начале сентября во Владивосток У. Грейвс заявил, что не имеет никаких распоряжений на этот счет. Настроенный первоначально на сотрудничество с японскими военными, Грейвс вскоре убедился в их намерении не позволить американцам закрепиться на железных дорогах. Будучи вовлеченным в постоянные конфликты с казачьими атаманами, за спиной которых стояли японские военные, Грейвс быстро проникся антияпонскими настроениями. Как и Стивенс, он был убежден в том, что Япония реализует план по захвату региона [2].

В августе 1918 г. японское правительство предложило китайским властям изменить ширину колеи путей КВЖД, чтобы они соответствовали стандартам Южно-Китайской железной дороги. Подобная инициатива вызвала протест со стороны США. Государственный секретарь Р. Лансинг заявил, что изменение колеи привело бы к параличу всей транспортной системы. Американское руководство настаивало на том, что соглашение с Временным правительством 1917 г. предполагает передачу фактического контроля и управления всем железнодорожным сообщением американским специалистам под единоличным руководством Стивенса. Япония расценивала это как попытку захвата американцами российских железных дорог. Кроме того, японские власти предложили включить Дж. Стивенса в состав американской армии. Однако официальный Вашингтон настаивал, что глава американской железнодорожной миссии является гражданским специалистом и легитимным представителем интересов России, поскольку был назначен Временным правительством и фактически «от имени русского народа получил общее руководство Транссибирской и Китайско-Восточной железными дорогами и несколькими их ответвлениями» [12, р. 240]. В действительности служащих корпуса передали в подчинение американским военным. Они были вооружены, осу-

ществляли охрану железных дорог. Однако для правительства США вопрос о невоенном статусе железнодорожников имел принципиальное значение. Также Госдепартамент попытался воспользоваться ситуацией для того, чтобы добиться отставки Хорвата и передать его полномочия Стивенсу. Японская сторона летом 1918 г. выступила против отстранения генерала от управления КВЖД [12, р. 253].

3 сентября посол США в Японии Р.С. Моррис встретился с японским министром иностранных дел С. Гото чтобы обсудить американские предложения. По словам министра, существовали серьезные препятствия на пути реализации американских предложений, поскольку совет союзников во Владивостоке уже решил взять железные дороги под свой контроль. Посол возразил, что при всем желании совета военных сил для того, чтобы осуществить подобное, у союзников нет. «Я подчеркнул тот факт, что Стивенс и его коллеги были не представителями какой-либо внешней силы, а наемными работниками на службе российского народа», – писал Моррис в отчете Лансингу [12, р. 242].

Стремление союзников воспользоваться отсутствием в России признанной власти для реализации собственных планов ставило под угрозу интересы США. Особенно важно было не допустить раздела железнодорожной системы на отдельные участки, подконтрольные разным государствам. Из Китая поступала информация о том, что японцы настоятельно убеждают Хорвата передать управление КВЖД им [12, р. 248]. В начале сентября 1918 г. Дж. Стивенс, находившийся во Владивостоке, сообщил, что японское командование отдало приказ о передаче железных дорог под контроль японских военных. По мнению главы американской железнодорожной миссии, это означало попытку японцев утвердиться на железных дорогах. Он настаивал, что «если американцы не поторопятся, то останутся не у дел» [12, р. 234]. Это сообщение всерьез обеспокоило Белый дом, и Лансинг поручил Моррису обратиться за разъяснениями к японскому правительству [12, р. 242–243]. Посол немедленно связался с министром иностранных дел С. Гото и послом Японии в США виконтом К. Исии. Оба заявили, что имеет место какое-то недоразумение, поскольку не было никаких решений и соответствующих приказов. Министр уверил посла, что отправит немедленно запрос во Владивосток. Вся эта ситуация создала у Морриса впечатление, что «японский Генераль-

ный штаб проводит определенную политику в Сибири, оставляя Министерству иностранных дел и виконту Исии задачу объясняться после» [12, р. 246]. Гото заявил Моррису, что приложит все усилия, чтобы лишить военный совет союзников во Владивостоке права принимать решения по железным дорогам [12, р. 247].

Ни сам Моррис, ни руководство США в тот период не имели представления, о каком военном совете союзников идет речь. 17 сентября 1918 г. президент Вильсон направил Лансингу телеграмму, в которой попросил «навести справки у правительств Великобритании, Франции и Италии о том, что представляет собой так называемый Союзный военный совет во Владивостоке, из кого он состоит и по чьему поручению он был сформирован и действует, одновременно уведомив, что США не признают полномочий такого органа» [10, р. 386]. Послу Р.С. Моррису было поручено разъяснить позицию США не только японскому правительству, но и союзникам во Владивостоке, куда он направлялся с целью повлиять на ситуацию [12, р. 246].

Американская дипломатия настаивала, что ни большевистское движение, ни присутствие международной военной помощи в Сибири или в Маньчжурии не изменяют ранее существовавшие права России или Китая. Госдепартамент постоянно подчеркивал, что американские железнодорожники фактически находятся на службе России. Целью их пребывания является лишь обеспечение эффективной работы транспортной системы. 13 сентября 1918 г. в американские посольства в Лондоне, Париже, Риме и Токио было направлено официальное обращение Белого дома. Дипломатам поручалось донести до правительств, «что г-н Джон Ф. Стивенс – председатель Железнодорожной консультативной комиссии в России и официальный советник Министерства путей сообщения России, должен обеспечить эффективную эксплуатацию различных участков Транссибирской магистрали и ее ответвлений при содействии американских инженеров на службе России, известных как Российский корпус железнодорожной службы, совместно с российскими железнодорожными чиновниками и персоналом и в сотрудничестве с союзниками». В обращении особо подчеркивалось, что правительство Соединенных Штатов отказывается от какой-либо цели получить контроль над железными дорогами России. «Железнодорожный корпус будет продолжать содержаться за счет российских средств, которыми распоряжат-

ся посол России в Вашингтоне, до тех пор, пока их служба не будет либо продолжена, либо прекращена признанными властями России», – подчеркивалось в документе [12, р. 252].

Прибыв 17 сентября во Владивосток, Моррис встретился со Стивенсом. Они, обсудили ситуацию и пришли к мнению, что можно найти компромисс с японцами, назначив Стивенса генеральным директором с полномочиями по управлению всей системой, а генералу К. Отани поручить охрану железных дорог. Моррис был уверен, что представители Англии и Франции не будут возражать. 18 сентября посол США во Франции У. Шарп подтвердил, что французское правительство поддержит такой план [12, р. 259–260]. Ответ из Лондона был получен в начале октября. Англичане подчеркнули, «что в сложившихся обстоятельствах правительство Его Величества предпочло бы, чтобы правительства Соединенных Штатов и Японии урегулировали вопрос о фактическом контроле между собой» [12, р. 259–272].

Государственный департамент 23 сентября уведомил Морриса, что российские послы в Вашингтоне и Пекине, китайские власти, а также представитель чехословаков Т. Масарик полностью поддерживают план, в соответствии с которым Стивенсу будет передан полный контроль над эксплуатацией Восточно-Китайской и Транссибирской железных дорог под военной защитой. Конкретизировать, чьи именно войска должны осуществлять эту защиту, Лансинг не стал. Российский посол в Вашингтоне Б.А. Бахметев поддержал план американского руководства, при условии, что Стивенс будет считаться агентом на службе российского правительства и его деятельность не приведет к нарушению действующих соглашений и прав России в отношении Транссибирской магистрали и КВЖД [12, р. 266].

Для представителей антибольшевистских сил железнодорожный вопрос стал значимым фактором в борьбе за власть. В Омске в конце июня было сформировано Временное Сибирское правительство во главе с П.В. Вологодским. Он прибыл во Владивосток в конце сентября и неоднократно встречался с Р.С. Моррисом, генералом У. Грейвсом и Дж. Стивенсом, чтобы добиться официальной поддержки. Но правительство США придерживалось политики непризнания по отношению ко всем противоборствующим группировкам в России. Моррис категорично отказался обсуждать этот вопрос [1, с. 91]. Позднее во Владивосток прибыл бывший глава Временного правительства

князь Г.Е. Львов. Они вместе с Вологодским еще раз посетили Морриса. Оба настаивали, что «просят не о признании, а лишь о возможности предпринять какую-либо формальную инициативу, которая показала бы поддерживающим их элементам, что Стивенс действует с их ведома и согласия и, таким образом, пользуется поддержкой единственного существующего органа общественного мнения в Сибири». В своих воспоминаниях Вологодский сетовал на то, что Морриса интересовал лишь железнодорожный вопрос: «Разговор с ним в присутствии инженера Стивенса свелся к организации управления всеми путями сообщения Сибири для установления их большей паровозоспособности, продолжался 3 ½ часа, а свелся ни к чему» [1, с. 95]. Отчитываясь перед коллегами о результатах поездки, он доложил, что первоначально американцы намеревались взять дороги под свое полное управление, заменив весь русский аппарат. Но после переговоров с Л.А. Уструговым смягчили условия, намереваясь «оставить служебный аппарат прежним, лишь пополнив его американцами, и сохранить лишь контроль Америки над русскими железными дорогами» [5, с. 22]. Для Вологодского, как и для большинства его коллег, на тот момент имело значение лишь признание, которое бы укрепило позиции правительства. Американский посол к подобным обращениям относился скептически, полагая, что «политическая ситуация не сулит постоянного успеха ни одному конструктивному движению». Он считал, что «появление союзных войск вселило надежду в бывших чиновников, гражданских и военных, что теперь они вернут себе власть и влияние, которые имели до революции» [12, р. 271].

Американцы настойчиво добивались отстранения от управления Хорвата и Устругова. В своих отчетах в Вашингтон Моррис прямо заявлял, что претензии на единоличное руководство Транссибом Устругова не обоснованы и «их можно игнорировать». В отсутствие сильной власти в России согласие российских представителей виделось формальностью. Однако бесцеремонные попытки американцев взять под свой контроль управление вызывали отторжение и непонимание со стороны российских представителей. По словам Морриса, во время своих бесед с русскими он всячески старался «рассеять преобладающие подозрения» о попытках «украсть железную дорогу» [12, р. 269]. В конце сентября Моррис и Стивенс вместе встретились с Хорватом. Американцы представили ему план, в соответствии с которым

главы военных миссий союзников возьмут на себя охрану железных дорог и назначат Стивенса генеральным директором. В то же время будет создан консультативный комитет союзников, состоящий из одного представителя от каждой державы, направившей войска в Сибирь, а председателем этого комитета будет русский. Предполагалось, что Стивенс будет регулярно отчитываться перед этим комитетом и консультироваться с ним, но фактическое управление останется полностью в его руках. Посол был уверен, что Хорват поддержит данный план. 3 октября Моррис получил телеграмму от Лансинга с поздравлениями, его предложения были одобрены президентом. Посол планировал отправиться на запад по Транссибу, чтобы лучше ознакомиться с условиями. Однако уже 4 октября был вынужден доложить в Вашингтон, что «прогресс в переговорах по железной дороге приостановился». Внезапно английские и японские представители во Владивостоке заявили, что не могут действовать, поскольку не получали соответствующих приказов от своего руководства [12, р. 272]. Фактором, повлиявшим на позицию союзников, стала консолидация белого движения. В конце сентября была создана Уфимская директория, объявившая себя временным всероссийским правительством. Хорват стал представителем директории на Дальнем Востоке, его поддержали японские и английские представители. Военным министром нового правительства стал А.В. Колчак. Признавать директорию США не собирались. Однако игнорировать позицию русских властей стало труднее.

Еще одним значимым фактором стала смена правительства в Японии. В результате политического кризиса был сформирован новый кабинет, который возглавил лидер ведущей парламентской партии Хара Такаси. Японское руководство выдвинуло план, в соответствии с которым русские под руководством японских советников управляли бы линией от Чанчуня до Харбина и от Харбина до Карымской. Американцы выступили категорически против, заявив, что делить управление нельзя. Моррис был вынужден срочно вернуться в Токио, чтобы обсудить проблему с новым министром иностранных дел Японии Я. Утида [12, р. 273]. Американский дипломат должен был найти компромиссное решение, которое поддерживали бы японские и американские власти. Он прислал в Вашингтон план по эксплуатации дорог, который, по его словам, был согласован с Хорватом, Уструговым и влас тями Восточного Китая. Пред-

полагалось, что руководство железными дорогами в регионах, в которых действовали союзные войска, будет осуществляться специальным межсоюзническим комитетом, который должен состоять из представителей каждой державы, включая Россию, имеющей вооруженные силы в Сибири, и председателем которого должен быть русский. Охрана железных дорог будет передана в ведение вооруженных сил союзников, а техническое, административное и экономическое управление всеми железными дорогами будет возложено на Дж.Ф. Стивенса. Во главе каждой железной дороги должен стоять российский управляющий. Стивенс как генеральный директор будет назначать технический и административный персонал центрального офиса [12, р. 276]. Госдепартамент в целом одобрил проект соглашения. «Департамент желает, чтобы вы подчеркнули тот факт, что г-н Стивенс и Корпус железнодорожных служащих России, который будет ему помогать, будут представлять Россию, а не Соединенные Штаты или какие-либо возможные интересы Соединенных Штатов. Департамент считает этот момент важным, поскольку Соединенные Штаты не имеют ни желания, ни цели получить долю в железных дорогах России или контролировать их», – подчеркивал Лансинг. Он настаивал, что при заключении соглашения необходимо избегать формулировок, которые бы создали впечатление, что Стивенс зависит от военных и починяется их приказам [12, р. 277]. Моррис заверил Р. Лансинга в том, что японские представители во Владивостоке согласны с проектом. Однако официально японская сторона этого не подтвердила.

Будучи вовлеченным в затянувшееся дипломатическое противостояние, американское руководство теряло контроль над ситуацией. В реалиях гражданской войны и интервенции значение имела лишь военная сила. По сведениям американских представителей, за шесть недель через северную Маньчжурию прошло 40 000 японских солдат, 6 000 из них были расположены в Харбине. Они заняли все свободные казармы, включая те, что были предусмотрены для размещения американских солдат. Сортировочные станции Китайско-Восточной железной дороги управлялись японцами, которые контролировали перемещение всех грузов и распределение всех вагонов. Русские служащие под давлением силы были вынуждены подчиняться. В Чанчуне собрались японские железнодорожники, готовые немедленно их заменить. По имевшимся в распоряжении посла

Морриса сведениям, 2 000 человек готовились к зимовке в Чите, для контроля Амурской железной дороги. Японские гарнизоны также размещались в стратегических пунктах на железной дороге между Харбином и Владивостоком. Генерал Хорват в конце октября признался Стивенсу, что операции на Китайско-Восточной железной дороге вышли из-под его контроля. Остатки русской военной охраны игнорировались японцами. «Если не удастся прийти к какому-либо ясному пониманию с японским правительством относительно смысла и цели этой военной оккупации Китайско-Восточной железной дороги, то, боюсь, любое согласие с нашим планом действий будет искусственным и опасным, и позиция мистера Стивенса быстро станет несостоятельной», – писал Моррис в Вашингтон [12, р. 279–280].

В начале ноября заместитель Дж.Ф. Стивенса полковник Дж.Х. Эмерсон из Харбина доложил, что Восточное Китайское управление ввело эмбарго на все грузовые и пассажирские перевозки за пределами Маньчжурии. Моррис сам побывал в Харбине и подтвердил полученные ранее сведения об увеличении численности японских войск. По имевшейся в его распоряжении информации, в Харбин прибыла дополнительно 1 000 японских солдат, а 29 октября через город проехали 5 вагонов японских железнодорожных чиновников, направлявшихся на Амурскую линию. Российские чиновники Забайкальской железной дороги жаловались, что их организация полностью деморализована. Сотрудникам не платили жалование в течение двух или трех месяцев, они массово увольнялись со службы; 40% локомотивов либо нуждались в ремонте, либо пришли в негодность. Результатом явилась полная блокада грузовых и пассажирских перевозок, за исключением нескольких поездов, используемых в военных целях. По сведениям Эмерсона, ситуация на КВЖД складывалась аналогично [12, р. 279].

В этих условиях японское руководство обратилось к Хорвату с предложением вновь взять на себя управление дорогой. Генерал Отани издал инструкции японским командирам дивизий о том, что в дальнейшем они не должны вмешиваться в деятельность российских железнодорожных чиновников. Стивенс был уверен, что следующим шагом станет заявление о том, что Хорват не справился с управлением КВЖД и что военная необходимость потребовала размещения японских экипажей во всех поездах. Он полагал, что «это ознаменует завершение хорошо продуманного пла-

на по поглощению интересов России в Восточном Китае и в то же время передаче Японии контроля над всей экономической деятельностью в северной Маньчжурии и Восточной Сибири» [12, р. 284]. По его мнению, любые варианты соглашения с Японией, при которых управление железных дорог окажется разделено, были лишены смысла. «Сложившаяся ситуация, которая усугубляется беспомощностью и продажностью русских, не только грозит провалом, но из-за грубого вмешательства и автократических методов, применяемых японцами в российских железнодорожных делах, неизбежно создает проблемы, которые могут привести к международным осложнениям», – настаивал глава американского железнодорожного корпуса. По его мнению, «план разделения властей просто привел бы к единоличному японскому контролю, сделал бы американцев подставными лицами или того хуже». Стивенс категорически отказывался принимать на себя руководство в случае, если план с разделением руководства дорогами будет принят [12, р. 282].

26 октября посол Р.С. Моррис вновь встретился с японским министром иностранных дел, чтобы обсудить железнодорожный вопрос. Если передача Транссиба под американский контроль не вызывала возражений, то проблема эксплуатации дороги Восточного Китая стала основным камнем преткновения в переговорах. Моррис высказал предложение, чтобы Стивенс назначил членом своего штаба японского специалиста и поручил ему работу исключительно на восточно-китайском направлении с соблюдением инструкций Стивенса по эксплуатации этой дороги. Белый дом вновь заверил японское правительство, что полный контроль Стивенса над системой управления – лишь вынужденная и временная мера, направленная на восстановление бесперебойного железнодорожного сообщения [12, р. 285].

По мере ухудшения ситуации многие американские дипломаты стали склоняться к необходимости найти компромисс, который позволил бы сдвинуть решение вопроса с мертвой точки. В конце ноября американский консул во Владивостоке Колдуэлл предложил фактически считать КВЖД и Амурскую дорогу самостоятельными участками, при этом отдать Восточную дорогу под управление японцам, а Амурскую под американский контроль [12, р. 287]. Данное предложение не получило одобрения ни у Стивенса, ни у Государственного департамента. Моррис также полагал, что подобный подход станет доказательст-

вом намерений союзников разделить дороги на сферы влияния. Он был уверен, что Китайско-Восточная железная дорога должна рассматриваться как часть системы Транссибирской магистрали: «Если мы ограничимся использованием Амурской железной дороги, как предлагает консульство во Владивостоке, мы фактически признаем притязания Японии на Китайско-Восточную железную дорогу» [12, р. 291].

Ноябрьский переворот в Омске и установление диктатуры А.В. Колчака серьезно осложнили и без того накаленную ситуацию вокруг железных дорог. 30 ноября Стивенс доложил, что «назначение Колчака диктатором вызвало противодействие Семенова, который находится в Чите с небольшим отрядом, доминирующим в этот момент на железной дороге и получает оружие и боеприпасы от японцев; состояние железной дороги становится отчаянным» [12, р. 290]. Британское руководство направило своим представителям во Владивостоке распоряжение воздержаться от каких-либо действий в поддержку казачьих атаманов. Одновременно последовал отказ британской стороны от обсуждения плана, при котором все железные дороги передавались бы под единоличный контроль Стивенса. Стало очевидно, что отныне союзники будут стремиться проводить самостоятельную политику.

Стивенс передал информацию от офицера армейской разведки о том, что японцы официально потребовали от правительства Восточного Китая предать им КВЖД. Он был уверен, что этот «хорошо спланированный заговор быстро увенчается успехом, если немедленно не будут предприняты активные шаги». Зная о негативном отношении Стивенса к японским военным, Моррис поставил эту информацию под сомнение, но получить от японского руководства разъяснения по этому вопросу ему не удалось [12, р. 288]. У посла сложилось впечатление, что японское внешнеполитическое ведомство вынуждено следовать в фарватере политики Генерального штаба. Японские дипломаты зачастую либо вообще не могли дать разъяснений относительно действий своих военных, либо их утверждения противоречили донесениям американских источников. Моррис попытался добиться информации от Генерального штаба, но не преуспел. С учетом обстоятельств, он уже не верил в возможность передачи железных дорог под полный контроль Стивенса.

11 ноября 1918 г. завершилась Первая мировая война. Правительство США сосредоточилось на

подготовке к началу мирной конференции в Париже. В этих условиях любое обострение отношений с Японией могло пагубно отразиться на реализации инициатив американского президента по послевоенному переустройству. 22 ноября президент В. Вильсон встретился с приехавшим в Вашингтон князем Г.Е. Львовым. Бывший глава Временного правительства попытался убедить американского лидера увеличить помощь, указав, что японцы прислали своих войск гораздо больше и занимаются «укреплением своей экономической базы вдоль железной дороги». На что Вильсон ответил, что США и Япония находятся в дружественных отношениях и любые недоразумения быстро улаживаются. «Так, в отношении заведывания железными дорогами Восточно-Китайской ветви полное согласие состоялось. Теперь во главе железнодорожного дела стоит наш инженер Стивенс», – заявил американский президент [5, с. 36].

В. Вильсон рассчитывал на реализацию принципа «открытых дверей и равных возможностей» в отношении российских железных дорог вне зависимости от будущего политического развития России» [17, р. 38–39]. Однако афишировать данную позицию, а тем более обсуждать этот вопрос в рамках конференции он не собирался. Перед Стивенсом и Моррисом была поставлена нетривиальная задача решить вопрос до начала конференции. Соглашение было подписано 9 января 1919 г. Было принято решение о создании Межсоюзнического комитета, включавшего представителей всех союзных держав. Возглавить комитет должен был Л.А. Устругов, занявший пост министра путей сообщения в правительстве Колчака. Стивенсу отводилась роль председателя Технического совета, который должен был осуществлять техническое и экономическое управление железными дорогами. Охрана отдельных участков путей сообщения распределялась между чехословацкими, японскими и американскими войсками. Данное соглашение являлось собой болезненный компромисс, не удовлетворявший ни одну из сторон. Фактический контроль над ключевыми участками железной дороги атаманы Калмыкова и Семенова, получавших поддержку с стороны Японии, и их открытое неповиновение Колчаку поставили под вопрос жизнеспособность любых договоренностей и цели пребывания американского железнодорожного корпуса и военных в России.

Период лета–осени 1918 г. стал переломным в борьбе американского руководства за контроль над российскими железными дорогами. От попы-

ток установления монопольного контроля США вынуждены были перейти к выработке соглашения с союзниками. Белый дом оказался не готов к тому, что реальная политика японских представителей в регионе будет идти в разрез с заявлениями официального Токио. Отсутствие у американского руководства адекватной программы реализации железнодорожного вопроса привело к тому, что решение задачи по передаче контроля над КВЖД и Транссибом под американский контроль фактически было возложено на плечи Дж.Ф. Стивенса, Р.С. Морриса и У.С. Грейвса, подчинявшихся разным ведомствам и выполнявших разные инструкции. Стивенс характеризовал политику США в этот период как «хуже, чем бесполезная» [11]. Уже осенью 1918 г. стали очевидны недочеты американской политики, предопределившие не только провал планов по контролю над железными дорогами, но и несостоятельность всей «русской политики» Вашингтона в 1918–1919 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006.
2. Грейвс У. Американская интервенция в Сибири. 1918–1920: воспоминания командующего экспедиционным корпусом. М.: Центрполиграф, 2018.
3. Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
4. Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1917–1922 гг. Хабаровск: ХГПУ; ДВГУПС, 2005.
5. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: документы и материалы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1995.
6. Олейников И.В. Деятельность администрации Китайской Восточной железной дороги в 1917–1920 гг.: социально-экономические, политические и правовые аспекты: дис. ... канд. ист. н. Новосибирск, 2003.
7. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983.
8. Хауз Э. Архив полковника Хауза. Дневники и переписка с президентом В. Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914–1917: в 4-х т. Т. 2. М., 1937.

9. Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.) Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012.

10. Beddie, J.S. ed., 1940. The Lansing papers. 1914–1920. Vol. 2. Washington: U.S. Government Printing Office.

11. Delanty, J.J., 1980. John F. Stevens and his role in the struggle for the control of the Chinese Eastern Railway, 1917–1922. Fullerton: California State College.

12. Fuller, J.V. ed., 1937. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918, Russia. Vol. 3. Washington: U.S. Government Printing Office.

13. Giffin, F.C., 1998. An American railroad man east of the Urals, 1918–1922. The Historian, Vol. 60, no. 4, pp. 813–830.

14. Johnson, B.O., 1923. American railway engineers in Siberia. The Military Engineer, Vol. 15, no. 81, pp. 187–192.

15. Kussmann, R.W., 1968. John F. Stevens in Russia, 1917–1922: a seminar research paper presented to Department of History, Wisconsin State University at LaCrosse.

16. Link, A.S. ed., 1984. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 47. March 12 – May 12, 1918. Princeton: Princeton University Press.

17. Link, A.S. ed., 1987. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 55. February 8 – March 16, 1919. Princeton: Princeton University Press.

18. St. John, J.D., 1969. John F. Stevens: American assistance to Russian and Siberian railroads, 1917–1922: a doctoral dissertation. University of Oklahoma.

REFERENCES

1. Vologodskii, P.V., 2006. Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibold'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.) [In power and in exile: The diary of the Prime Minister of the Anti-Bolshevik governments and an emigrant in China, 1918–1925]. Ryazan. (in Russ.)
2. Graves, U., 2018. Amerikanskaya interventsia v Sibiri. 1918–1920: vospominaniya komanduyushchego ekspeditsionnogo korpusa [America's Siberian adventure, 1918–1920]. Moskva: Tsentrpoligraf. (in Russ.)
3. Davis, D.E. and Trani, E.P., 2002. Pervaya kholodnaya voina. Nasledie Vudro Vil'sona v sovetsko-amerikanskikh otnosheniyakh [The first Cold War.

Woodrow Wilson's legacy in U.S.-Soviet relations]. Moskva: OLMA-PRESS. (in Russ.)

4. Kuz'min, V.L. and Tsipkin, Yu.N., 2005. Esery i men'sheviki na Dal'nem Vostoke Rossii v period grazhdanskoi voyny 1917–1922 gg. [The Socialist Revolutionaries and Mensheviks in the Russian Far East during the Civil War of 1917–1922]. Khabarovsk: KhGPU; DVGUPS. (in Russ.)

5. Kolchak i interventsii na Dal'nem Vostoke: dokumenty i materialy [Kolchak and intervention in the Russian Far East: documents and materials]. Vladivostok: IIAE DVO RAN. (in Russ.)

6. Oleinikov, I.V., 2003. Deyatel'nost' administratsii Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi v 1917–1920 gg.: sotsial'no-ekonomicheskie, politicheskie i pravovye aspekty [The work of the administration of the Chinese Eastern Railway in 1917–1920: socio-economic, political and legal aspects], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Novosibirsk. (in Russ.)

7. Svetachev, M.I., 1983. Imperialisticheskaya interventsiiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.) [The imperialist intervention in Siberia and Russian Far East, 1918–1922]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

8. House, E.M., 1939. Arkhiv polkovnika Khausa. Dnevnik i perepiska s prezidentom V. Vil'sonom i drugimi politicheskimi deyatelyami za period 1914–1917: v 4-kh t. T. 2. [Colonel House files. Diaries and correspondence with president W. Wilson and other political figures, 1914–1917: in 4 volumes. Vol. 2]. Moskva. (in Russ.)

9. Tsipkin, Yu.N., 2012. Grazhdanskaya voina na Dal'ne Vostoke Rossii: formirovanie anti-bol'shevistskikh rezhimov i ikh krushenie (1917–1922 gg.) [Civil War in the Russian Far East: the formation of

anti-Bolshevik regimes and their collapse, 1917–1922]. Khabarovsk: Khabarovskii kraevoi muzei im. N.I. Grodekova. (in Russ.)

10. Beddie, J.S. ed., 1940. The Lansing papers. 1914–1920. Vol. 2. Washington: U.S. Government Printing Office.

11. Delanty, J.J., 1980. John F. Stevens and his role in the struggle for the control of the Chinese Eastern Railway, 1917–1922. Fullerton: California State College.

12. Fuller, J.V. ed., 1937. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918, Russia. Vol. 3. Washington: U.S. Government Printing Office.

13. Giffin, F.C., 1998. An American railroad man east of the Urals, 1918–1922. The Historian, Vol. 60, no. 4, pp. 813–830.

14. Johnson, B.O., 1923. American railway engineers in Siberia. The Military Engineer, Vol. 15, no. 81, pp. 187–192.

15. Kussmann, R.W., 1968. John F. Stevens in Russia, 1917–1922: a seminar research paper presented to Department of History, Wisconsin State University at LaCrosse.

16. Link, A.S. ed., 1984. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 47. March 12 – May 12, 1918. Princeton: Princeton University Press.

17. Link, A.S. ed., 1987. The papers of Woodrow Wilson. Vol. 55. February 8 – March 16, 1919. Princeton: Princeton University Press.

18. St. John, J.D., 1969. John F. Stevens: American assistance to Russian and Siberian railroads, 1917–1922: a doctoral dissertation. University of Oklahoma

*Статья поступила в редакцию 17.01.2025;
рекомендована к печати 17.02.2025*

УДК 94(470+571)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/61-69>

И.А. Гудков *

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ МОРСКОЙ ТОРГОВЫЙ ПОРТ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1937–1940 гг.)

Статья посвящена функционированию Владивостокского морского торгового порта как ключевого элемента транспортной инфраструктуры советского Дальнего Востока в предвоенные годы (1937–1940 гг.). Автор анализирует такие аспекты развития порта в указанный период, как реорганизация системы управления и модернизация инфраструктуры, а также фокусирует внимание на взаимодействии с железнодорожным узлом, военными и промышленными ведомствами. В качестве ключевых проблем работы порта на данном этапе выступали дефицит складских и причальных мощностей, технические ограничения, нехватка кадров и ресурсов, а также конфликты между ведомствами. На основе архивных данных показано, как геополитическая напряженность и ориентация на оборонные задачи трансформировали функции порта, снизив его экономическую значимость.

Ключевые слова: Дальний Восток, транспортная система, портовая инфраструктура, Владивостокский морской торговый порт

Vladivostok Commercial Seaport during pre-war years, 1937–1940.

ILYA A. GUDKOV (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

The article examines the operation of the Vladivostok Commercial Seaport as a key element of the transport infrastructure in the Soviet Far East during the pre-war years (1937–1940). The author analyzes various aspects of the port's development during this period, focusing on the restructuring of its management system, infrastructure modernization, and its coordination with the railway hub, military authorities, and industrial sectors. Key challenges in the port's operations in the time included insufficient warehouse and berthing capacities, technical limitations, shortages of labor and resources, as well as interagency disputes. Archival evidence illustrates how geopolitical tensions and the prioritization of defense needs reconfigured the port's functions, ultimately reducing its economic role.

Keywords: Soviet Far East, transport system, port infrastructure, Vladivostok, Vladivostok Commercial Seaport

В 1930-е гг. активно шел процесс интеграции Дальнего Востока в экономическое пространство СССР. Направление развития отдаленного региона в первую очередь задавалось необходимостью решения стратегических задач по укреплению государственной безопасности и обеспечению обороноспособности.

Транспорт исторически выступал основой реализации военно-стратегических программ, направленных на усиление армии и флота и наращивание промышленного потенциала. Он же стал ключевым инструментом модернизации Дальнего Востока, обеспечивая связь между центром и периферией.

* ГУДКОВ Илья Артурович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, gudkov.ia96@gmail.com

© Гудков И.А., 2025

К концу 1930-х – началу 1940-х гг. нагрузка на транспортную инфраструктуру резко возросла. Основные усилия были сосредоточены на реконструкции действующих магистралей, модернизации железнодорожного подвижного состава, обновлении морского и речного флотов, а также расширении автопарка. Эти меры отражали стремление создать устойчивую систему, способную отвечать как оборонным, так и экономическим вызовам в условиях нарастающей геополитической напряженности. Нестабильность на Дальнем Востоке, вызванная экспансией Японии в Маньчжурии, требовала комплексных мер для защиты национальных интересов. Укрепление обороноспособности имело два ключевых аспекта: обеспечение постоянной боевой готовности войск и формирование мощной военно-промышленной базы с мобилизационными резервами. Параллельно велась подготовка органов власти и населения к действиям в условиях военного времени [7, с. 107].

Важным элементом этой стратегии стало сокращение к концу 1930-х гг. объемов каботажных и международных морских перевозок в Тихоокеанском регионе. Данная мера была направлена на минимизацию рисков в условиях эскалации конфликта и переориентацию ресурсов на оборонные нужды. В этой связи, несмотря на проводившиеся в 1930-е гг. обширные преобразования в системе управления морским транспортом, которые были направлены на упорядочивание деятельности морских торговых портов и придание им большей «субъектности» в системе Народного комиссариата водного транспорта (Наркомвод), Владивостокский порт постепенно утрачивал роль драйвера региональной экономики. Сразу после завершения Гражданской войны и установления советской власти на Дальнем Востоке, ввиду разрушенных хозяйственных связей, регион был вынужден ориентироваться на поиск средств для развития путем увеличения экспорта собственной продукции на внешние рынки и развития международных коммуникаций. Однако с середины 1930-х гг. акцент кардинально сместился на создание крупной производственной базы, направленной на укрепление обороноспособности. В новых условиях порт из ключевого экономического субъекта превратился в рядовой элемент транспортной инфраструктуры, что существенно повлияло на масштабы его деятельности, уровень финансирования и авторитет в разрешении межведомственных противоречий.

Для защиты советских интересов на Дальнем Востоке в январе 1935 г. были восстановлены Морские силы Дальнего Востока, упраздненные в 1926 г. Они были преобразованы в Тихоокеанский флот (ТОФ) под командованием флагмана 1-го ранга

М.В. Викторова с главной базой во Владивостоке. Несмотря на масштабное строительство оборонительных объектов во второй половине 1930-х гг., нехватка финансирования и рабочей силы не позволяла рассматривать альтернативные варианты базирования кораблей ТОФ. Это возродило проблему «раздела» территории бухты Золотой Рог, существовавшую уже в начале ее эксплуатации, когда имеющаяся портовая инфраструктура не справлялась с одновременным размещением и обслуживанием военных и гражданских судов.

Торговый, рыбный и военный порты Владивостока функционировали автономно и без единой системы координации. Планирование их грузоперевозок осуществлялось множеством ведомств и межотраслевых структур, включая районные управления оперативного регулирования при Наркомате путей сообщения (НКПС), межведомственные совещания при Совнарком союзных и автономных республик, а также исполнительные комитеты местных советов. Эти организации часто вмешивались в деятельность транспортных предприятий, создавая бюрократическую конкуренцию. Отсутствие централизованного управляющего органа приводило к тому, что ряд спорных вопросов приходилось разрешать на высшем уровне – через Совнарком и Политбюро ЦК ВКП(б) [3, с. 73].

Наличие множества ведомств на территории Владивостокского порта провоцировало конфликтные ситуации между учреждениями. К 1939 г. Наркомвод контролировал менее половины прибрежной зоны бухты Золотой Рог, тогда как Управление Владивостокского торгового порта располагало лишь 17% складских и причальных площадей. Основная часть инфраструктуры (83%) находилась в ведении 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных Дальневосточных армий (ОКДВА), Дальстроя Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), конторы «Заготзерно» и акционерного общества «Экспортлес» (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 3. Л. 9). Такая ситуация трансформировала порт из транзитного узла и логистического центра в «один большой склад», где грузы годами хранились на ограниченных территориях. Это осложняло модернизацию имеющихся и строительство новых причалов и складов, прокладку подъездных путей, внедрение технологий для погрузочно-разгрузочных работ, а также систематическое проведение процедур дноуглубления. Кроме того, фрагментация территории негативно сказывалась на обслуживании клиентов, замедляя грузооборот и снижая операционную эффективность порта.

Раздел управления портовыми активами между различными ведомствами достиг критической точки, когда на фоне снижения международ-

ной значимости торгового порта началось обсуждение изъятия у него территории бывшей Транзитной части (Эгершельд). Управление Дальневосточной железной дороги (ДВЖД), образованной в феврале 1936 г. после разделения Уссурийской железной дороги, неоднократно направляло запросы в НКПС с требованием передачи данной территории. В качестве обоснования указывалось, что район исторически входил в зону ответственности Уссурийской железной дороги, был тесно связан с железнодорожной инфраструктурой, а его развитие финансировалось преимущественно за счет средств НКПС. Однако запрос остался без удовлетворения. Причиной стало стратегическое значение Эгершельда как наиболее технически оснащенной части порта, где концентрировались основные складские мощности, причальные линии и грузопотоки северного завоза. Как отмечено в архивных документах, решающую роль в сохранении статус-кво сыграла позиция наркома водного транспорта Н.И. Пахомова, лично вмешавшегося в разрешение конфликта (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 36. Л. 89).

В 1937 г. по инициативе Наркомвода была проведена масштабная реорганизация управленческой структуры Владивостокского порта. В рамках преобразований произошло перераспределение эксплуатационных зон, были сформированы отдельные подразделения портового флота и автотранспорта, а также учреждены службы коммерции и грузоперевозок. Особое внимание уделили модернизации инфраструктуры: на мысе Чуркина, где ранее располагались солебаза и портовый холодильник, в соответствии с постановлением Совнаркома был создан Владивостокский рыбный порт. Он был организован на базе 3-го эксплуатационного района торгового порта и передан под управление Наркомата пищевой промышленности [4, с. 13–15]. Эти изменения отразили курс на специализацию портовых объектов и усиление их роли в обеспечении продовольственной безопасности региона.

К 1937 г. материально-техническая база Владивостокского торгового порта, несмотря на попытки модернизации и капитального ремонта, ввиду ограниченного финансирования находилась в плачевном состоянии. Значительная часть причалов была непригодна для эксплуатации крупнотоннажными судами, а оставшиеся не соответствовали требованиям для безопасной стоянки судов. Из восьми единиц буксирного флота, включая «Бурный», «Посыет», «Уссуриец» и др., только два («Верный» и «Коломеец») могли осуществлять перешвартовку. Ледокольный флот, формально насчитывавший четыре судна общей мощностью 9 850 л.с., был сильно изношен. Работоспособными оставались лишь «Казак Поярков» и «Давыдов». Ледокол «Богатырь» был законсерви-

рован из-за необходимости ремонта, а «Добрыня Никитич» выведен из строя после аварии. К апрелю 1938 г. порт полностью лишился действующих ледоколов, что парализовало навигацию в зимний период (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 13–15).

Серьезной проблемой оставалось и состояние складского хозяйства. Из 90 тыс. м² крытых складов только 44 тыс. находились под управлением портовой администрации (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 6–7). Даже эти площади часто использовались для долгосрочного хранения. Например, склады № 101, 102, 141, 161 (9,3 тыс. м²) в течение 1938 г. были полностью заняты зерном, принадлежащим «Заготзерну». Освободить их удалось лишь после судебного иска о взыскании платы за хранение и личного вмешательства наркома водного транспорта. Другие склады (№ 61, 91, 111, 112) использовались 1-й и 2-й ОКДВА, Дальвоенстроем и Проектно-монтажным трестом для размещения военных и строительных грузов. Открытые склады также не могли полноценно использоваться портом: 12 тыс. м² на мысе Клет занимала Углебаза, а 16,9 тыс. м² на причалах № 3, 7 и 19 – угольные запасы Комитета резервов (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 8–9). Эта «дележка» складского пространства снижала операционную гибкость и замедляла грузооборот, усугубляя и без того проблемную логистику.

Несколько лучше обстояло дело с механизацией работ. Благодаря большим капиталовложениям, поступавшим в торговый порт в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в нем удалось сформировать крупный кластер механизированного оборудования. К 1938 г. порт располагал внушительным парком оборудования: 9 конвейерных эстакад, 290 передвижных и 42 ленточных транспортера, угольный конвейер, мостовой углеперегрузчик на мысе Клет, краны различной грузоподъемности (6-тонный гусеничный, 120-тонный и 40-тонный плавучие, 18,5-тонный и 6-тонный железнодорожные), 2 порталных крана, 5 электрокаров, 1 аккумуляторный кран, плавучий углеперегрузчик и прочая вспомогательная техника (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 3). Такой арсенал делал Владивостокский порт одним из самых технически оснащенных портов Советского Союза и обеспечивал высокую производительность, однако требовал постоянного обслуживания и модернизации в условиях растущих нагрузок. Хотя порт и располагал достаточным количеством конвейеров и транспортеров, дальнейшее изменение структуры грузопотока выявило дефицит береговых кранов, критически необходимых для эффективной обработки грузов.

В целом по всей стране к середине 1930-х гг. процесс механизации портовых операций начал набирать обороты. На XVII съезде ВКП(б) (январь – февраль 1934 г.) была поставлена задача повысить уровень охвата грузовых работ механизацией на

водном транспорте СССР до 72%. На практике в 1933 г. этот показатель составлял лишь 17,2%. На общесоюзном уровне достичь показателя не удалось и к концу десятилетия: к 1937 г. показатель достигал 46,9%, а в 1940 г. – 65,5% [6, с. 150].

Несмотря на то, что во Владивостокском порту в период завершения первой и начала второй пятилеток преобладал ручной труд, уже к 1937 г. доля механизированных процессов в грузопереработке превысила 50%, что свидетельствовало о значительном прогрессе в этом направлении деятельности. Как видно из графика (Рис. 1), уровень механизации во

Владивостокском порту к 1940 г. достиг 79%, значительно опережая средние показатели по СССР. Ключевым фактором успеха стала изначальная ориентация на обработку генеральных грузов (любой упакованный в ящики, мешки, бочки или контейнера штучный груз, перевозимый на морских судах), составлявших основу грузооборота в предыдущие периоды. Сочетание сохранившейся исторической специализации и относительно развитой в этом направлении технической базы позволяло порту демонстрировать высокую эффективность, укрепляя его репутацию в глазах руководства страны.

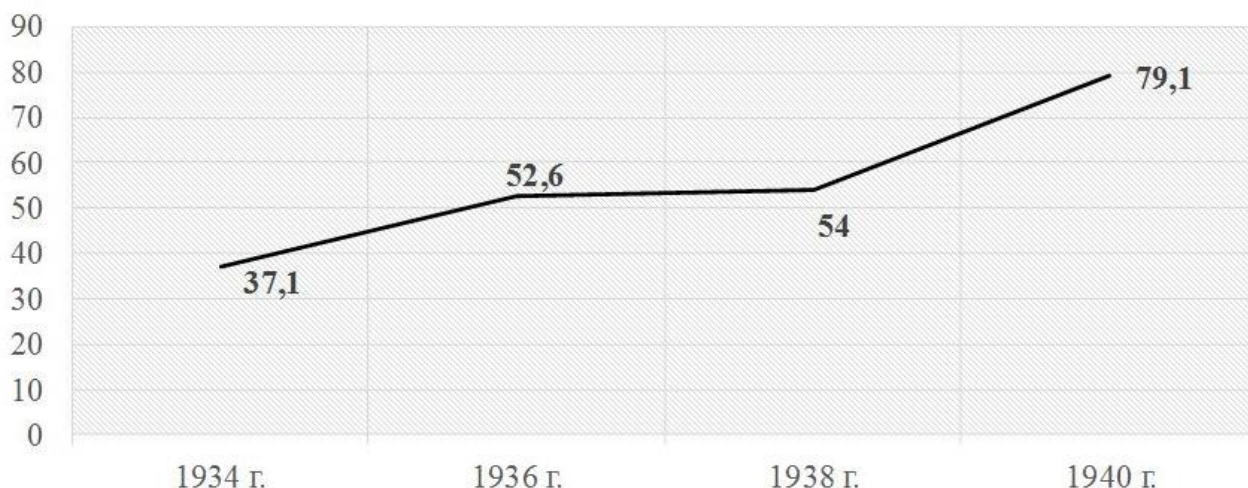

Рис. 1. Доля механизации (в %) грузовых операций

во Владивостокском морском торговом порту в 1934–1940 гг.

Сост. по: ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 10. Л. 85; Д. 134. Л. 3; Оп. 4. Д. 82. Л. 5, 57–58; Оп. 9. Д. 4. Л. 7–10; Д. 34. Л. 8; Д. 75. Л. 67; Ф. Р-1169. Оп. 1. Д. 51. Л. 2–2об.

Во второй половине 1930-х гг. структура грузооборота Владивостокского порта претерпела значительные изменения. Несмотря на его значительное сокращение (в 1934 г. – 2 297,1 тыс. т, в 1937 г. – 1 626,6 тыс. т), в первую очередь вызванное снижением перевозок большого каботажного сообщения между отечественными портами, лежащими на побережьях различных морей), резко возрос заграничный импорт, связанный с поставками промышленного оборудования и строительных материалов для ключевых проектов второй и третьей пятилеток на Дальнем Востоке: 358,8 тыс. т. в 1937 г. против 47,2 тыс. т в 1933 г. (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 171а. Л. 24; Д. 171в. Л. 3; Д. 171г. Л. 4; Д. 172. Л. 20).

Переориентация порта на импортные грузы трансформировала работу всего железнодорожного узла Владивостока. Необходимость оперативной отправки грузов в центральные регионы страны усилила зависимость порта от железнодорожных станций. Дефицит складских мощностей для хранения крупногабаритных и комплектных грузов привел к росту объемов прямой перевалки с борта судов в вагоны на причалах, что резко уве-

личило потребность в вагонном парке, однако закрыть эту потребность было нечем. Так, в марте-апреле 1938 г. порт простаивал из-за невозможности подхода судов, а в сентябре-октябре – из-за нехватки пустых вагонов, поставляемых Дальневосточной железной дорогой [4, с. 219]. Зимой основные простои судов во Владивостокском порту были связаны с ожиданием поставок угля и доступности ледоколов. Ледокольный флот, помимо задач штаба Тихоокеанского флота (ТОФ), обеспечивал буксировку судов и их проводку по маршрутам. Однако в первом квартале 1938 г. не удалось провести очистку акватории, а ко второму кварталу все ледоколы вышли из строя, оставаясь неработоспособными до конца года (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 13–15). Эти изменения усугубили и без того хроническую проблему своевременной обработки поступающих грузов.

Дальневосточная железная дорога систематически не справлялась с планами по подаче вагонов в порт, причем их поступление отличалось крайней неравномерностью. Отсутствие договоров между Управлением Владивостокского порта и ДВЖД о материальной ответственности за убытки, вызванные

несвоевременной подачей, приводило к крупным финансовым потерям: порт вынужден был выплачивать значительные штрафы за срыв нормативов обработки составов. По итогам 1938 г. план грузопереработки был выполнен лишь на 50%, что подчеркивало системный кризис координации между транспортными узлами (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 4. Д. 82. Л. 51–52об).

К 9 октября 1938 г. в порту скопилось 25 тыс. т цемента, 33 тыс. т рыбной продукции и 1 тыс. т чая – всего 60,4 тыс. т. Для оперативного вывоза требовалось 100–120 вагонов в сутки, но железная дорога выделяла лишь 5–10. Иностранные суда с цементом, стоявшие у причалов и на рейде, не могли разгрузиться из-за отсутствия свободных площадей. Склады превратились в долгосрочные хранилища для грузов различных организаций, что еще больше замедляло логистику [4, с. 215–216]. В этом же году простои судов достигли 4,9 тыс. час., что эквивалентно годовому бездействию 18 судов. Во Владивостокском порту суда простаивали около 40% рабочего времени, включая ожидание разгрузки, а в его портопунктах – 30%. До трети этих задержек были вызваны отсутствием причалов и кранового оборудования: из 185 морских пунктов вдоль побережья причалы имелись лишь в четырех, а механизация погрузочно-разгрузочных работ была только во Владивостоке [5, с. 212–213].

Ситуацию усугубляли и хронические для предпрятий Дальнего Востока кадровые проблемы. В 1937–1938 гг., несмотря на превышение плановой численности грузчиков (1 175 чел. при потребности в 910 чел.), дефицит рабочей силы оставался критическим. Низкая производительность труда, составлявшая 67% по данным годового отчета, создавала фактическую потребность в 1 219 чел. При этом неравномерность грузопотока – от 67,1 до 134,9 тыс. т в месяц – увеличивала нагрузку на 28% выше среднемесячной, требуя уже 1 560 грузчиков. Существовала и большая текучесть кадров, вызванная низкими зарплатами и неудовлетворительными бытовыми условиями для работников порта. В 1937 г. было уволено 1 717 работников, а принято 1 734 (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 171г. Л. 10–13).

Согласно пояснительной записке к годовому отчету Владивостокского порта за 1938 г., высокая текучесть кадров препятствовала масштабному распространению стахановского движения среди грузчиков, т.к. взамен кадровых грузчиков на работу поступали в основном малоквалифицированные кадры, не имеющие опыта работы на погрузочно-разгрузочных операциях. Однако определенных успехов достигло «Блидмановское движение», названное в честь механика Киевского речного порта А.Ф. Блидмана. Он разработал метод комплексной механизации, при котором грузы

подавались к ленточным транспортерам не вручную, а с помощью вспомогательных конвейеров, что значительно повысило производительность труда (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 37).

Несмотря на значительный парк механизмов (передвижные транспортеры, конвейеры, стационарные эстакады, электрокары), Владивостокский торговый порт до 1937 г. не справлялся с плановыми нормативами обработки грузов. Ситуация изменилась в мае 1938 г., когда А.Ф. Блидман, внедрив свои рационализаторские методы, достиг рекордной производительности в 630 т/час. Этот успех вдохновил портовых работников Владивостока перенять его опыт. Уже к лету 1938 г. скорость обработки зерна выросла до 80 т/час против установленных планом 32 т/час. 30 июня того же года бригада механизаторов 1-го района порта, загружая пшеницу из склада в вагоны, превысила технические нормативы на 618%. По итогам года применение метода привело к выдающимся результатам: разгрузка зерна – 265 т/час (882% от нормы); загрузка рудного концентрата – заполнение вагона за 8 минут (1200%); обработка штучных грузов – 114 т/час (253%) (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 38–39). Однако далеко не все поступающие в порт грузы удавалось обрабатывать с использованием ленточных транспортеров и конвейеров – прибытие крупногабаритных позиций, машин и оборудования, все еще приводило к задержкам в разгрузке и простоям судов.

В соответствии с решением Народного комиссариата водного транспорта с 1 января 1938 г. была проведена очередная реструктуризация управленческой системы Владивостокского морского торгового порта. Главной целью преобразований стало закрепление за эксплуатационными районами функций погрузки-разгрузки, исключение из сферы их компетенции управления жилищно-коммунальным хозяйством и ремонтными работами, что позволяло сосредоточиться на основной производственной деятельности. Для реализации этой задачи был создан коммерческо-грузовой отдел, в ведение которого перешли все складские объекты и обслуживающий их персонал, а также жилищно-коммунальная группа, получившая контроль над общежитиями, бараками и прочими коммунальными объектами, ранее подчинявшимися районам. Подсобные предприятия порта, в зависимости от их локации, распределялись между начальниками эксплуатационных районов, отделом механизации порта и портового флота, а также механическими мастерскими (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 3).

Однако внедрение новой управленческой структуры уже в первые месяцы 1938 г. выявило неэффективность разделения жилищно-складских вопросов и производственной деятельности районов. Самостоя-

тельное ведение финансового учета, отсутствие связи с реальными оперативными процессами порта, а также дублирование функций административными подразделениями выделенных хозяйств спровоцировало неоправданное увеличение управленческого персонала, что привело к возврату всех складских мощностей, подсобных и культурно-бытовых объектов под контроль эксплуатационных районов уже к середине того же года (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 5).

Реформирование системы управления советским морским транспортом в предвоенные годы активно шло и на всесоюзном уровне. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1939 г. «О разделении Народного Комиссариата водного транспорта СССР» Наркомвод был реорганизован. Вместо него были созданы самостоятельные органы: Народный комиссариат морского флота (НКМФ), в ведение которого были переданы морской флот, порты, судоремонтные и судостроительные заводы и другие предприятия и организации морского транспорта, а также Народный комиссариат речного флота (НКРФ), которому были вверены судоходные речные пути, речной флот, речные порты и пристани, речные затоны и другие предприятия и организации речного транспорта.

25 мая 1939 г. Совнарком утвердил постановление «О структуре Народного комиссариата морского флота СССР», согласно которому в составе НКМФ были созданы 11 управлений и 23 отдела. Ключевым из них стало Центральное управление морских портов, ответственное за координацию деятельности торговых портов страны. Исключением оставался Тихоокеанский бассейн, где порты сохраняли подчинение Дальневосточному государственному морскому пароходству (ДГМП) [2, с. 304].

В структуру ДГМП, охватывающего побережье Японского, Охотского и Берингова морей, входили около 250 морских пунктов. Среди них – порт первого разряда Владивосток с приписными пунктами Находка, Посыет и Славянка; порт третьего разряда Александровск-на-Сахалине с тремя приписными пунктами, а также портовые пункты Совгавань, Тетюхе, Де-Кастри, Ольга и агентства Псуфунг, Судзукэ, Терней, Самарга и Владимир [4, с. 213]. После реорганизации Народного комиссариата водного транспорта и появления НКРФ на Дальнем Востоке сформировалось новое Николаевское-на-Амуре морское пароходство. Оно получило суда, буксиры и баржи из фондов речного и морского флота, специализируясь на перевозках по маршрутам «река–море» и охватывая районы побережья Охотского моря и острова Сахалин. Так же имелись порты Петропавловск-Камчатский (в ведении Акционерного Камчатского общества) и Нагаево (контролировался

Дальстроем). Однако большинство объектов не имели самостоятельных административных структур и зачастую представляли собой примитивные причалы, лишенные механизации и складских площадей [4, с. 213].

В октябре 1938 г. в бухте Находка было учреждено самостоятельное управление, подчиненное отделу портов ДГМП. Несмотря на то, что находкинский порт, функционировавший как рейдовый, не располагал техническим оснащением и складскими помещениями для переработки генеральных грузов, а его инфраструктура включала лишь деревянный 200-метровый причал на сваях и узкоколейную железную дорогу на нем, на него возлагались большие надежды (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 24. Д. 172. Л. 144).

В декабре 1938 г. командующий Тихоокеанским флотом Н.Г. Кузнецов, выступая на заседании Главного военного совета Народного комиссариата военно-морского флота (НКВМФ) с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б), инициировал обсуждение переноса Владивостокского торгового порта в Находку. Это предложение предполагало преобразование Владивостока в закрытую военную базу, что подчеркивало растущую стратегическую роль региона в условиях обострения международной обстановки [3, с. 77]. Данная инициатива получила официальное одобрение: 7 октября 1939 г. Совнарком СССР издал постановление «О переносе Владивостокского торгового порта в бухту Находка». Согласно документу, три наркомата – морского флота, рыбной промышленности и внутренних дел – обязывались совместно построить в Находке торговый и рыбный порты, судостроительный и судоремонтный заводы, а также необходимую инфраструктуру. Аналогичные объекты планировалось возвести в Петропавловске-Камчатском и Советской Гавани [5, с. 213].

Владивостокский торговый порт должен был полностью освободить занимаемые территории в акватории бухты Золотой Рог уже к 1942 г. Взамен НКВМФ обязался передать участки бухты Находка, ранее использовавшиеся Тихоокеанским флотом, в распоряжение Управления торгового порта (Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 26. Л. 85–87). Однако медленные темпы строительства и начало Великой Отечественной войны привели к свертыванию проекта. 17 июля 1941 г. заместитель председателя Государственного комитета обороны В.М. Молотов подписал распоряжение о прекращении работ в Находке (кроме минимально необходимых для Дальстроя) и переброске ресурсов на оборонные задачи. Строительство было возобновлено лишь в апреле 1943 г., но перенос инфраструктуры в военные годы уже не осуществлялся (РГАСПИ.

Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 104; Оп. 2. Д. 160. Л. 162). Таким образом, начавшаяся война «спасла» Владивостокский торговый порт – он вернул себе важное стратегическое значение, внес весомый вклад в победу в Великой Отечественной войне и претерпел кардинальное обновление инфраструктуры (подробнее об этом см.: [1, с. 79–89]). Во многом поэтому возобновленный в 1947 г. проект переноса торгового порта так и не был окончательно реализован.

Последний предвоенный год стал своеобразной «репетицией» перед характерными трансформациями в работе всего морского транспорта Дальнего Востока, с которыми ему предстояло столкнуться в ближайшее пятилетие. Геополитические и экономические изменения, связанные с началом Второй мировой войны, позволили Владивостоку вернуть статус не только общесоюзного, но и важного международного транспортного узла. Это подтверждается резким ростом доли импорта в грузообороте: поставки направлялись как на стройки третьей пятилетки и в промышленные центры, так и транзитом через Европееко-Азиатскую судоходную линию, что было связано с усилением военной активности в Атлантике. Так, уже в 1940 г. Дальневосточное пароходство, которое тогда возглавлял будущий заместитель Наркома морского флота СССР А.А. Афанасьев, впервые за долгие годы выполнило плановые показатели, увеличив объем грузоперевозок в 2,4 раза по сравнению с 1933 г. – до 1 470,9 тыс. т против прежних 620,1 тыс. т [4, с. 220].

Однако практически сразу же выявились и серьезные проблемы в работе порта. В годовом отчете Управления Владивостокского морского торгового порта за 1940 г. подчеркивалось, что рост иностранного тоннажа при сокращении причальных мощностей привел к дисбалансу в распределении нагрузки: часть участков была перегружена, тогда как другие оставались невостребованными (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 4. Д. 82. Л. 51–52об.). Это подчеркивало структурные ограничения инфраструктуры, длительное время выстраивавшейся вокруг работы с генеральными грузами и не адаптированной к резким изменениям грузопотока.

В справке о состоянии и работе водного и железнодорожного транспорта, подготовленной по запросу уполномоченного комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Приморскому краю, отмечалось резкое увеличение поступления импорта (70 тыс. т за 3 месяца 1940 г.), приведшее к «завалу» порта и длительному простаиванию судов на рейде. Отсутствие опыта работы с тяжеловесными грузами, непригодность причальной механизации к разгрузке крупнотоннажных судов, а также специализация порта на приемке массовых генеральных грузов приводили к излишним пере-

валкам грузов через баржи и плавсредства, что затягивало всю работу порта по грузопереработке (ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 15. Л. 88–93).

Время нахождения в порту и продолжительность обработки грузов иностранных судов строго регламентировались. С одной стороны, это способствовало систематизации погрузочно-разгрузочных работ: улучшилось планирование как концентрации грузов, так и организации процессов. Но при этом необходимость обслуживать иностранные суда вне зависимости от текущей загрузки порта часто вынуждала перемещать суда малого каботажного с причалов, выделенных для срочных грузовых операций, что усиливало нагрузку на портовые мощности, приводило к дополнительным расходам и увеличению бюрократических формальностей.

Руководство порта видело решение проблем в улучшении материально-технического состояния портовой инфраструктуры. Ввиду возрастания роли порта в международной торговле усиливалось и внимание к нему со стороны центральных властей, что способствовало росту капиталовложений, направленных на строительство новой и модернизацию уже имеющейся инфраструктуры. К началу 1940-х гг. был завершен первый этап перевода электросетей порта на энергию Артемовской ГРЭС им. С.М. Кирова, что частично решило проблему энергоснабжения новых механизмов. Были модернизированы причалы № 19 и 20, которые стали основными точками обработки тяжеловесных грузов. Внедрение централизованного водопровода позволило обеспечивать пресной водой суда на всех причалах 1-го и 2-го районов без использования водоналивных барж. Механические мастерские порта производили комплектующие для оборудования, включая звенья конвейеров и специализированные приспособления. На углебазе мыса Клет установили стационарный транспортер, интегрированный с железнодорожной веткой для одновременной разгрузки 20 вагонов. Также были разработаны однокатные рейфтеры для эффективной выгрузки зерна (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 4. Д. 82. Л. 53–53об.).

В целом, согласно отчетным документам, в 1939–1940 гг. на капитальное строительство и ремонт Владивостокского торгового порта было израсходовано 13,1 млн руб., а его грузооборот составил более 3 млн т, включая 2,2 млн т внутри региона и 751,7 тыс. т импорта (66,9% всего грузооборота Тихоокеанского бассейна) (ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 35а. Л. 2).

Таким образом, в предвоенный период (1937–1940 гг.) Владивостокский морской торговый порт, будучи стратегически важным элементом транспортной системы Дальнего Востока СССР, столкнулся с комплексом системных проблем, которые существенно ограничивали его эффектив-

ность. К концу 1930-х гг. статус Владивостокского порта как ключевого элемента региональной логистики начал снижаться. Следует подчеркнуть, что в эти годы вся транспортная система Дальнего Востока СССР, включая порт, сохраняла приоритетность задач, связанных с укреплением обороноспособности и безопасности региона. Параллельно требовалось обеспечивать бесперебойное снабжение промышленными и продовольственными ресурсами, что создавало дополнительную нагрузку на инфраструктуру. Морские маршруты обеспечивали доставку продовольствия и товаров первой необходимости в населенные пункты Приморья, Охотского побережья и Северного Сахалина. Одновременно суда вывозили с промышленных предприятий рыбу, уголь, лес и нефть, сохраняя фокус на внутрирегиональной логистике.

Владивостокский порт постепенно переставал быть катализатором развития региональной экономики – ориентация региона на экспорт и внешние рынки сменялась необходимостью формирования мощной производственной базы, направленной на усиление обороноспособности и обеспечение безопасности дальневосточных районов. Вместе с Транссибирской магистралью порт становился инфраструктурной основой расширения транспортной доступности всего Дальнего Востока, поддержания связи с основной частью страны для его окончательной экономической интеграции и завершения социалистической индустриализации. Однако в этих условиях Владивостокский торговый порт становился не ключевым субъектом экономической жизни региона, а лишь одной из составляющих региональной транспортной системы, что, безусловно, отразилось не только на объемах его производственной деятельности, но и на финансировании и «весе» в решении межведомственных противоречий.

Несмотря на возрастание значения Владивостокского порта в предвоенные годы, его инфраструктура оставалась технически отсталой и неадаптированной к динамике военно-экономических задач. Кризисные явления в транспортной системе усугублялись рядом факторов: слабой автоматизацией погрузочно-разгрузочных процессов, устойчивым дефицитом квалифицированных кадров (особенно операторов техники), а также недостатком транспортных средств, причальных мощностей, складских помещений и специализированного оборудования.

Управленческая раздробленность между ведомствами, одновременно находящимися на территории порта, порождала бюрократические конфликты и замедляла модернизацию. Существовала серьезная проблема распределения прибрежной территории: к 1940 г. причальный фронт

бухты Золотой Рог включал 60 причалов, из которых лишь 28 находились в ведении Управления торгового порта. Остальные 32 контролировались рыбопромышленными организациями Наркомата пищевой промышленности, НКВМФ, Дальстроем и другими ведомствами, что приводило к невозможности нормально организовать производственные процессы, а портовые склады превращались в долгосрочные хранилища [4, с. 144–146].

Таким образом, предвоенный период выявил противоречие между растущими требованиями к порту как к оборонному и экономическому узлу и его ограниченными возможностями. Накопленные проблемы – от технической отсталости до управленческой неэффективности – стали вызовом в годы Великой Отечественной войны, потребовавшим мобилизации ресурсов и перестройки всей логистической системы. Однако именно эти трудности подчеркнули роль Владивостокского порта как неотъемлемого элемента системы национальной безопасности, чья адаптация в экстремальных условиях предопределила его послевоенное развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудков И.А. Владивостокский морской торговый порт в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 4. С. 79–89.
2. Змерзлый Б.В., Коваль А.В. Реорганизация управления торговыми портами в СССР в 1934–1939 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 1. С. 294–306.
3. Колесниченко К.Ю., Ткачева Г.А. Межведомственное взаимодействие как фактор производственной деятельности Владивостокского торгового порта в предвоенное десятилетие // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 67–81.
4. Медведева Л.М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20–30-е гг. XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2002.
5. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток: ТОВМИ, 2005.
6. Транспорт и связь СССР: статистический сборник. М.: Статистика, 1972.
7. Филиппова А.В. Модернизация Дальнего Востока СССР накануне Великой Отечественной войны (1938–1941) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4. С. 105–108.

REFERENCES

1. Gudkov, I.A., 2024. Vladivostokskii morskoi trgovyi port v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1943–1945 gg.). [Vladivostok Commercial Seaport

during Great Patriotic War, 1943–1945], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, pp. 79–89. (in Russ.)

2. Zmerzlyi, B.V. and Koval', A.V., 2019. Reorganizatsiya upravleniya torgovymi portami v SSSR v 1934–1939 gg. [Reorganization of the commercial ports management in the USSR, 1934–1939], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, no. 1, pp. 294–306. (in Russ.)

3. Kolesnichenko, K.Yu. and Tkacheva, G.A., 2017. Mezhvedomstvennoe vzaimodeistvie kak faktor proizvodstvennoi deyatel'nosti Vladivostokskogo torgovogo porta v predvoennoe desyatiletie [Interdepartmental cooperation as a factor in the production activities of the Vladivostok Commercial Seaport in the pre-war decade], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1, pp. 67–81. (in Russ.)

4. Medvedeva, L.M., 2002. Razvitie transporta i ego rol' v osvoenii Dal'nego Vostoka SSSR (20–30-e gg.

XX v.) [The development of transport and its role in the exploration of the Soviet Far East in the 1920s and 1930s]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

5. Tkacheva, G.A., 2005. Oboronno-ekonomicheskii potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v 1941–1945 gg. [The defense and economic potential of the Soviet Far East, 1941–1945]. Vladivostok: TOVMI. (in Russ.)

6. Transport i svyaz' SSSR: statisticheskii sbornik [Transport and communications in the USSR: a statistical compendium]. Moskva: Statistika, 1972. (in Russ.)

7. Filippova, A.V., 2016. Modernizatsiya Dal'nego Vostoka SSSR nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny (1938–1941) [Modernization of the Soviet Far East on the eve of the Great Patriotic War, 1938–1941], *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 105–108. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 05.05.2025;
рекомендована к печати 26.05.2025*

УДК 94(47)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/70-78>

Н.А. Береснева*

МАКРОРЕГИОН, МЕЗОРЕГИОН ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА: ПОИСКИ «РОДНОГО КРАЯ»
В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ**

На основе анализа названий 340 учебных пособий по региональной истории, изданных в позднесоветский период, в статье предпринимается попытка охарактеризовать, как артикулировались границы «родного края» различными регионами РСФСР в зависимости от стратегии их самопрезентации. Все многообразие вариантов названий разделено автором на три группы: 1. безлично-функциональные; 2. содержащие указание на конкретную административно-территориальную единицу; 3. апеллирующие к историко-географическим категориям (уровень макро/мезорегиона). Автор констатирует, что в советский период большинство учебников по региональной истории носило названия, относящиеся к первой и второй группе, в то время как в постсоветский период, напротив, наблюдается рост числа учебных пособий, посвященных мезо- и макрорегионам.

Ключевые слова: региональная история, школьный учебник, родной край, мезорегион, макрорегион, самопрезентация региона

Macroregion, mesoregion or administrative unit? Defining «native land» in Russian regional history textbooks. NATALIYA A. BERESNEVA (HSE University, Moscow, Russia)

Based on the analysis of the titles of 340 late-Soviet regional history textbooks, this article explores how the boundaries of the «native land» were articulated by various regions of the RSFSR depending on their self-presentation strategies. The author categorizes the diverse naming approaches into three groups: 1) generic-functional titles, 2) titles referencing specific administrative-territorial units, and 3) titles appealing to historical-geographical categories (macro/mesoregional level). The study concludes that during the Soviet era most regional history textbooks fell into the first two categories, while the post-Soviet period saw a rise in textbooks focusing on meso- and macroregions.

Keywords: regional history, school textbook, native land, mesoregion, macroregion, self-presentation of a region

Включение регионального компонента в школьную программу – инициатива совсем не текущего дня. Множество примеров использования краеведческого материала в образовательном пространстве можно найти как в имперский, так и в

советский периоды. Так, уже во второй половине XIX – начале XX в. активно появляются учебники родиноведения, призванные дать сведения о «всех отраслях занятий и природе» конкретной местности (от села до губернии) и таким образом

* БЕРЕСНЕВА Наталия Александровна, младший научный сотрудник Института региональных исторических исследований факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, nberesneva@hse.ru

© Береснева Н.А., 2025

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Е.М. Болтуновой за ценные комментарии при подготовке статьи.

«развить в учащихся любовь к родине и высокий долг патриотического чувства»¹ [47, с. 3]. Пройдя разные этапы в рамках советской системы образования [27], краеведческий компонент во второй половине XX в. также становится неотъемлемой частью учебного процесса. Более того, одним из результатов претворения в жизнь политики по усилению «связи обучения с жизнью» становится масштабный проект по изданию «краеведческих пособий для учащихся по природоведению, географии и биологии, истории» [37, с. 29] во всех административно-территориальных единицах, входящих в состав РСФСР, стартовавший в 1961 г. и растянувшийся на несколько десятилетий.

При этом как в имперский, так и в советский периоды вопрос о границах «родного края» и способах повествования о нем продолжает оставаться достаточным острым, вынуждая авторские коллективы искать собственные ответы на многие вопросы. Особенно заметной эта проблема становится в 1960-е – 1980-е гг. С одной стороны, наличие официального распоряжения² и контроль его исполнения со стороны Министерства просвещения РСФСР стимулировали работу на всей территории союзной республики. С другой стороны, допускаемая даже в министерских документах свобода трактовок и отсутствие единой структуры пособия³ стимулировали вариативность в интерпретации того, какими были границы региона в том или ином случае.

Показательна в этом отношении предложенная министерством (в рамках разговора о пособиях для 4 класса) формулировка, прямо соотносящаяся с категорией «территория»: «в различных

областях, краях, АССР объем отдельных глав будет неодинаковым», «расположение материала внутри тем будет во многом зависеть от *своеобразия истории края* (курсив мой. – Прим. авт.) и наличия конкретного материала» [38, с. 23].

Главными в этой связи будут вопросы о том, насколько в позднесоветский период понятие «родного края» оказывалось увязанным с административно-территориальным делением страны или, напротив, требовало перехода на уровень мезорегиона⁴ или макрорегиона, какие стратегии использовали разные территории РСФСР и какие нарративы были разработаны и/или актуализированы для реализации установки на соответствующее видение территории.

Поиск ответов на указанные вопросы в рамках нашего исследования потребовал привлечения значительной по объему выборки источников. Результатом работы стало создание базы учебных пособий по региональной истории, которая содержит публикации, увидевшие свет во всех административно-территориальных образованиях РСФСР (республиках, краях, областях)⁵. Сформированная база учебных пособий включает в себя книги, опубликованные в период с 1960-х гг. по 1991 г., и содержит сведения о школьных учебных пособиях для всех возрастных групп; общее количество найденных учебных пособий составляет на данный момент 340 (без учета пособий по истории Московской и Ленинградской областей, которые сознательно не были включены в общую базу, поскольку представляют собой отдельный случай в связи с особым (столичным) статусом своих центральных городов). В указанной базе присутствует известная вариативность, вызванная в т.ч. и реформами в сфере образования: так, ряд книг для 4 класса, в соответствии с предписаниями из приказа 1962 г., объединяет два раздела – природу и историю, учебные пособия для старших классов могут ориентироваться на разные возрастные группы – 7–8 классы, 7–10 классы, 9–10 классы и т.д. Вместе с тем отобранные издания представляют собой один тип источника – учебное пособие по региональной истории, призванное дополнить сведения, получаемые школьниками в рамках основного курса истории.

Очевидно, что для авторских коллективов, работавших над созданием региональных учебных

¹ Эти же функции пособия по истории родного края должны будут выполнять как в советский период, так и в настоящее время. В приказе Министерства просвещения РСФСР 1962 г. читаем: «Краеведческое пособие для учащихся призвано ... воспитывать у школьников любовь к родному краю. ... Местный исторический материал не должен приобретать самоудовлетворяющего значения, не должен подменять изучение общеисторических событий, важных для понимания хода исторического процесса ... Материал пособия должен помогать учителю правильно сочетать общеисторические данные с местными» [38, с. 25]. Сравним с риторикой участников конференции по разработке учебников по региональной истории, прошедшей в конце 2024 г. в Казани: «У каждого региона есть свои герои, своя история, но при этом “школьник в России должен быть в единой системе координат”. То есть учащиеся должны воспринимать историю Отечества в связке с региональными аспектами. ... При изучении курса истории у школьников должны сформироваться чувства патриотизма и гордости за свою страну и малую родину» [9].

² Процесс подготовки и издания краеведческих пособий был инициирован совместным приказом Министерства просвещения РСФСР и Министерства культуры РСФСР №19-М от 27.01.1961 «Об усилении краеведческой работы в школах и издании краеведческих пособий для школьников» [37].

³ В качестве ориентира в приказах 1961–1962 гг. [37; 38] предлагались примерные тематические планы.

⁴ Этот термин представляет собой попытку объединения нескольких регионов, которые, в свою очередь, не обязательно оказываются соотнесены с границами административного деления (см., напр.: [42], где авторы соотносят данный термин с такими регионами, как «Санкт-Петербург и Ленинградская область», «южные регионы России», «Урал и Западная Сибирь»).

⁵ За исключением Астраханской, Камчатской и Читинской областей, учебные пособия по истории которых не были найдены к настоящему моменту.

пособий в позднесоветский период, необходимость принятия тех или иных решений на местном уровне возникала практически сразу – при поиске подходящего названия для пособия, шире – способов презентации той или иной территории, которая, в рамках указанных текстов, всегда оказывалась шире актуальных границ конкретной административно-территориальной единицы. Это касалось не только субъектов, непосредственно образованных при советской власти (таких как Липецкая область), но и территорий, чьи границы были достаточно стабильны на протяжении последних десятилетий.

Все многообразие существующих вариантов названий⁶ можно разделить на три большие группы. К первой относятся пособия, названия которых отражают сугубо выполняемую ими функцию и не имеют каких-либо отсылок к конкретной территории: «Наш край в истории СССР», «Наш родной край», «Из истории родного края», «Родной край», «История нашего края», «Люби и изучай свой край» и др. Как кажется, подобный подход вызван не только желанием действовать строго «в соответствии с инструкциями»⁷: использование формулировки «родной край» позволяло говорить о территории во всем ее историческом единстве, не ограничиваясь рамками конкретной области/края/АССР. Однако с прагматической точки зрения это создавало путаницу. С одной стороны, в это время название «Родной край» было равным образом востребовано и для пособий по природоведению, с другой, при выходе за пределы собственно края или области и переходе на республиканский уровень оказывалось, что только по истории число изданий с указанным наименованием исчислялось десятками (в нашей базе это примерно 100 позиций). Так, в 1960-е гг. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина получила контрольные экземпляры пособий, на обложке которых указано название «Наш край в истории СССР», от Ивановской [34] и Архангельской областей [31], а также Коми АССР⁸ [30];

⁶ Здесь и далее под названиями подразумевается информация, расположенная непосредственно на обложке, а не на титульном листе или в разделе с библиографической информацией.

⁷ В приказах 1961 г. и 1962 г. [37; 38] приводимые примерные тематические планы содержат именно термин «край»: «Свой край в далеком прошлом», «Жизнь и борьба трудящихся местного края при капиталистических порядках» и т.д.

⁸ Примечательно также, что подобный подход используется не только областями, но и рядом АССР (не только Коми АССР). Несмотря на то, что на титульных листах подобных пособий мы можем вычленить «административно-территориальную привязку» («Утверждено Министерством просвещения Коми АССР», «Учебное пособие для школ Карельской АССР»), термин «наш край» в тексте будет использоваться чрезвычайно активно.

при этом в случае Ивановской области параллельно в это же время выходят пособия «Наш родной край» [36] и «Люби и изучай свой край» [26], которые являются не обновленными версиями первого текста, а самостоятельными изданиями для 9–11 и 4 класса соответственно.

Неудивительно, что при переиздании титульные листы подобных пособий корректировались, отсылая к «территориальному компоненту»: так, титульный лист нового учебного пособия «Наш край в истории СССР»⁹ по истории Ивановской области уточняет, что это «учебное пособие по краеведению для учащихся 7–10 классов Ивановской области» [35]; такая же информация появляется и в случае с пособием архангелогородцев [32]. Другие территории, очевидно, ориентируясь на опыт Ивановской области, первой опубликовавшей пособие с указанным названием, или действуя в схожей логике, изначально вырабатывают свой, в большей степени территориально ориентированный вариант: так, Вологодская область добавляет соответствующую информацию на титульный лист (оставляя на обложке лишь название «Наш край в истории СССР») [39], а Бурятская АССР выпускает издание под названием «Бурятия в истории СССР» [7].

Последний заголовок является одним из примеров, составляющих вторую группу, где названия содержат указание на конкретную территориальную единицу – как «полное официальное наименование» (Воронежская область, Татарская АССР, Ставропольский край и др.), так и различные вариации – Курский край, Башкирия, Бурятия и др. Разнообразие в рамках второй группы также отражает процесс поиска наиболее удачной стратегии презентации территории. Значимую часть в ней продолжают составлять учебные пособия, использующие слово «край» вместо слова «область»: мы можем увидеть книги по истории Ярославского края, Тульского края, Белгородского края и др. В других случаях поиск подходящего языка ведет к выбору названий, которые были призваны вызывать различные ассоциации с «древностью»: Брянщина, Волгоградская земля, Пензенская земля, Новгородская земля, Самарский край (вместо Куйбышевской области).

Примечательно, что названия в рамках «одной линейки» (группы текстов, которые позиционируются как переиздания конкретного пособия) вполне могли меняться как в одну, так и в другую сторону. Например, учебное пособие «История

⁹ В данном случае новое пособие формально не связано с пособием 1962 г. [34] (позиционируется как отдельная книга), однако очевидно, что, заимствуя старое название, редакционная коллегия новой книги (состоящая на 2/3 из членов коллегии издания 1962 г.) сознательно решает добавить территориальный компонент.

Воронежской области» [10] во втором издании получает название «История нашего края» [11] и даже меняет собственный «статус» – становится книгой для «широкого круга читателей», которая «может быть использована учащимися средней школы при изучении истории родного края». Вместе с тем первое издание пособия Тамбовской области «История родного края» [13] превратится при переиздании в «Историю Тамбовской области» [17]. Представленные примеры – лишь часть вариаций, которые мы можем увидеть на уровне обложки. Вместе с тем сопутствующие изменениям в тексте «визуальные корректировки» требуют отдельного осмысления.

К третьей группе относятся случаи, которые можно назвать уникальными, а именно тексты, в названии которых можно обнаружить выход на мезо- или макроуровень посредством апелляции к историко-географическим категориям – Кузбасс, Урал (включая Южный Урал и Средний Урал), Донской край, Прикамье. Примечательным здесь оказывается «уральский случай», где наряду с пособиями по истории «родного края» (конкретных областей) сосуществуют пособия по истории макро/мезорегиона (позиционируемые таковыми через название). Эту группу можно назвать наиболее устойчивой: безвозвратно изменяется название лишь одного пособия – «Из истории Южного Урала» [2] превратится в пособие «История родного края» (для учащихся Челябинской области) [3]. Однако эта группа изданий оказывается одновременно и самой немногочисленной – всего 13 позиций, включая переиздания (14 – с учетом информации, представленной не только на обложке, но и на титульном листе¹⁰). Совершенно очевидно, что возможность выхода за пределы привычного административно-территориального деления базируется на особом статусе территорий, который они сами ощущают. С одной стороны, речь идет об индустриальных центрах (Кузбасс, Урал и Прикамье¹¹) – территориях со «славным

революционным прошлым» и активно развивающейся промышленностью; с другой – о территории проживания особой этносословной группы (Донской край). Неудивительно, что в настоящее время мы можем увидеть отдельные школьные учебные пособия по истории казачества как один из способов рассказать о той или иной территории: так, в 2015 г. были опубликованы две книги «Казачество в истории Ставрополья» для 6–7 и 8–9 классов соответственно [19; 20].

Важно отметить, что номенклатура, отраженная в названии учебного пособия, могла корректироваться или меняться собственно в его тексте. В качестве примера здесь можно привести издания, рекомендованные для школ Архангельской области. За стандартным названием «Наш край в истории СССР» скрывается не просто учебное пособие, посвященное Архангельскому краю: авторы видят его намного шире и во введении апеллируют к разному «родному краю» – истории «Севера» (1-е издание [31]), «Беломорского Севера», «Севера» и «Архангельской области» (2-е издание [32]), «Беломорью», «Северу» и «Архангельской области» (3-е издание [33]). Хотя важнейшие даты в хронологической таблице в конце пособий связаны в основном с историей Архангельска/Архангельской области, совершенно очевидно, что авторы представляют «свой край» и Север как синонимичные понятия: в названиях глав используются лишь два этих термина. Однако примечательно, что термин «Север» так и не появится на обложке/титульном листе пособий (в отличие от приведенных ранее примеров): они остаются посвящены сугубо «родному краю» в лице Архангельской области, что подчеркнуто также визуальным оформлением обложки – схематическим обозначением границ области и города на карте РСФСР.

С другой стороны, авторы пособия для школьников Оренбургской области, опубликовавшие текст под «безличным» заголовком «История родного края» [12], свободно используют все определения, данные территории в разные исторические периоды. Во введении, где кратко рассказывается о содержании книги, родной край предстает не только в качестве Оренбургского края, но и Оренбургской губернии, Оренбуржья и Оренбургской области. В наименовании глав сохраняется та же логика: рассказ о «нашем крае в древности» сменяется на повествование об Оренбургской губернии, Оренбуржье, нашем крае, а затем – нашей области.

Попытки определения территории, о которой пойдет речь, характерны не только для пособий с «общими названиями» («Наш край в истории СССР», «История родного края»), как это было в случае с Архангельской и Оренбургской областями:

¹⁰ В первом издании [23] на обложке учебного пособия по истории Среднего Урала указано только название «История родного края», «географическая привязка» помещена на титульный лист («Книга по истории Среднего Урала для 7–8 классов средней школы»); во втором издании [24] данная информация будет вынесена на обложку.

¹¹ Несмотря на то, что в данном случае используется топоним, не отсылающий прямо к Уралу, совершенно очевидно, что авторы рассматривают историю региона как непосредственно с ним связанную. Например, в аннотации к учебному пособию для 9–10 классов уточняется, что «В ней [книге] нашли отражение важнейшие этапы борьбы рабочего класса Урала за победу революции, за торжество идей социализма» [43]. В ранее вышедшей книге для 7–8 классов хронологические рамки истории Прикамья описываются следующим образом: «Она охватывает огромный период – от тех времен, когда по берегам Камы и Чусовой бродили первобытные охотники на мамонтов, и до конца XIX века, когда на старинных уральских заводах поднялась волна рабочего движения, созданы были социал-демократические организации» [21, с. 5].

авторские предисловия мы можем увидеть как в пособиях, где в названии приводится официальное наименование конкретной территории («История Сахалинской области» [14], «История Новосибирской области» [28]), так и в пособиях, посвященных истории Кузбасса или Урала. Если в случае Сахалина и Новосибирской области [14; 28] речь будет идти о предоставлении дополнительной географической/статистической информации (о расположении региона, его площади и численности населения), то в случае Урала и Кузбасса речь идет о предоставлении «оснований» для использования соответствующей терминологии. Первый абзац предисловия «Истории Кузбасса» сразу сообщает читателям: «Наш край называется Кузнецким бассейном – Кузбассом. Так предложил его назвать по имени первого города нашего края – Кузнецка русский геолог и историк Петр Александрович Чихачев» [22, с. 3]. В аннотации пособия «История Урала» читаем: «Эта книга рассказывает об исторических событиях на Урале как территории, включающей Вятскую, Оренбургскую, Пермскую губернии. Данные, события, факты с 1923 г. приводятся по Уральской области. После разделения Уральской области в 1934 г. на Свердловскую и Челябинскую речь идет об истории Среднего Урала, или нынешней Свердловской области» [18].

Очевидно, что в советский период, несмотря на ощущаемую авторами учебных пособий по региональной истории необходимость выхода за границы конкретной административно-территориальной единицы, на подобный шаг на уровне названия могли решиться единицы. В подавляющем большинстве случаев было принято решение об использовании либо сугубо «функционального названия» («родной край», который может быть любой территорией в пределах РСФСР), либо названия, прямо связанного с конкретной административно-территориальной единицей. Проявить «особость» на уровне позиционирования региона смогли авторы, представляющие «опорный край державы» (Урал, Прикамье), Кемеровскую область с ее главным «козырем» – Кузнецким угольным бассейном (Кузбассом), а также Донской край.

«Распад СССР и произошедшие в жизни страны перемены в одночасье сделали устаревшими большую часть учебников истории» [8, с. 7] – не только основных, но и посвященных региональной истории. Речь идет не только об изменении оценки тех или иных исторических событий в учебниках/учебных пособиях, опубликованных в 1990-е гг. и позднее, но и о границах того, что считается допустимым. Не случайно именно в это время появляется все больше пособий, посвященных истории макрорегионов и мезорегионов. Так, уже в конце 1990-х гг. мы можем увидеть учебные пособия по истории Урала, Сибири, Дальнего Востока, Прикамья, Приенисейского края,

Кубани и др., в XXI в. к ним добавятся пособия по истории Западной России, Слобожанщины и др. Особый интерес здесь представляет не только содержание учебников как таковое, но и вопрос разделения символического капитала. В случае с Уралом в 1990-е гг. Екатеринбург продолжает удерживать пальму первенства, презентуя нарратив о макрорегионе; за Челябинской областью, как и прежде, остается история Южного Урала. При попытке выпуска собственной истории Урала в Челябинской области авторы отдельно оговаривают во введении: «Наша книга посвящена основным событиям и процессам истории Большого Урала, но, адресуя ее школьникам, живущим на Южном Урале, мы прежде всего, конечно, стремились к тому, чтобы история нашего, южно-уральского, края получила в ней полновесное освещение. Это особенно важно потому, что в обобщающих трудах, а также в учебных пособиях по истории Урала ... нашему региону не везло» [1, с. 6–7]. Не имея возможности конкурировать за право «говорить об Урале» с Екатеринбургом, который продолжит активно выпускать соответствующие учебные пособия и в XXI в., Челябинская область продолжит отстаивать свое право на «большой» нарратив и борьбу с фактическим центром Урала (Уральского федерального округа), презентуя нарратив о Южном Урале. Соответствующие учебные пособия всегда будут ориентированы на школьников Челябинской области: остальные административно-территориальные единицы, входящие в Южный Урал, – Республика Башкортостан и Оренбургская область – в них совершенно не нуждаются, выпуская собственные пособия как в советский, так и в постсоветский периоды.

Если говорить о Сибири и Дальнем Востоке, то в 1990-е гг. здесь также можно отметить попытку закрепления символического капитала за «столицами» – Новосибирском и Хабаровском; примечательно, что даже при потере в 2018 г. статуса столицы Дальневосточного федерального округа последний продолжит претендовать на право издания пособий по истории макрорегиона – Дальнего Востока – и выпустит линейку соответствующих учебных пособий [44; 45; 46], в то время как во Владивостоке (новой столице) будет подготовлено пособие «Мой Приморский край» [29] (подробнее о ситуации на Дальнем Востоке см.: [5]).

Кроме того, в названиях начинают использоваться термины, которые в советский период оказывались помещены непосредственно в текст пособий (но так и не попали на обложку). Так, после распада СССР выходит целый ряд пособий, посвященных истории Смоленщины: «История Смоленщины» [15; 16], «История и культура Смоленщины с древнейших времен до конца XVIII в.» [25], «История Смоленщины XIX–XX вв.» [6] и др. В последние годы на смену пособиям по истории Саратовского края пришли издания по истории Сара-

товского Поволжья – «Рассказы по истории Саратовского Поволжья» [40], «Саратовское Поволжье в XVI–XVII вв.» [41] и др. Названия без «географической» привязки по-прежнему будут встречаться, но их количество существенно сокращается: на смену практически безличному «Наш край в истории СССР» [34], первому известному нам пособию, опубликованному в период с 1960-х гг. по 1991 г., приходит опубликованная в 2007 г. книга «Ивановский край в истории Отечества» [4].

Приведенные выше примеры показывают существо той проблемы, с которой сталкивались авторы учебных пособий по региональной истории как в советский, так и в постсоветский периоды: необходимость создания книги для учащихся конкретной административно-территориальной единицы постоянно вступала в противоречие с подвижностью границ региона (в т.ч. ментальных) в длительной хронологической ретроспективе. В советский период «безличные» названия («Наш край в истории СССР», «Люби и изучай свой край» и т.п.) составили примерно 30% от общего числа названий такого рода учебных пособий¹², т.к. позволяли решить эту проблему на первичном уровне, а термин «край» в целом воспринимался как наиболее практичный. Вместе с тем попытки представить историю мезо-/макрорегиона были исключением из правил и осуществлялись территориями, воспринимающими себя как «особые». В постсоветский период количество подобных пособий становится значительно больше, а границы допустимого – шире: теперь мезо-/макрорегионы рассматриваются как рабочий способ преодоления конфликтов и презентации конкретной территории в ее историческом единстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. История Урала. XI–XVIII в.: учебное пособие для учащихся старших классов муниципальных общеобразовательных учреждений, лицеев, гимназий. Челябинск, 2000.
2. Александров А.И. Из истории Южного Урала. Учебное пособие по истории родного края для учащихся 7–10 классов общеобразовательной школы. Челябинск, 1967.
3. Александров А.И. История родного края. Учебное пособие по историческому краеведению для учащихся 7–10 классов школ Челябинской области. Челябинск, 1978.

¹² Вместе с тем еще около 13% от общего количества составляют пособия из второй группы, где официально принятое слово «область» в названии конкретной административно-территориальной единицы заменено словом «край»: Ярославский край, Костромской край, Пензенский край и т.д.

4. Балдин К.Е., Барвенко В.Г., Иванов Г.В. Ивановский край в истории Отечества. Учебное пособие по историческому краеведению для учащихся 9 класса. Иваново, 2007.

5. Береснева Н.А. Короткая история, «неидеальные деловые люди» и борьба за символический капитал: Дальний Восток на страницах региональных учебных пособий // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 1. С. 85–96.

6. Будаев Д.И., Ильяхов А.А. История Смоленщины XIX–XX вв. 9–10 класс: учебник по истории родного края. Смоленск, 2011.

7. Бурятия в истории СССР. Пособие для учащихся 7–8 классов. Улан-Удэ, 1965.

8. Гагкуев Р.Г. Учебники истории. Взгляд через Федеральный перечень учебников // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сборник статей. Вып. 4. М.; СПб., 2021. С. 7–33.

9. Гордеева Н. «Изучение истории России полностью приведено к единообразию». В Казани прошла конференция по разработке учебников региональной истории // Рекламная служба «Татар-информ». URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/net-istorii-regiona-otdelnoi-ot-istorii-strany-i-mira-596752>

10. Загоровский В.П., Олейник Ф.С., Шуляковский Е.Г. История Воронежской области. Учебное пособие для средней школы. Воронеж, 1964.

11. Загоровский В.П., Олейник Ф.С., Шуляковский Е.Г. История нашего края. Воронеж, 1968.

12. История родного края. Учебное пособие для 7–10-х классов средних школ Оренбургской области. Челябинск, 1976.

13. История родного края. Учебное пособие для учащихся 7–10-х классов Тамбовской области. Тамбов, 1967.

14. История Сахалинской области. Учебное пособие по краеведению для учащихся VII–VIII классов. Южно-Сахалинск, 1963.

15. История Смоленщины. Ч. 1. Учебное пособие для учащихся восьмых классов школ Смоленской области. Смоленск, 1994.

16. История Смоленщины. Ч. 2. Учебное пособие для учащихся девятых классов школ Смоленской области. Смоленск, 1995.

17. История Тамбовской области. Воронеж, 1971.

18. История Урала. В помощь учащимся 9 и 10 классов средней школы. Свердловск, 1975.

19. Казачество в истории Ставрополя: учебное пособие для учащихся 6–7 классов. М., 2015.

20. Казачество в истории Ставрополя: учебное пособие для учащихся 8–9 классов. М., 2015.

21. Капцугович И.С. Книга для чтения по истории Прикамья (с древнейших времен до конца

XIX в.): для 7–8 классов средней школы. Пермь, 1984.

22. Коцюба Д.В. История Кузбасса. Краеведческое пособие по истории СССР для учащихся 7–8 классов Кемеровской области. Кемерово, 1963.

23. Кулагина Г.А. История родного края. Книга по истории Среднего Урала для 7–8 классов средней школы. Свердловск, 1976.

24. Кулагина Г.А. История родного края. Книга по истории Среднего Урала для 7–8 классов средней школы. Свердловск, 1983.

25. Ластовский Г.А. История и культура Смоленщины с древнейших времен до конца XVIII в. Учебное пособие для школ Смоленской области. Смоленск, 1997.

26. Люби и изучай свой край. Учебное пособие по истории и природоведению для учащихся четвертого класса. Ярославль, 1965.

27. Любичанковский С.В. Эволюция места исторического краеведения в советской школе // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 1. С. 64–70.

28. Миненко Н.А. История Новосибирской области. Новосибирск, 1975.

29. Мой Приморский край. Страницы истории. Основное общее образование: учебное пособие: в 2-х ч. М., 2021.

30. Наш край в истории СССР. Учебное пособие для учащихся VII–VIII классов. Сыктывкар, 1964.

31. Наш край в истории СССР. Учебное пособие по краеведению для 7–10 классов. Архангельск, 1968.

32. Наш край в истории СССР. Учебное пособие по краеведению для 7–10 классов. Архангельск, 1974.

33. Наш край в истории СССР. Учебное пособие по краеведению для 7–10 классов. Архангельск, 1979.

34. Наш край в истории СССР. Учебное пособие по краеведению для учащихся 7–8 классов. Иваново, 1962.

35. Наш край в истории СССР. Учебное пособие по краеведению для учащихся 7–10 классов Ивановской области. Ярославль, 1971.

36. Наш родной край. Учебное пособие по историческому краеведению для учащихся 9–11 классов. Иваново, 1963.

37. Об усилении краеведческой работы в школах и издании краеведческих пособий для школьников // Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. 1961. Вып. 8. С. 27–31.

38. О работе по созданию краеведческих пособий // Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. 1962. Вып. 42. С. 21–26.

39. Осьминский Т.И. Наш край в истории СССР. Учебное пособие для учащихся восьмилетней и средней школ Вологодской области. Вологда, 1965.

40. Петрович В.Г. Рассказы по истории Саратовского Поволжья. Учебное пособие для учащихся 4–5-х классов общеобразовательных организаций Саратовской области. Саратов, 2018.

41. Петрович В.Г. Саратовское Поволжье в XVI–XVII вв. Учебно-методическое пособие для учащихся 7 классов общеобразовательных организаций Саратовской области. Саратов, 2020.

42. Политика памяти в России – региональное измерение / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой и Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2023.

43. Прикамье, век XX. Наш край с 1900 по 1985 г. Учебное пособие для учащихся 9–10-х классов средней школы. Пермь, 1987.

44. Стрелова О.Ю. История Дальнего Востока России в Новое время (XVII–XVIII вв.): учебное пособие для 7–8 классов общеобразовательных организаций. М., 2022.

45. Стрелова О.Ю., Романова М.И. История Дальнего Востока России в древности и Средневековье: учебное пособие для 5–6 классов общеобразовательных организаций. М., 2021.

46. Стрелова О.Ю., Романова М.И., Перфильева А.С. История Дальнего Востока России в Новое время (1801–1914 гг.): учебное пособие для 9 класса общеобразовательных организаций. М., 2023.

47. Чернышев С.С. Родиноведение. Краткий обзор географии Калужской губернии. Пособие для учеников четырехклассных, двухклассных и одноклассных училищ и церковно-приходских школ с приложением карты Калужской губернии. М., 1909.

REFERENCES

1. Alevras, N.N. and Konyuchenko, A.I., 2000. Istoriya Urala. XI–XVIII v.: uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya starshikh klassov munitsipal'nykh obshheobrazovatel'nykh uchrezhdenii, litseev, gimnazii [History of Ural. XI–XVIII century: a textbook for senior students]. Chelyabinsk. (in Russ.)
2. Aleksandrov, A.I., 1967. Iz istorii Yuzhnogo Urala. Uchebnoe posobie po istorii rodnogo kraia dlya uchashchikhsya 7–10 klassov obshheobrazovatel'noi shkoly [From the history of Southern Ural: a textbook for grades 7–10]. Chelyabinsk. (in Russ.)
3. Aleksandrov, A.I., 1978. Istoriya rodnogo kraia. Uchebnoe posobie po istoricheskomu kraevedeniyu dlya uchashchikhsya 7–10 klassov shkol Chelyabinskoi oblasti [History of native land: a textbook for grades 7–10]. Chelyabinsk. (in Russ.)
4. Baldin, K.E., Barvenko, V.G., and Ivanov, G.V., 2007. Ivanovskii krai v istorii Otechestva. Uchebnoe

posobie po istoricheskomu kraevedeniyu dlya uchashchikhsya 9 klassa [Ivanovo region in the history of Russia: a textbook for grade 9]. Ivanovo. (in Russ.)

5. Beresneva, N.A., 2024. Korotkaya istoriya, «neidealnye delovye lyudi» i bor'ba za simvolicheskii kapital: Dal'nii Vostok na stranitsakh regional'nykh uchebnykh posobii [«Short history», «imperfect business people» and the fight for symbolic capital: presentation of the Russian Far East in regional textbooks], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, pp. 85–96. (in Russ.)

6. Budaev, D.I. and Il'yukhov, A.A., 2011. Istoriya Smolenshchiny XIX–XX vv. 9–10 klass: uchebnik po istorii rodnogo kraia [History of the Smolensk region in the XIXth and XXth century: a textbook for grades 9–10]. Smolensk. (in Russ.)

7. Buryatiya v istorii SSSR. Posobie dlya uchashchikhsya 7–8 klassov [Buryatiya in the history of the USSR: a textbook for grades 7–8]. Ulan-Ude, 1965. (in Russ.)

8. Gagkuev, R.G., 2021. Uchebniki istorii. Vzglyad cherez Federal'nyi perechen' uchebnikov [History textbooks: a look through the federal list]. In: *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom: sbornik statei*. Vyp. 4. Moskva; Sankt-Peterburg, 2021, pp. 7–33. (in Russ.)

9. Gordeeva, N. «Izuchenie istorii Rossii polnost'yu privedeno k edinoobraziyu». V Kazani proshla konferentsiya po razrabotke uchebnikov regional'noi istorii [«The study of Russian history has been brought to uniformity». A conference dedicated to the textbooks on regional history was held in Kazan]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/net-istorii-regiona-otdelnoi-ot-istorii-strany-i-mira-596752> (in Russ.)

10. Zagorovskii, V.P., Oleinik, F.S., and Shulyakovskii, E.G., 1964. Istoriya Voronezhskoi oblasti. Uchebnoe posobie dlya srednei shkoly [History of Voronezh Oblast: a textbook for secondary school]. Voronezh. (in Russ.)

11. Zagorovskii, V.P., Oleinik, F.S., and Shulyakovskii, E.G., 1968. Istoriya nashego kraia [History of our region]. Voronezh. (in Russ.)

12. Istoriya rodnogo kraia. Uchebnoe posobie dlya 7–10-kh klassov srednikh shkol Orenburgskoi oblasti [History of native land: a textbook for grades 7–10 of Orenburg Oblast schools]. Chelyabinsk, 1976. (in Russ.)

13. Istoriya rodnogo kraia. Uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya 7–10-kh klassov Tambovskoi oblasti [History of native land: a textbook for grades 7–10 of Tambov Oblast schools]. Tambov, 1967. (in Russ.)

14. Istoriya Sahalinskoi oblasti: uchebnoe posobie po kraevedeniyu dlya uchashchikhsya 7–8 klassov [History of Sakhalin Oblast: a textbook for grades 7–8]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1963. (in Russ.)

15. Istoriya Smolenshchiny. Ch. 1. Uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya vosmykh klassov shkol Smolenskoii oblasti [History of the Smolensk region.

Part 1: a textbook for grade 8 of Smolensk Oblast schools]. Smolensk, 1994. (in Russ.)

16. Istoriya Smolenshchiny. Ch. 2. Uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya devyatykh klassov shkol Smolenskoii oblasti [History of the Smolensk region. Part 2: a textbook for grade 9 of Smolensk Oblast schools]. Smolensk, 1995. (in Russ.)

17. Istoriya Tambovskoi oblasti [History of Tambov Oblast]. Voronezh, 1971. (in Russ.)

18. Istoriya Urala. V pomoshch' uchashchimsya 9 i 10 klassov srednei shkoly [History of Ural: a textbook for grades 9–10]. Sverdlovsk, 1975. (in Russ.)

19. Kazachestvo v istorii Stavropol'ya: uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya 6–7 klassov [Cossacks in the history of Stavropol'ye: a textbook for grades 6–7]. Moskva, 2015. (in Russ.)

20. Kazachestvo v istorii Stavropol'ya: uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya 8–9 klassov [Cossacks in the history of Stavropol'ye: a textbook for grades 8–9]. Moskva, 2015. (in Russ.)

21. Kapsugovich, I.S., 1984. Kniga dlya chteniya po istorii Prikam'ya (s drevneishikh vremen do kontsa XIX v.): dlya 7–8 klassov srednei shkoly [A textbook on the history of the Kama region (from ancient times to the end of the XIXth century): for grades 7–8]. Perm. (in Russ.)

22. Kotsyuba, D.V., 1963. Istoriya Kuzbassa. Kraevedcheskoe posobie po istorii SSSR dlya uchashchikhsya 7–8 klassov Kemerovskoi oblasti [History of Kuzbass: a textbook for grades 7–8 of Kemerovo Oblast schools]. Kemerovo. (in Russ.)

23. Kulagina, G.A., 1976. Istoriya rodnogo kraia. Kniga po istorii Srednego Urala dlya 7–8 klassov srednei shkoly [History of native land: a book on the history of the Middle Ural for grades 7–8]. Sverdlovsk. (in Russ.)

24. Kulagina, G.A., 1983. Istoriya rodnogo kraia. Kniga po istorii Srednego Urala dlya 7–8 klassov srednei shkoly [History of native land: a book on the history of the Middle Ural for grades 7–8]. Sverdlovsk. (in Russ.)

25. Lastovskii, G.A., 1997. Istoriya i kul'tura Smolenshchiny s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. Uchebnoe posobie dlya shkol Smolenskoii oblasti [History and culture of the Smolensk region from ancient times to the end of the XVIIIth century: a textbook for Smolensk Oblast schools]. Smolensk. (in Russ.)

26. Lyubi i izuchai svoi krai. Uchebnoe posobie po istorii i prirodovedeniyu dlya uchashchikhsya chetvertogo klassa [Love and study your region: a textbook for grade 4]. Yaroslavl, 1965. (in Russ.)

27. Lyubichankovskii, S.V., 2020. Evolyutsiya mesta istoricheskogo kraevedeniya v sovetskoi shkole [The evolution of the place of local history in the soviet school curriculum], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istorieskie nauki*, Vol. 2, no. 1, pp. 64–70. (in Russ.)

28. Minenko, N.A., 1975. Istoriya Novosibirskoi oblasti [History of Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk. (in Russ.)

29. *Moi Primorskii krai. Stranitsy istorii. Osnovnoe obshchee obrazovanie: uchebnoe posobie: v 2-kh ch.* [My Primorsky Krai. Pages of history. A textbook for schools: in 2 parts]. Moskva, 2021. (in Russ.)

30. *Nash krai v istorii SSSR. Uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya VII–VIII klassov* [Our region in the history of the USSR: a textbook for grades 7–8]. Syktyvkar, 1964. (in Russ.)

31. *Nash krai v istorii SSSR. Uchebnoe posobie po kraevedeniyu dlya 7–10 klassov* [Our region in the history of the USSR: a textbook for grades 7–10]. Arkhangelsk, 1968. (in Russ.)

32. *Nash krai v istorii SSSR. Uchebnoe posobie po kraevedeniyu dlya 7–10 klassov* [Our region in the history of the USSR: a textbook for grades 7–10]. Arkhangelsk, 1974. (in Russ.)

33. *Nash krai v istorii SSSR. Uchebnoe posobie po kraevedeniyu dlya 7–10 klassov* [Our region in the history of the USSR: a textbook for grades 7–10]. Arkhangelsk, 1979. (in Russ.)

34. *Nash krai v istorii SSSR. Uchebnoe posobie po kraevedeniyu dlya uchashchikhsya 7–8 klassov* [Our region in the history of the USSR: a textbook for grades 7–8]. Ivanovo, 1962. (in Russ.)

35. *Nash krai v istorii SSSR. Uchebnoe posobie po kraevedeniyu dlya uchashchikhsya 7–10 klassov Ivanovskoi oblasti* [Our region in the history of the USSR: a textbook for grades 7–10 of Ivanovo Oblast schools]. Yaroslavl, 1971. (in Russ.)

36. *Nash rodnoi krai. Uchebnoe posobie po istoricheskomu kraevedeniyu dlya uchashchikhsya 9–11 klassov* [Our native land: a textbook for grades 9–11]. Ivanovo, 1963. (in Russ.)

37. *Ob usilenii kraevedcheskoi raboty v shkolakh i izdanii kraevedcheskikh posobii dlya shkol'nikov* [On strengthening local history approach in schools and publication of school textbooks on local history]. In: *Sbornik prikazov i instruktsii Ministerstva prosveshcheniya RSFSR*. Vyp. 8. Moskva, 1961, pp. 27–31. (in Russ.)

38. *O rabote po sozdaniyu kraevedcheskikh posobii* [On the work on preparing local history textbooks for schools]. In: *Sbornik prikazov i instruktsii Ministerstva prosveshcheniya RSFSR*. Vyp. 42. Moskva, 1962, pp. 21–26. (in Russ.)

39. *Os'minskii, T.I., 1965. Nash krai v istorii SSSR. Uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya vos'miletnei i srednei shkol Vologodskoi oblasti* [Our region in the history of the USSR: a textbook for Vologda Oblast schools]. Vologda. (in Russ.)

40. *Petrovich, V.G., 2018. Rasskazy po istorii Saratovskogo Povolzh'ya. Uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya 4–5-kh klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii Saratovskoi oblasti* [Stories on the history of the Saratov Volga region: a textbook for grades 4–5 of Saratov Oblast schools]. Saratov. (in Russ.)

41. *Petrovich, V.G., 2020. Saratovskoe Povolzh'e v XVI–XVII vv. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya uchashchikhsya 7 klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii Saratovskoi oblasti* [Saratov Volga region in the XVIth and XVIIth century: a textbook for grade 7 of Saratov Oblast schools]. Saratov. (in Russ.)

42. *Miller, A.I., Malinova, O.Yu. and Efremenko, D.V. eds., 2023. Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie* [The politics of memory in Russia: regional dimension]. Moskva: INION. (in Russ.)

43. *Prikam'e, vek XX. Nash krai s 1900 po 1985 g. Uchebnoe posobie dlya uchashchikhsya 9–10-kh klassov srednei shkoly* [Kama region, XXth century. Our region from 1900 to 1985: a textbook for grades 9–10]. Perm, 1987. (in Russ.)

44. *Strelova, O.Yu., 2022. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii v Novoe vremya (XVII–XVIII vv.): uchebnoe posobie dlya 7–8 klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii* [History of the Russian Far East in XVIIth – XVIIIth centuries: a textbook for grades 7–8]. Moskva. (in Russ.)

45. *Strelova, O.Yu. and Romanova, M.I., 2021. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii v drevnosti i Srednevekov'e: uchebnoe posobie dlya 5–6 klassov obshcheobrazovatel'nykh organizatsii* [History of the Russian Far East in antiquity and the Middle Ages: a textbook for grades 5–6]. Moskva. (in Russ.)

46. *Strelova, O.Yu., Romanova, M.I. and Perfil'eva, A.S., 2023. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii v Novoe vremya (1801–1914): uchebnoe posobie dlya 9 klassa obshcheobrazovatel'nykh organizatsii* [Modern history of the Russian Far East, 1801–1914: a textbook for grade 9]. Moskva. (in Russ.)

47. *Chernyshev, S.S., 1909. Rodinovedenie. Kratkii obzor geografii Kaluzhskoi gubernii. Posobie dlya uchениkov chetyrekhklassnykh, dvukhklassnykh i odnoklassnykh uchilishch i cerkovno-prihodskikh shkol* [Studying of the motherland. A brief overview of Kaluga Governorate. A study guide for students of four-grade, two-grade and one-grade schools and parochial schools]. Moskva. (in Russ.)

*Статья поступила в редакцию 18.05.2025;
рекомендована к печати 30.05.2025*

УДК 947.088(571.6)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/79-87>

А.С. Ващук*

ПРОГРАММЫ И ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI вв. СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ. Рец.: Савченко А.Е. и др. Потенциальный Дальний Восток.

*Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России.**М.: Common Place, 2024.*

В рецензии рассматривается коллективная монография, посвященная анализу проектов развития Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI вв. Рецензируемая книга оценивается в контексте существующей историографии «поворота России на Восток». Рецензент выделяет ее сильные стороны, такие как использование социально-антропологического подхода, глубокий анализ отдельных кейсов, например, СЭЗ «Находка», и спорные моменты, включая избыточное увлечение авторов зарубежной теорией и терминологией, отсутствие баланса между теорией и эмпирикой в отдельных главах.

Ключевые слова: Дальний Восток, проекты развития, государственная политика, дискурс развития, поворот на Восток, социальная антропология

Programs and projects for the development of the Russian Far East in the late XXth – the beginning of the XXIst century through the lens of social anthropology (Review of «Potential Far East: How development projects flourish and fade in Russia's largest region» (2024) by Anatoliy Savchenko et al.). ANGELINA S. VASHCHUK (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia)

This review examines a collective monograph analyzing development projects in the Russian Far East from the late XXth to early XXIst century. The book is evaluated within the existing historiography of Russia's «pivot to the East». The reviewer highlights its strengths, including the application of a socio-anthropological approach and in-depth case studies (e.g., Free Economic Zone in Nakhodka), while noting contentious aspects such as the authors' excessive reliance on foreign theories and terminology, as well as imbalances between theoretical and empirical analysis in some chapters.

Keywords: Russian Far East, development projects, public policy, development discourse, pivot to the East, social anthropology

Введение

Сегодня российские ученые уделяют огромное внимание изучению современного российского «поворота на Восток», и оценка этого политико-экономического курса вызывает острые

дискуссии. Уже с момента объявления этого вектора развития к данной проблеме стали проявлять большой интерес специалисты разных отраслей знания – политологи, экономисты, историки и др. [12; 14; 15; 18; 19, с. 5–26; 20; 21].

* ВАЩУК Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, заведующая Отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Россия, va_lina@mail.ru

© Ващук А.С., 2025

Чтобы оценить вклад авторов рецензируемой монографии (А.Е. Савченко, Т.Н. Журавской, С.А. Иванова, И.Ю. Зуенко, Н.П. Рыжовой) в разработку данной проблемы, следует прежде всего обратиться к краткому обзору литературы по теме, опубликованной до выхода указанной книги. Такой обзор позволит более явно показать ту самую исследовательскую специфику рецензируемого издания, которая, с одной стороны, привлекает внимание читателей, а с другой – дает основания оценивать позиции авторов как небесспорные.

О чем и как писали ученые в 2010-е гг.

В ряде публикаций в качестве точки отсчета смены вектора дальневосточной политики однозначно признается декабрь 2006 г, когда произошло заседание Совета безопасности РФ под председательством В.В. Путина. В имеющейся на сегодня историографии подробно воссоздана дальнейшая хроника политических событий, связанных с реализацией данной идеи федеральным центром. Исследователи выделяют историческую «веху» – 2009 г., когда была утверждена Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока, закрепившая ориентацию на финансируемые государством и госкомпаниями мегапроекты, преимущественно в энергетике и транспортной инфраструктуре. Факт создания Министерства развития Дальнего Востока, специального института управления территорией в рамках стратегии «поворота на Восток», также является обязательным элементом этой хроники. Появление в 2013 г. в правительстве должности вице-премьера, отвечающего за Дальний Восток, повсеместно интерпретируется как укрепление реализации нового курса, а также рассматривается рядом исследователей как признак новой региональной политики на Востоке России. Практически все исследователи обращают внимание на роль личности «дальневосточного наместника» – Ю.П. Трутнева, одного из энергичных управленцев из команды президента, который одновременно стал и полпредом президента в Дальневосточном федеральном округе. Аппарат министерства разработал пакет федеральных законов, которые были призваны сделать Дальний Восток привлекательным для отечественных и зарубежных инвесторов (с 2014 г. было принято 39 федеральных законов и 167 актов правительства, нацеленных на улучшение экономического климата в регионе). Характеристика бурной политической и бюрократической деятельности министерства также присутствует практически во всех публикациях.

В имеющихся трудах прежде всего заметны попытки анализа спектра причин как поворота России на Восток в целом, так и своеобразие реализа-

ции конкретных программ и проектов. Обобщая результаты проведенного анализа, можно заключить, что в литературе сложился консенсус относительно фактора, который катализировал разработку политики поворота России на Восток: в качестве такого выступает историческая ситуация, которая характеризовалась следующими особенностями. Во-первых, наблюдалось смещение центра тяжести в мировой политике и экономике в Азиатско-Тихоокеанский регион. Во-вторых, после дальневосточной политики времени Б.Н. Ельцина, которая строилась в «режиме ручного управления», и проведения радикально-либеральных реформ в политической и экономической сферах, в ситуации непредвиденных результатов (например, в виде деградации социальной инфраструктуры, деиндустриализации, социально-демографического кризиса, массового оттока населения [4; 11]) федеральный центр вновь осознал потребность в развитии Сибири и Дальнего Востока [1; 2; 3; 5; 8; 9; 13; 14; 15; 19, с. 9]. В-третьих, вся международная обстановка стимулировала российскую политическую элиту к интеграции в АТР. Исследователи иногда конкретизируют особенности международной обстановки с учетом российско-украинских отношений: «События на Украине и последовавший за ними кризис в отношениях РФ с Западом с одной стороны, и евразийская инициатива Пекина (“один пояс, один путь”) с другой максимально политизировали и формально подтвердили стратегическую значимость проекта» [20, с. 9]. Тема поворота России на Восток способствовала появлению в научном дискурсе нового термина – «Тихоокеанская Россия» [20].

Среди мнений ученых, анализирующих итоги поворота России на Восток в 2006–2017 гг., на наш взгляд, особого внимания заслуживает точка зрения академика В.Л. Ларин: «“Восточный поворот” России как в его внутренней (развитие Дальнего Востока), так и внешней (отношения со странами Тихоокеанской Азии) проекциях оказался имитацией. Интерес к зоне Тихоокеанской России был весьма ограничен и не реализовался в каких-то конкретных действиях как в силу невнятности восточноазиатской политики России, так и вследствие малоэффективности ее действий по экономическому и инфраструктурному развитию Дальнего Востока» [6, с. 12].

В контексте изучения внешнеполитических аспектов «восточного поворота» можно вспомнить и книгу «Тихоокеанская Россия в интеграционном процессе Северной Пацифики в начале XXI в.» [19], в которой нашла отражение позиция ученых ИИАЭ ДВО РАН по данному вопросу. Среди стабильного набора долгоиграющих факторов, определявших суть и форму тихоокеанской политики России всю вторую половину XX в., по мнению ее авторов,

находился клубок межгосударственных интересов и противоречий (проблема Корейского полуострова, территориальный спор с Японией, стратегические интересы и предпочтения Китая). В начале XXI в. на первый план – исключительно формально, но в духе времени – был выведен экономический интерес, сформулированный как экономическая интеграция в АТР [19].

Хотелось бы обратить внимание и на концептуальный подход экспертного сообщества, акцент в котором в большей мере сделан на будущем: «Главное в “повороте на Восток” – человеческое измерение. От того, как и какие люди будут жить на Дальнем Востоке, зависит коридор возможностей для России на весь XXI век. Отсюда – принципиальная важность социальной политики в регионе. Социальной политики в максимально широком контексте: политики смыслов для общества, или культурно-идейной политики, культуры, политики сбережения и развития человеческого капитала, условий жизни. Именно эта политика должна давать ответ на вопрос “зачем жить на Дальнем Востоке?”» [9].

Особенности структуры книги и подхода ее авторов

Именно на таком солидном историографическом фоне в 2024 г. появляется новая монография – «Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России», вышедшая при поддержке Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники». По отношению к структуре книги возникает двойственное впечатление. С одной стороны, по своей задумке – это коллективная монография. Авторы об этом говорят во введении, обращая внимание читателя на единую социально-антропологическую платформу, объединившую разные проекты (хотя и делают оговорку: в отдельных главах заявленная общая линия прослеживается неравномерно). Нельзя не заметить стремления авторов убедить читателя, что все пять глав книги все-таки объединены одной поисковой идеей – объяснить, как «угасают» проекты развития Дальнего Востока» после периода «расцвета». С другой стороны, каждый автор достигает поставленную цель по-своему, опираясь на индивидуальный исследовательский инструментарий. В формулировке названий глав бросаются в глаза т.н. «ключевые» слова, которые хорошо отражают суть позиции участников данного исследовательского проекта – «миражи», «миф», «ритуализация». Последовательностью и соответствием метода и эмпирики отличаются главы «Миражи “Тумангана”: проекты развития территории на стыке границ России, Китая и Северной Кореи» (А.Е. Савченко), «Разворовать потен-

циал... во имя государства: история первой свободной экономической зоны Дальнего Востока России» (С.А. Иванов).

Заметно, что коллектив авторов дистанцируется от позитивистского подхода, распространенного в трудах историков, экономистов и управленцев: «Этот подход не проблематизирует государство как арену постоянных противоречий и не рефлексировать над вопросами о том, как появляются идеи развивать конкретную территорию и почему были выбраны конкретные механизмы реализации программ» [17, с. 8]. Проекты развития авторы анализируют с опорой на методы и подходы социальной антропологии, ссылаясь на разработки зарубежных ученых (например, Р. Брайнта и Д. Найта [22]).

Особенность авторского подхода к изучаемой проблеме состоит в том, что для авторского коллектива проекты развития – это прежде всего дискурс о развитии, «динамичная совокупность высказываний о желаемом будущем и способах его достижения». Предлагаемый подход описывает экономические отношения и отвергает политику как источник своего воспроизводства [17, с. 21]. При этом в монографии делается вынужденная оговорка: «Однако на практике при реализации проектов развития отрицание политики работает не всегда или работает таким образом, что меняет экономическую суть изначальной идеи» [17, с. 21–22]. И здесь надо заметить, что независимо от заявленного авторами дистанцирования от описания конкретных проектов, несмотря на намерение преподнести читателю только дискурс «в чистом виде», по факту они вынуждены в той или иной степени затрагивать политические мероприятия. И в этом мы убеждаемся, когда знакомимся с текстом отдельных глав.

Заявленный социально-антропологический подход в монографии реализуется с учетом индивидуальных особенностей научного опыта каждого автора. Выбор политических и научных авторитетов особенно ярко демонстрирует специфику творческой лаборатории создателей книги. В последнем случае это в подавляющем большинстве зарубежные ученые, имена которых авторы особо подчеркивают, оставляя за пределами своего внимания работы соотечественников. Собственная оценка авторами своего вклада в «исследовательскую копилку» формулируется следующим образом: «Наконец, эту книгу можно поставить в ряд – длинный в англоязычной литературе и куда скромнее в русскоязычной – исследований о развитии» [17, с. 12].

Мы совершенно не умаляем значения достижений зарубежной научной мысли и не отвергаем роли конвергенции идей в поиске ответа на вопрос об историческом видении потенциала Дальнего

Востока России, более того – считаем важным, например, знание трактовки зарубежными учеными причин провала конкретных проектов. Однако изначальная установка авторского коллектива на дистанцирование от достижений отечественной общественной мысли вызывает у нас некоторое «неуютное» интеллектуальное ощущение.

Отметим также, что для книги характерен весьма своеобразный стиль изложения: это определенный микс научного языка и журналистской манеры подачи информации. Это впечатление усиливается и за счет большого воздействия на авторов книги зарубежных работ и понятий. Многие понятия, которые рассматриваются также отечественными учеными, заменяются иностранной терминологией. Хотя в этом есть и определенный положительный момент: книга заставляет думать, обращаться к работам иностранных авторов.

Специфика глав и дискуссионные вопросы

Основная часть монографии открывается главой, посвященной «Тумангану». История этого проекта уже имеет собственную историографию, но в освещении А.Е. Савченко данная тема рассматривается в новом ракурсе, в т.ч. благодаря используемому исследователем инструментарию: автор во многом опирается на данные интервью и экспертных мнений. Второй особенностью можно назвать акцент исследователя на встраивание «миражей» проекта в контекст развития Хасанского района. При этом обращает на себя внимание увлечение автора субъективными источниками. Метод включенного наблюдения дополняется журналистской манерой подачи материала. Тем не менее А.Е. Савченко подтверждает вывод предшественников, изложенный в разных вариациях, подчеркивая, что «с российской точки зрения проект “Туманган” был инициирован извне, и государство в большей мере выступало как реагирующая сторона, в то же время он был подхвачен – по разным мотивам – на региональном и районном уровне. Инициатива, пришедшая снаружи, заполнила собой идейный и проектный вакуум, в котором с самого начала оказалось российско-китайское сотрудничество» [17, с. 61].

Вторая глава «Миф о приграничном Клондайке: случай Приграничного торгово-экономического комплекса “Пограничный – Суифэнхэ”» выделяется среди других своей внутренней структурой и тем, что исследователь широко, по сравнению с соавторами, использует метод установления «роли личности» в проекте. Заметим, этот метод всегда широко применялся в отечественной историографии, в т.ч. при описании исторического процесса освоения Дальнего Востока и развития приграничных отношений России с Китаем.

На этот раз такими личностями с российской стороны, по выбору И.Ю. Зуенко, стали А.Ф. Дубовик, который проявил себя как «агрегатор» торговли с КНР, и Г.И. Лысак, ставший крупным предпринимателем, – самый активный участник продвижения концепции трансграничной экономической зоны на российско-китайской границе.

Заслуженно можно выделить кейс, посвященный СЭЗ «Находка» (С.А. Иванов). Хотя теме СЭЗ «Находка» посвящены уже многие публикации, в т.ч. и самого автора главы, данный раздел в монографии отличается стройностью концепции связи проекта с рыночными идеями, раскрытием важнейшего аспекта, позволяющего понять смысл первых мероприятий по формированию рыночной системы на восточной периферии страны. С учетом наших научных изысканий по другим проектам мы разделяем вывод автора: в самых общих чертах попытку экономической автономизации «Находки» через СЭЗ можно было бы назвать «локальной вариацией» обмена номенклатурой властных ресурсов на экономические. Но в целом идея СЭЗ, подчеркивает С.А. Иванов, стала важнейшим элементом политического манифеста директоров. Реформа госпредприятий в позднесоветский период должна была активизировать директорский корпус, но при этом открыто не противостоять инициативам советского правительства, нивелируя негативные последствия через консолидацию и более активное продвижение повестки развития.

Особенно хотелось бы отметить критическое отношение С.А. Иванова к точке зрения зарубежных авторов на теорию проектов развития (в отличие, например, от Т.Н. Журавской и Н.П. Рыжовой, воспринимающих зарубежные идеи как истину в последней инстанции). Так, С.А. Иванов подчеркивает: «По Дж. Фергюсону, проекты развития деполитизируют социальные противоречия, превращают их в технические проблемы, которые можно решить посредством экономических и технических преобразований. ... Т. Ли оспорила этот тезис, утверждая, что схемы улучшений могут быть политически ангажированными мероприятиями, так как те, кто развивает, должны договариваться и искать компромиссы с теми, кого развивают. ... В нашем случае мы имеем другой тип проекта развития. В СЭЗ “Находка” субъект и объект улучшений в процессе разработки инициативы слились воедино: директора заводов и портов – предприятий, которые должны были стать основой зональной экономики, – сами составляли и реализовывали план развития. Как показывают исследования, такое слияние представляет собой редкий случай и не

гарантирует успешного выполнения намеченных целей» [17, с. 205]. И эта позиция исследователя опирается на анализ солидной источниковой базы.

Новизной отличается и характеристика такого этапа в истории СЭЗ «Находка», как закрытие проекта. В главе дается глубокое освещение этого процесса с учетом различных типов источников. С.А. Иванов убедительно доказывает тезис о том, что в ходе бюрократических согласований зона из либеральной идеи превратилась в постсоветский патримониальный проект, ориентированный на работу не с предпринимателями, а с вышестоящими органами власти. Последние были вполне удовлетворены таким положением вещей. В 1994 г. российское правительство искренне считало, что все возможное по созданию зоны в Находке было выполнено, а бюджетные кредиты со сниженной процентной ставкой – это «реальная льгота» и «важный фактор стабилизации экономического развития СЭЗ», который позволит «реализовать проекты долгосрочного характера» [17, с. 213].

Весьма противоречивое мнение складывается о главе «Успех “Дальневосточного гектара”: ритуализация проекта развития». Ее авторы Т.Н. Журавская и Н.П. Рыжова декларируют новизну подхода к изучению истории возникновения дальневосточных проектов и их финала, выражающуюся, в частности, в использовании социально-антропологических идей, однако при этом авторы все равно вынуждены прибегать к количественным показателям. В качестве основного в работе был использован этнографический метод. «Современные представления об этнографическом методе базируются на концептуальных и методологических принципах “понимающей герменевтики” В. Дильтея, проинтерпретированных в русле семиотического понимания культуры К. Гирцем и развитых в современных социологических и конструктивистских теориях» [10]. Безусловно, метод имеет свои преимущества, но он не идеален для реконструкции исторического процесса. Российские социологи и социальные философы, опираясь на зарубежные исследования, подчеркивают актуальность использования этнографического метода именно для исследования современного общества и современной культуры. Наиболее сильной стороной этого метода называют его способность делать доступными живые смыслы социальных (символических по сути) процессов и явлений в их тесной взаимосвязи с жизненным опытом и переживаниями живых людей. И здесь требуется исследовательское искусство, чтобы этнографический метод дал свои результаты. Однако в данной главе мы находим больше теоретических описаний, нежели демонстрации применения метода в творческой лаборатории авторов.

Обсуждение проблемы «дальневосточный гектар» с использованием заявленного этнографического метода этими учеными ведется на базе 25 лейтмотивных интервью с участниками (заявителями) программы (12) и представителями власти, осуществляющими оперативное управление программой (13). Большая часть интервью с «гектарщиками» была собрана в 2020 г. в населенных пунктах Амурской области, которые были отмечены на карте оператора программы как «места концентрации». Возникает резонный вопрос, почему исследованием была охвачена только территория Амурской области, ведь Приморский край также был активно задействован в этом проекте?

Вызывает вопросы и само содержание текста, в частности – что именно понимают авторы под «ритуализацией проекта развития»? После прочтения соответствующих фрагментов [17, с. 232–237] напрашивается заключение: кроме упоминания фамилий западных антропологов и замены вопроса «Как заставить проекты работать?» на другой вопрос «Куда же ведут проекты развития?» за заявленной концепцией «ритуализации» фактически не скрывается никакого содержания, эта часть главы сведена к абстрактным рассуждениям.

Несколько слов хочется сказать о фрагменте, посвященном «захватному праву на собственность». Вывод о распространении захватного права на собственность с точки зрения приведенного эмпирического материала практически не доказан. Особую критику вызывает отбор двух примеров под названием «Брошенный дом» и «Осаго-городок». Оба не имеют никакого отношения к проекту «Дальневосточный гектар» и, как говорится, «притянуты за уши». Не совсем понятна логика составления таблицы 1 «Структура поданных заявок на получение участков по программе “ДВ-гектар” и отказов по субъектам ДВФО, май 2016 г. – май 2020 г.». В частности, вызывает вопросы графа «общий итог» по вертикали и по горизонтали.

В целом авторы так и не убедили нас в правомерности вывода, озвученного в завершающей части главы: «Таким образом, мы видим все элементы логической схемы, предложенной К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу. Ритуальность в коммуникации власти, предметно сконцентрированной вокруг программы “ДВ-гектар”, включает “обусловленность” (используемые “мантры” и формулы, безусловно, подготовлены, хотя и меняют свою форму на разных площадках – от формальных документов до неформальных интервью), “архетипичность” (как минимум это легенды о героях и создании космоса из хаоса) и “понятность” (программа адаптируется как технически через бесконечные редакции закона,

так и дискурсивно под решение разных задач). Иными словами, машина развития ритуализируется, легитимируя текущие и дальнейшие действия и проговариваемые намерения бюрократов, их присутствие в управлении периферийным регионом страны» [17, с. 263]. Тем не менее в данной главе есть отдельные обобщающие тезисы, которые заслуживают внимания, например, о «бесконечной» редакции закона. В целом же после прочтения главы создается впечатление, что истинная цель Н.П. Рыжовой и Т.Н. Журавской состояла в том, чтобы на дальневосточных материалах доказать правоту логической схемы, предложенной К. Хамфри и Дж. Лэйдлоу.

Завершающая глава «Проект перезапуска государства: новая политика развития Дальнего Востока и логика ее перерождения» (А.Е. Савченко) начинается с рассмотрения вопроса нового территориального управления сквозь призму прихода в управление новых людей: «На деле все оказалось сложнее, и управление территорией фрагментировалось: прежние и новые структуры стали отвечать за определенные части функционала по управлению развитием региона, но разграничить этот функционал территориально оказалось невозможно. В разных местах оказались совершенно разные люди. Излучающие энергию, в основном молодые и подтянутые управленцы, призванные изменить “правила игры”, заняли офисы Минвостока и связанных с ним корпораций и агентств развития. Эти структуры выстраивались параллельно существующим местным администрациям краев, городов, районов и сельских поселений. Новая вертикаль создана как будто в пику привычным представлениям о традиционной российской бюрократии и воплощает собой представления об идеальных управленцах-технократах России будущего» [17, с. 272]. Автор расширяет дискурс об управлении территорией за счет включения описания производственного быта тех, кто пришел в новые управленческие структуры. Широко используя идеи социальной антропологии, А.Е. Савченко обращает внимание читателя на детали условий, созданных управленцами-технократами для себя с целью выполнения своих функций. В исторической литературе подобные описания выполняются в основном в русле истории повседневности, конкретнее – истории производственной повседневности. Исследователь сравнивает новые министерские кадры со старыми низовыми (это в основном муниципальные служащие) не на основе текстов-интервью, а по окружающему управленцев миру, детализируя его. Правда, А.Е. Савченко избегает использовать

для обозначения последних термин М. Липски «уличные бюрократы»¹ [17, с. 16].

Вот как автор описывает группы «новых и старых» управленцев: «В современных, выдержанных в светло-серых и черных тонах кабинетах агентств и корпораций нам рассказывали о принципиально иных подходах в работе институтов развития (нацеленных на результат, в отличие от традиционных бюрократических структур, увязших в бесконечном “процессе”), интерактивных проектах и трансформационных идеях. Здесь на рабочих столах был идеальный порядок и почти пустота, в шкафах стояли аккуратные пластиковые папки с документами. «Тут не множат бумаги – тут делают дело», – как бы говорят посетителю эти кабинеты. Их хозяева, часто приехавшие сюда из других районов страны, считают и, похоже, искренне верят в то, что меняют общество и учат местную власть и предпринимателей вести дела по-новому. В этих офисах не производят инфоповодов для негативных новостей. Возможно, на закрытых аналитических мероприятиях и ведется разбор ошибок, но на их публичное признание наложено табу» [17, с. 273]. Портрет муниципалов совсем иной: «В шкафах, скорее в беспорядке, хранятся потрепанные от времени и хаотичного расположения кипы документов. Поток входящих бумаг – запросов и поручений – явно превышает человеческие возможности по упорядочиванию и обработке информации. В этих кабинетах чаще говорят о текущих проблемах, нехватке денег и полномочий, о привычной рассогласованности решений и несоответствии выделяемых на их воплощение ресурсов. Работу новых структур развития здесь комментируют сдержанно, но с едва скрываемой досадой» [17, с. 273].

Формулируя выводы, о результатах деятельности специальных агентств регионального развития, в том числе и в России, А.Е. Савченко проявляет осторожность и научную дипломатию, употребляя определение «противоречивые» и ссылаясь на «врожденную структурную слабость, для преодоления которой необходимы многочисленные дополнительные условия» [17, с. 278].

¹ Работая в США в период расцвета государства всеобщего благосостояния, М. Липски заметил, что формирование этой модели государственного управления связано с появлением такой прослойки государственных служащих, которые ранее в США были редкостью. Эта категория чиновников или бюрократов обладает, как заметил ученый, двумя отличительными характеристиками: они непосредственно работают с клиентами государственных учреждений и при этом обладают большой свободой в осуществлении своих полномочий. Это, например, учителя государственных школ, врачи, полицейские, пожарные, судьи. М. Липски назвал их «бюрократами уличного уровня» (т.е. бюрократами, работающими непосредственно на месте) [7; 16]. Заметим, что советская управленческая культура была иной, именно она создала исторические предпосылки формирования муниципального звена управления территориями.

Без Минвостокразвития, а также подведомственных ему корпораций и агентств, вероятно, было бы хуже, но в систему, обеспечивающую ускоренный рост региона, они до сих пор не сложились, считает он. А могли ли сложиться? Что было сделано для придания импульса социально-экономической динамике восточных районов? Какие решения и действия стали свидетельством намерения государства ускорить развитие этой территории и как мы можем обнаружить отступление от намеченного плана? Исследователь пытается дать ответ на эти вопросы в рамках теоретического концепта «развивающее государство». Обращает на себя внимание, что некоторые теоретические идеи, изложенные во введении, фактически «пропадают» в этой главе, и автор идет своим путем. Это наталкивает нас на мысль, что авторскому коллективу очень трудно было выдержать единую исследовательскую линию.

Таким образом, структура, стиль и содержание рецензируемой книги делают ее интересной для чтения, вызывая желание, с одной стороны, пройти сквозь дебри определенных фрагментов вопреки их трудности, а с другой – покритиковать авторов за некоторое низкопоклонство перед западной наукой. Тем не менее знакомство с данной монографией весьма полезно для понимания современного плюралистического мира идей в области исследования Дальнего Востока России, и читатель не пожалеет, что потратил время на ее чтение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX – начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 3/1. С. 30–45.
2. Ващук А.С. Дальний Восток в политической повестке России (90-е гг. XX в.) // Клио. 2020. № 5. С. 110–117.
3. Ващук А.С. Неолиберальные идеи и проект реструктуризации Северо-Востока России в 1990-е – первое десятилетие XXI в. (на материалах Магаданской области) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2024. № 6. С. 105–115.
4. Волкова Е.С., Ковалевская Ю.Н. Руины на постсоветском Дальнем Востоке: «созидательное разрушение» или «медленное насилие»? // Известия Восточного института. 2022. № 1. С. 78–90.
5. Воронцов Н.С. Нереализованные проекты свободных экономических зон в Приморье: исторический очерк // Россия и АТР. 2018. № 3. С. 31–44.
6. Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихоокеанская Россия между двумя глобальными кризисами. Владивосток, 2022.
7. Захарова А.Л., Мартыненко А.А. На хвосте у Левиафана: антропологические исследования бюрократии и бюрократов // Антропологический форум. 2023. № 59. С. 11–47.
8. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 1. Владивосток, 2014.
9. Караганов С., Лихачева А. Почему буксует «поворот на Восток», и как это исправить // Деловой журнал «Профиль». URL: <https://profile.ru/politics/pochemu-buksuet-povorot-na-vostok-i-kak-eto-ispravit-409720/>
10. Кистова А.В. Этнографический метод в социально-гуманитарных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10495>
11. Ковалевская Ю.Н. Постсоветская деиндустриализация и проблемы коммунальной инфраструктуры (на примере юга о. Сахалин) // Россия и АТР. 2022. № 4. С. 70–81.
12. Крюков В.А. и др. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 93–100.
13. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010.
14. Минакир П.А., Прокапало О.М. Российский Дальний Восток: экономические фобии и геополитические амбиции // ЭКО. 2017. № 4. С. 5–26.
15. Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики / Под ред. И.А. Макарова. М.: Международные отношения, 2016.
16. Приколота М. Кто такие уличные бюрократы? // Интернет-журнал «Рабкор». URL: <https://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2019/05/30/street-level/>
17. Савченко А.Е. и др. Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России. М.: Common Place, 2024.
18. Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 1. С. 111–125.
19. Тихоокеанская Россия в интеграционном процессе Северной Пацифики в начале XXI в.: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017.
20. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего. Владивосток: Дальнаука, 2012.

21. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8–21.

22. Bryant, R. and Knight, D.M., 2019. The anthropology of the future. Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

1. Vashchuk, A.S., 2018. Dal'nevostochnaya politika postsovetsoi Rossii v kontse XX – nachale XXI v.: kontseptsii, ekspertnye mneniya i tochki zreniya publitsistov [Far Eastern policy of post-Soviet Russia in the late XXth – early XXIst century: concepts, expert and journalist opinions], Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl', Vol. 10, no. 3/1, pp. 30–45. (in Russ.)

2. Vashchuk, A.S., 2020. Dal'nii Vostok v politicheskoi povestke Rossii (90-e gg. XX v.) [The Far East in the political agenda of Russia in the 1990s], Klio, no. 5, pp. 110–117. (in Russ.)

3. Vashchuk, A.S., 2024. Neoliberal'nye idei i proekt restrukturizatsii Severo-Vostoka Rossii v 1990-e – pervoe desyatiletie XXI v. (na materialakh Magadanskoi oblasti) [Neoliberal ideas and the project of restructuring the North-East of Russia in the 1990s – early XXIst century (the case of Magadan Oblast)], Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, no. 6, pp. 105–115. (in Russ.)

4. Volkova, E.S. and Kovalevskaya, Yu.N., 2022. Ruiny na postsovetском Dal'nem Vostoke: «sozidatel'noe razrushenie» ili «medlennoe nasilie»? [Ruins in the post-Soviet Far East: «creative destruction» or «slow violence»?], Izvestiya Vostochnogo instituta, no. 1, pp. 78–90. (in Russ.)

5. Vorontsov, N.S., 2018. Nerealizovannyye proekty svobodnykh ekonomicheskikh zon v Primor'e: istoricheskii ocherk [The unrealized free economic zone projects in Primorye: an essay in history], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 31–44. (in Russ.)

6. Desyatiletie obmanutykh ozhidaniy: Tikhookeanskaya Aziya i Tikhookeanskaya Rossiya mezhdu dvumya global'nymi krizisami [A decade of dashed hopes: Pacific Asia and Pacific Russia between two global crises]. Vladivostok, 2022. (in Russ.)

7. Zakharova, A.L. and Martynenko, A.A., 2023. Na khvoste u Leviafana: antropologicheskie issledovaniya byurokratii i byurokratov [On Leviathan's tail: anthropological studies of bureaucracy and bureaucrats], Antropologicheskii forum, no. 59, pp. 11–47. (in Russ.)

8. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoi bezopasnosti rossiiskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). Kn. 1 [Historical issues of socio-political security in the

Russian Far East (second half of the XXth – early XXIst century). Book 1]. Vladivostok, 2014. (in Russ.)

9. Karaganov, S. and Likhacheva, A. Pochemu buksuet «povorot na Vostok», i kak eto ispravit' [Why the «pivot to the East» is stalling and how to fix it]. URL: <https://profile.ru/politics/pochemu-buksuet-povorot-na-vostok-i-kak-eto-ispravit-409720/> (in Russ.)

10. Kistova, A.V., 2013. Etnograficheskii metod v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh [Ethnographic method in social studies and humanities], Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, no. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10495> (in Russ.)

11. Kovalevskaya, Yu.N., 2022. Postsovet'skaya deindustrializatsiya i problemy kommunal'noi infrastruktury (na primere yuga o. Sakhalin) [Post-Soviet deindustrialization and challenges of municipal infrastructure: a case study of Southern Sakhalin Island], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 70–81. (in Russ.)

12. Kryukov, V.A. et al., 2017. Sovremennyyi podkhod k razrabotke i vyboru strategicheskikh al'ternativ razvitiya resursnykh regionov [Modern approach to developing and selecting strategic alternatives for resource region development], Ekonomika regiona, Vol. 13, no. 1, pp. 93–10. (in Russ.)

13. Minakir, P.A. and Prokapalo, O.M., 2010. Regional'naya ekonomicheskaya dinamika. Dal'nii Vostok [Regional economic dynamics. Russian Far East]. Khabarovsk: DVO RAN. (in Russ.)

14. Minakir, P.A. and Prokapalo, O.M., 2017. Rossiiskii Dal'nii Vostok: e'konomicheskie fobii i geopoliticheskie ambitsii [Russian Far East: economic phobias and geopolitical ambitions], EKO, no. 4, pp. 5–26. (in Russ.)

15. Makarov, I.A. ed., 2016. Povorot na Vostok. Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh usileniya aziatskogo vektora vneshnei politiki [Pivot to the East: Developing Siberia and the Russian Far East as foreign policy shifts focus toward Asia]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russ.)

16. Prikolota, M., 2019. Kto takie ulichnye byurokraty? [Who are street bureaucrats?] URL: <https://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2019/05/30/street-level/> (in Russ.)

17. Savchenko, A.E. et al., 2024. Potentsial'nyi Dal'nii Vostok. Kak rastsvetayut i ugasayut proekty razvitiya v samom bol'shom regione Rossii [Potential Far East: How development projects flourish and fade in Russia's largest region]. Moskva: Common Place. (in Russ.)

18. Savchenko, A.E. and Zuenko, I.Yu., 2020. Dvizhushchie sily rossiiskogo povorota na Vostok [Driving forces of Russia's pivot to the East], Sravnitel'naya politika, Vol. 11, no. 1, pp. 111–125. (in Russ.)

19. Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom protsesse Severnoi patsifiki v nachale XXI v.: opyt i

potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeistviya [Pacific Russia in the integration process of the Northern Pacific in the early XXIst century: experience and potential of regional and cross-border cooperation]. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2017. (in Russ.)

20. Tikhookeanskaya Rossiya: stranitsy proshlogo, nastoyashchego, budushchego [Pacific Russia: pages of the past, present, and future]. Vladivostok: Dal'nauka, 2012. (in Russ.)

21. Torkunov, A.V., Strel'tsov, D.V. and Koldunova, E.V., 2020. Rossiiskii povорот na Vostok:

dostizheniya, problemy i perspektivy [Russia's pivot to the East: achievements, challenges, and prospects], Polis. Politicheskie issledovaniya, no. 5, pp. 8–21. (in Russ.)

22. Bryant, R. and Knight, D.M., 2019. The anthropology of the future. Cambridge: Cambridge University Press.

*Рецензия поступила в редакцию 16.04.2025;
рекомендована к печати 15.05.2025*

МАРКСИЗМ И РЕЛИГИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЭРНСТА БЛОХА

В статье предпринимается попытка реконструировать основные положения философии религии Эрнста Блоха в более общем контексте его марксистской философии через обращение к двум его основным работам по этой теме: «Принцип надежды» и «Атеизм в христианстве». Автор приходит к выводу о том, что философия религии Блоха может быть названа постсекулярной. Она предлагает альтернативный вариант понимания религии, который, с одной стороны, уходит от ортодоксального марксистского отторжения религии, а с другой – указывает на сохраняющийся трансформационный потенциал религии, позволяющий мыслить утопически.

Ключевые слова: Эрнст Блох, марксизм, социальная философия, религия, атеизм, философия религии

Marxism and religion in Ernst Bloch's social philosophy. SULTANBEK V. ANDIEV (HSE University, Moscow, Russia)

This article attempts to reconstruct the key points of Ernst Bloch's philosophy of religion within the broader context of his Marxist philosophy through an analysis of his two principal works on the subject – «The Principle of Hope» and «Atheism in Christianity». The author concludes that Bloch's philosophy of religion can be characterized as postsecular. It presents an alternative approach to understanding religion that, on one hand, moves beyond orthodox Marxist rejection of religion, while on the other, highlights religion's enduring transformative potential for utopian thought.

Keywords: Ernst Bloch, Marxism, social philosophy, religion, atheism, philosophy of religion

Введение

Практически весь XX в. в социальной теории господствовала теория секуляризации. Это господство заключалось в том, что социальные теоретики могли позволить себе не принимать в расчет религиозный фактор как значимую переменную в современных социально-политических процессах [19, с. 10]. В начале XXI в. теория секуляризации перестала быть общепринятой в социальной теории по причине того, что заметный спад следования религиозным предписаниям в некоторых странах Западной Европы не привел к ограни-

чению религии сферой частного [40]. Религиозный фактор продолжает играть роль в политической, социальной и культурной сферах жизни западных обществ, в то время как ислам и индуизм укрепляют свои позиции в мусульманском мире и Индии соответственно. Рассматривая эти феномены (а также пределы интеграции, мультикультурализма и принятия новых групп), Юрген Хабермас приходит к мнению, что современные общества нужно считать не секулярными, а постсекулярными и нет оснований полагать, что роль религии будет непременно падать [28].

* АНДИЕВ Султанбек Валерьевич, аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, sandiev@hse.ru

© Андиев С.В., 2025

Социальная теория марксизма практически с момента зарождения и в течение долгого времени находилась на острие процесса секуляризации. Логично было бы ожидать, что среди марксистов теория секуляризации в ее классическом изводе должна была найти своих самых рьяных сторонников и защитников. Но вместо этого в последние десятилетия мы обнаруживаем, что такие значительные (пост)марксистские теоретики, как Ален Бадью, Славой Жижек и Терри Иглтон обращаются к христианскому учению и реактуализируют его [29]. Они защищают его как от нападок со стороны «новых атеистов», так и от присвоения со стороны ультраправых фундаменталистов в США и Европе. Однако было бы неправильным считать, что обращение марксистов к религии – лишь следствие общего разворота общества в эту сторону, произошедшего в последние десятилетия. Уже в XX в. марксисты, среди которых – Эрнст Блох (1885–1977), предпринимали попытки пересмотреть стандартный марксистский секулярно-атеистический взгляд на природу религии.

Цель данной статьи – реконструировать основные положения философии религии Эрнста Блоха в более общем контексте его марксистской философии через обращение к двум его основным работам по этой теме: «Принцип надежды» и «Атеизм в христианстве». Для достижения этой цели в первой части статьи мы кратко охарактеризуем общий контекст классической марксистской трактовки религии, чтобы лучше понять, насколько важным оказалось введение религии Блохом в неомарксизм. После этого мы непосредственно реконструируем отношение Блоха к религии, а также укажем на взаимосвязь религии и утопии в его философии. Затем будет показано, как Блох видит проявление атеизма в религии на примере его интерпретации иудео-христианской религии посредством Библии.

Количество исследовательской литературы по философии Э. Блоха в России нельзя считать большим. Некоторые авторы косвенно затрагивают философию религии Блоха, но в целом этот пласт рецепции можно назвать, скорее, компаративистским и направленным на сопоставление Блоха с христианскими богословами или же другими современными философами, которые высказывались на тему религии. Далеко не все работы Блоха переведены даже на английский. На русском доступен малый фрагмент из «Принципа надежды» в антологии «Утопия и утопическое мышление» [5] и курс лекций «Тюбингемское введение в философию» [6]. За последние несколько лет профессором С.Е. Вершининым были переведены и прокомментированы фрагменты из сборника социально-философских статей «Наследство нашего времени» [3; 4; 9; 10] и отрывок предисловия «Принципа надежды» [7; 11], что расширило круг доступных текстов и снабдило

их историко-философским контекстом, однако такие работы, как «Атеизм в христианстве» и большая часть «Принципа надежды» все еще не переведены.

Маркс и Энгельс о религии

Из тандема основателей марксизма гораздо больше внимания исследованию религии уделил Фридрих Энгельс. Тем не менее определенная религиозная проблематика прослеживается и в наследии Карла Маркса, начиная с самого раннего периода его творчества¹. Это вызвано как связью Маркса с младогегельянцам, которым был присущ критический взгляд на религию, так и с общественно-политическими событиями внутри Пруссии того времени. Статья Маркса в «Rheinische Zeitung» в 1842 г. стала его первым серьезным заявлением, касающимся роли религии в современном обществе. В своей публикации Маркс защищал свободу печати (а точнее – свободу обсуждения вопроса религии) от цензуры и подчеркивал светский и рациональный характер современного государства, которое в своей деятельности должно было ориентироваться не на религиозные предписания (которые являются чем-то внешним по отношению к государству), а на выведенные из собственной природы законы и правила. Это становится возможным благодаря философии, которая, по мысли Маркса, освобождает политику от теологии и тем самым производит научный переворот, подобный переворотам в физике, математике, медицине или любой другой науке, становясь впервые «плодотворной» областью деятельности людей.

В истории философии общеизвестно скорое признание Марксом недостаточности критики религии как способа изменения мира. В своем письме от 30 ноября 1842 г. Арнольду Руге относительно политики публикаций в «Rheinische Zeitung» Маркс сообщает о требовании, которое он предъявляет для новых публикаций в газете: «Я выдвинул, далее, требование, чтобы религию критиковали больше в связи с критикой политических порядков, чем политические порядки – в связи с религией, ибо это более соответствует основным задачам газеты и уровню читающей публики; ведь религия сама по себе лишена содержания, ее истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращенной реальности, *теорией* которой она является, она гибнет сама собой» [17, с. 252]. В этом заявлении Маркс прерывает с более старой просвещенческой позицией отношения к религии как простому заблуждению или незнанию, которое проходит после «просвещения», и видит в самом существовании религии результат противоречий и искажений внутри общества. С устранением этого «извращения» на земле религия отпадет сама собой [41, р. 8].

¹ О важности религиозного контекста для развития идей Маркса см.: [23].

Как уже было сказано, Фридрих Энгельс уделял религии значительно больше внимания. Это нашло выражение в т.ч. в серии работ Энгельса, посвященных древнему христианству и религиозным движениям Средних веков. Как отмечает марксистский философ и социолог Михаэль Леви, важнейшей заслугой Энгельса в этом отношении можно назвать изучение связи религии с классовой борьбой: Энгельс изучает классовую базу как раннего христианства, так и религиозных движений недавнего прошлого. Хотя иногда Энгельс и воспроизводит крайне утилитарное отношение к религии как к простому отражению классовых интересов определенных групп, в целом он все же указывает на двойственный характер религии как феномена, который способен как поддерживать существующий порядок вещей, так и стремиться изменить его. Именно вторая функция религии интересует Энгельса больше всего [32, р. 81].

В контексте цели нашего исследования важно сказать, что Энгельс является родоначальником одной из двух традиций понимания роли Томаса Мюнцера в Крестьянской войне 1524–1525 гг. в Германии. В то время как «официальная» церковная версия видела в Мюнцере главным образом воплощение Дьявола, который стремился к хаосу и разрушению [38, р. 340–341], Энгельс считал его протокоммунистическим революционером, выразившим интересы наиболее угнетенных групп населения своего времени. Забегая вперед, мы можем упомянуть и вклад Эрнста Блоха в марксистскую историографию Мюнцера. Блох утверждает, что у Мюнцера невозможно отделить политику от религии, нет радикализации вне христианской религии. Таким образом, религия для Мюнцера не была лишь ширмой для выражения классовых интересов крестьянских масс, и представить себе Мюнцера-революционера без Мюнцера-теолога не получится. Его политика была выражением его эсхатологии, и она указывает на утопический и революционный потенциал религии. Отсюда и название книги Блоха – «Томас Мюнцер как теолог революции» [38, р. 342].

Вопрос о роли религии в современности затрагивается Энгельсом в относящейся к раннему периоду его творчества работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845), где он констатирует, что современные рабочие в большинстве своем безразличны к религии и клерикалы не пользуются среди них уважением. Таким образом, Энгельс не видит в современной ему (христианской) религии возможную прогрессивную силу. Это выражается и в его негативном отношении к попыткам некоторых коммунистов и социалистов соединить в своей пропаганде рабочее движение с первоначальным христианством. Энгельс указывает на ошибочность и запоздалость таких попы-

ток. Через несколько десятилетий, анализируя состояние коммунистического движения, Энгельс с радостью отметил его «нерелигиозный» характер и посчитал, что нет никакого смысла в позиционировании его как атеистического, т.к. в своем практическом сознании рабочие уже закрыли вопросы о Боге. Но при этом, когда Энгельсу все же приходилось писать о современных религиозных движениях, он не мог не отметить некоторый революционный потенциал их риторики и действий.

Социал-демократические партии времен Второго Интернационала в целом не видели острой необходимости в позиционировании вопроса религии в качестве первостепенного. В.И. Ленин суммировал отношение социалистов к религии в своей статье «Социализм и религия» (1905) [14, с. 142–147], где, с одной стороны, выступал за отделение религии от государства, переход ее в сугубо частную сферу, а с другой – утверждал, что социалистические партии в своей деятельности должны просвещать население и бороться с религиозными предрассудками, но не ставить их на первое место как объект борьбы и позволять верующим вступать в социал-демократические партии. Считалось, что в рамках капиталистического общества невозможно целиком решить вопрос религии, как того хотели бы буржуазные атеисты, поскольку само господство религии держится на экономическом угнетении в первую очередь. Нидерландский теоретик марксизма и астроном Антон Паннекук в своей статье «Социализм и религия» (1907) занимал схожую позицию: он тоже не видел надобности в отдельной антирелигиозной пропаганде среди рабочих и выступал за признание религии частным делом, но указывал, что развитие капитализма и научного социализма приводит к тому, что все больше рабочих отказываются от религиозного мировоззрения, и это естественный процесс, на который не может повлиять никакая пропаганда [37]. Австромарксисты вроде Отто Бауэра и Макса Адлера занимали более примирительную позицию относительно будущего религии при социализме, допуская возможность сохранения религии, но в измененной форме, вне какой-либо жестко институализированной структуры или исторической традиции. Адлер, являясь представителем неокантианства среди социалистов, говорил о религии в крайне узком смысле, близком к концепту долга и морали, определяя религию как «философскую веру», которая имеет право на существование даже среди тех, кто считает себя марксистом, но такое нестандартное понимание религии по сути не имеет дело с религией как социальным феноменом [34, р. 80–89].

При этом история религиозных учений и практик оставалась предметом изучения среди марксистов, что ярче всего выразилось в таких работах теоретика немецкой социал-демократии Карла Ка-

утского, как «Предшественники новейшего социализма» (1895), «Происхождения христианства» (1908) и «Античный мир, иудейство и христианство» (1908). Вызвано это было не столько непосредственным интересом к самой теме религии, сколько продолжающей борьбой с религиозными версиями социализма, которые все еще имели хождение среди рабочего класса [20, с. 9–10].

Таким образом, к моменту начала Первой мировой войны и разложения Второго Интернационала марксистская теория религии оформилась в своем ортодоксальном виде.

Эрнст Блох: религия и утопия

Первая мировая война, раскол социалистического движения и Октябрьская революция в России оказали огромное влияние на зарождение такого философского направления, как западный марксизм. Если придерживаться нарратива об истории западного марксизма, который предлагает британский историк Перри Андерсон, то необходимо выделить два поколения внутри этого направления: те, чье интеллектуальное формирование как марксистов пришлось непосредственно на время Первой мировой войны и Октябрьской революции, и тех, кто пришел к марксизму уже во время подъема фашизма и последующей Второй мировой войны [1, с. 49–51]. Андерсон не упоминает в своей работе Э. Блоха, но биография последнего позволяет отнести его к первому поколению западных марксистов. Если до войны Блох тяготел к неокантианству, то еще довоенное увлечение экспрессионизмом, радикальная пацифистская позиция во время войны и поддержка социалистических революций в Европе привела Блоха к марксистской самоидентификации, которая осталась с ним до конца жизни².

В последнее время отмечается возрастающий интерес к фигуре Эрнста Блоха [27]. Михаэль Леви в своем кратком очерке о взаимоотношениях религии и марксизма указывает именно на Блоха как на первого среди неомарксистов, кто совершил кардинальную смену взглядов на религию, при этом не отбросив революционный запал и философское наследие марксизма [33]. Если говорить об осмыслении проблем теологии и философии религии, то Блох, возможно, представляет собой самого авторитетного из марксистов в этом направлении мысли, который оказал влияние как на немецкоязычных протестантских и католических теологов в 1960-е гг., так и на теологию освобождения в Латинской Америке [30, р. 192]³.

² Для знакомства с краткой биографией Э. Блоха на английском см.: [42], с более полной интеллектуальной биографией на немецком – см.: [36]. Также на русском доступны биографические и интеллектуальные очерки об Э. Блохе в работах С.Е. Вершинина и И.А. Болдырева [2; 8].

³ Для знакомства с теологической рецепцией философии Блоха см.: [35].

В рамках данной статьи нас интересует пересечение идеи утопии Блоха с религией. Утопия играет ключевую роль в философии Блоха, и именно он вводит утопию в западный марксизм как концепт, который получает развитие у целого ряда авторов (см.: [18]). Стоит отметить, что вопрос религии и ее взаимоотношений с утопией заботил Блоха практически с самого начала его философского пути: в своей первой книге «Дух утопии» (1918) он поднимает тему утопического в религии, а его вторая книга «Томас Мюнцер: теолог революции» (1924), уже упоминавшаяся выше, полностью посвящена этому вопросу. Как было сказано, Томас Мюнцер представлял собой важную фигуру в работах Энгельса. Энгельс часто рассматривал религиозный язык как метод скрытого выражения определенных классовых интересов. Блох не отрицал связь религии с классовым конфликтом, но религия у него обретала большую автономность, чем допускал классический марксизм. Согласно его видению, религия, возможно, первая в истории человечества, открыла доступ в Еще-Не (Noch-Nicht), дала человеку горизонт ожидания, фактически став первым утопическим импульсом человеческого мышления. Следует подробнее остановиться на содержании некоторых понятий, связанных с онтологией и антропологией Блоха.

Еще-Не – одна из центральных категорий в философии Блоха, которая заключается в признании того, что наш мир не представляет из себя нечто завершенное и навсегда данное. В нем имеют место динамические изменения, которые касаются как материи, так и самого человека [30, р. 89–90]. Такой взгляд на мир как на нечто незавершенное, обладающее возможностью реализовывать сокрытые в нем потенциальности находит отражение в человеческом сознании как Еще-Не-Осознанное (Noch-Nicht-Bewusste). Еще-Не-Осознанное выражается в предсознательном как то, что может при определенных условиях стать полностью осознанным самим индивидом. Ярким выразителем Еще-Не-Осознанного, по Блоху, являются наши дневные мечтания. Конечно, не все дневные мечтания одинаковы, и часть из них не выйдет за пределы головы мечтателя, но все они при этом обусловлены главным образом надеждой на лучший мир. Блох сознательно противопоставляет концепт Еще-Не-Осознанного бессознательному у Фрейда и Юнга. Блох считает, что концепт бессознательного обречен на то, чтобы смотреть только назад, искать в прошлом причину невротизации индивида, избегать войти в сферу сознания (через репрессию) и не нести в себе ничего, что можно было бы назвать действительно новым (отсюда другое название для фрейдовского бессознательного – Уже-Не-Осознанное). Случай Юнга для Блоха еще более скандален и показателен, т.к. бес-

сознательное Юнга основано на вечных, доисторических архетипах, что полностью ликвидирует хоть какой-либо горизонт ожидания и изменения (за это Блох удостаивает Юнга звания «фашистского психоаналитика»). Если выразителями Еще-Не-Осознанного все-таки являются дневные мечтания, которым мы предаемся добровольно, то бессознательное находит свое выражение в ночных снах, которые находятся вне нашего контроля и во многом являются ответом на невроз или травму.

Более позитивное по сравнению с основателями марксизма отношение Блоха к религии трудно вывести непосредственно из текстов самих Маркса и Энгельса. Поэтому можно считать истинным источником представлений Блоха о религии современника раннего Маркса, который оказал на него большое влияние, младогегельянца Людвиг Фейербаха и, в частности, его «Сущность христианства» [25, р. 591]. *Magnum opus* Фейербаха делится на две части, каждая из которых формирует собственный нарратив о религии: антропологический (или истинный) смысл религии и теологический (или ложный) смысл религии. Традиционно большее внимание в этом делении уделялось критическому аспекту философии религии Фейербаха (именно этот аспект развивает в дальнейшем Маркс), т.е. подчеркивалась теологическая сущность религии. Однако если рассматривать обе части книги, то картина выглядит куда более амбивалентной.

Фейербах рассматривает религию как способ говорения человека о самом себе. В этом отношении Бог человека никогда не превосходит уровень развития самого человека, отражением которого он и является. Человек придумывает Бога, но не знает об этом, и поэтому совершает инверсию, в которой творение становится творцом. В этой инверсии творца и творения проявляет себя теологический аспект религии: человек ищет ответы и решения у Бога, а не в реальном мире, тем самым все больше опустошая свой мир в угоду миру божественному. Данный концепт религиозного сознания оказал большое влияние на Маркса, который затем применил ту же самую инверсию к идеологическому сознанию, для которого сознание религиозное выступает как первое его приложение.

После прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г. Блоха объявляют в розыск, и он с женой вынужден покинуть страну. В 1938 г., после серии переездов между европейскими странами, они эмигрируют в США, где принимается за написание «Принципа надежды». Невладение Блоха английским языком и отказ директора Института социальных исследований (располагался в США с 1935 до начала 1950-х гг.) Макса Хоркхаймера взять его на работу по причине «слишком коммунистических» взглядов ограничили его круг общения немецкоязычными эмигрантами. В 1949 г. Блох получает предложение

возглавить факультет философии Лейпцигского университета в ГДР. Он принимает это предложение и покидает США. Появление Блоха в Лейпциге было принято холодно как консервативной профессурой, которая доминировала в университете еще со временем нацизма, так и новым коммунистическим поколением немецких академиков, которые придерживались официальной партийной трактовки марксизма. Тем не менее какое-то время это не мешало Блоху плодотворно заниматься преподаванием и публикацией своих работ.

Однако после серии критических высказываний Блоха в адрес правящей в ГДР Социалистической единой партии Германии по поводу подавления гражданских протестов в 1953 г. и отказа от демократических реформ внутри страны после развенчания культа личности Сталина на XX съезде КПСС в 1956 г. сам Блох попадает в опалу и лишается в 1957 г. практически всех своих должностей, выпадая из общественной жизни ГДР. Также параллельно с этим в философских кругах разворачивается кампания по критике его философии как «идеалистической»⁴. Правда, прямого запрета на публикацию работ Блоха не последовало, и он также мог продолжать путешествовать за пределы ГДР. В августе 1961 г. Блох с женой и сыном был на отдыхе в Баварии. Узнав о начале строительства Берлинской стены, Блох принял решение не возвращаться назад (подробнее об этом см.: [24]).

После переезда в 1961 г. в ФРГ и получения профессорской должности в Тюбингенском университете Блох вступает в дискуссию с теологами Юргеном Мольтманном и Иоганном Мецем. Эта дискуссия послужила толчком к распространению его идей в теологической среде, и уже к концу 1960-х гг. выходит в свет целый ряд работ, написанных как непосредственными участниками этой дискуссии, так и теологами из других стран [35, р. 28]. При этом надо отметить, что свои основные (зрелые) положения о религии Блох высказал ранее, уже в третьем томе «Принципа надежды», опубликованном в конце 1950-х гг. Затем последовало раскрытие и развитие этих идей в книге «Атеизм в христианстве». Объем статьи не позволяет рассмотреть всю широту интересов Блоха в области религии (от роли метафоры змея в Библии и до религиозного движения немецких крестьян), поэтому мы сфокусируем внимание на тех элементах, которые наиболее полно отображают утопический дух религии и религиозного сознания, а также взаимосвязь религии и утопии в неомарксизме.

⁴ В собрании сочинений советского философа-марксиста Э.В. Ильенкова можно обнаружить текст положительного отзыва (датируется 1953–1954 гг.) на книгу Блоха «Субъект – объект. Разъяснения к Гегелю» и «настоятельную рекомендацию» к ее публикации в СССР [13]. Однако в 1954 г. было принято отрицательное решение о возможности перевода книги в связи с развернувшимся в ГДР кампанией по обвинению Блоха в «гегельянском идеализме».

Блох отмечает, что в своем анализе религии Маркс идет дальше просвещенческой идеи религии как заговора и обмана церковников и указывает на объективные причины ее существования в виде классового общества и поддерживающей его идеологии [22, р. 48]. Блох также разбирает аналогию между опиумом и религией у Маркса («*Религиозное* убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа» [16, с. 415]). Для Блоха ортодоксальная марксистская трактовка этого высказывания о религии только как реакционным и вредном дурмане, мешающем рабочему классу в его борьбе (именно так его понимает, например, В.И. Ленин [14, с. 416]), выглядит как упрощение природы религии. Это не только «вздох», но и «протест» против всего того, что угнетает человека. Блох считает «вульгарным» такой марксизм, который не учитывает это обстоятельство в своем анализе религии [22, р. 50]. Можно даже заключить, что религия – это вполне здоровая и нормальная область человеческой жизни и активность, которая будет существовать до тех пор, пока остается не до конца реализованным хоть какой-то утопический потенциал [30, р. 184]. Такой взгляд на религию является выражением другого важного общего принципа философии Блоха – критики гипостазирования. Гипостазирование как концепт у Блоха схож с овеществлением и представляет собой тенденцию рассматривать наши желания, взаимоотношения и нужды как нечто навсегда фиксированное и данное, выраженное в богах или вещах. Вместо этого Блох, согласно принципу незавершенности мира, утверждает об изменчивости наших стремлений и надежд в процессе изменения условий существования. В обществе всегда будет оставаться утопический «избыток», нечто такое, что не может быть осуществлено в нынешнем состоянии мира. Именно подобный «избыток» должен не позволить обществу в какой-то момент решить, что конечная цель достигнута и дальнейшие изменения не несут в себе ничего нового [35, р. 45–46].

Блох рассматривает религию как первый выразитель утопических стремлений человечества. Именно эта характеристика позволила сыграть религии столь большую роль в культуре человечества. Блох исследует религиозный опыт во всех его проявлениях и географических рамках: от древнейших религий первых цивилизаций до еретических учений Средних веков. Тем не менее основным предметом его рассмотрения можно считать именно иудео-христианскую религию в целом, которую он, как и Фейербах, видит как «высшую» среди всех религий [21, р. 1201].

Прочтение Библии Блохом

Как было сказано, Эрнст Блох уходит от свойственной эпохе Просвещения критики религии как обмана. Однако это не означает, что сама по себе религия не имеет в т.ч. и угнетающей стороны или не может быть подчинена реакционным силам. Так, например, Блох видел в немецком нацизме идеологическую кражу и инверсию древней христианской традиции хилиазма. Нацисты использовали давнюю мечту о «Третьем царстве», но полностью изменили ее суть и поставили на службу своему режиму⁵. Это же касается и Библии, которую Блох предлагает рассматривать во всей ее противоречивости и многослойности, обусловленной множеством факторов – от длительного процесса формирования и закрепления книг до классовых интересов различных групп. В любом случае Блох выступает против попыток свести трактовку и значение Библии к рамкам истории официальной Церкви со всеми ее несправедливостями и недостатками. Блох согласен, что какие-то части Библии использовались для оправдания гнета со стороны правящих классов, но в целом Библия несет в себе и освободительный потенциал, что выражается во множестве восстаний под библейскими лозунгами против угнетения. Иными словами, как пишет Блох, «ответный удар против угнетателя тоже библейский», и именно благодаря своему освободительному потенциалу Библия получила столь широкое распространение [22, р. 13].

Блох уделяет большое внимание трансформации фигуры Бога. Западная религиозная традиция, по Блоху, характеризуется тем, что в своем развитии она все больше смещает центр внимания на человека. Блох пользуется аналогией с восстанием Прометея против богов Олимпа, когда описывает этот процесс преобразования религии. Прометей, хотя и не основал новую религию, дал пример «восстания» против воли богов, попытки спустить рай на землю. Первое подобное «восстание» Блох усматривает в образе Моисея, который становится первым «человечным» основателем религии в западной традиции. В отличие от основателей других религий Моисей предстает перед нами не мифической фигурой, а историческим человеком, который не растворяется в божестве [21, р. 1191]. Блох выступает против попыток представить Моисея не как реально существовавшего человека, обозначая такие попытки как анти-семитские [26, р. 130]. «Прыжок в религиозном сознании», как выражается Блох, происходит благодаря тому, что в основание новой религии ложится акт, который ранее был наиболее враждебен к религиям – акт восстания. Моисей – основатель

⁵ Об анализе Блохом связи христианского хилиазма с революций и идеологическом присвоении хилиазма в нацистской Германии см.: [3; 4; 9; 10].

«религии противостояния». Это отличает религию Моисея от иных современных и знакомых ему религий, которые получают у Блоха название «астрально-мифических».

В астрально-мифической картине мира все существует циклично и по неизменным законам, а человеку отводится роль не активного субъекта, а игрушки в руках судьбы, которая будет наказана, если посмеет выйти за пределы своей роли в этом уже изначально гармоничном мироустройстве (подобное же различие проводит Славой Жижек, когда говорит о христианстве и язычестве [12, с. 127–128]). Моисей восстает против рабства и страданий, которые его народ терпит в Египте, и верит, что иное положение дел возможно [21, р. 1232]. Бог Моисея – это в первую очередь дух самого Исхода. Возможно, сам Яхве как божество был позаимствован у местного кенейского населения, но в этом заимствовании он был преобразован Моисеем таким образом, который и делает его непохожим на религии иных народов. Это выражается также и в Десяти заповедях Моисея, которые, конечно, имели в себе заимствования и более поздние вставки, но чья уникальность заключается в заповеди «возлюби ближнего своего как себя самого». Также происходит смена темпоральностей цели, которая теперь находится в будущем, а не здесь и сейчас. На место видимого языческого бога природы приходит незримый бог праведности и царство праведности [21, р. 1223–1224].

Следующим этапом в становлении Бога является «восстание» Иова против Яхве, которое описано в Книге Иова. Блох видит в истории Иова критику теодицеи. Не всякое страдание в мире имеет смысл и оправдание. Более того, такой взгляд не совместим с надеждой на справедливость [39, р. 72]. Иов мерит Яхве его же собственными идеалами праведности и справедливости. Иова не устраивают ответы его друзей относительно тех несчастий, что выпали ему. Он выступает против Яхве и утверждает, что Бог, достойный звания Бога, должен исправлять незаслуженные несправедливости. Если в большинстве интерпретаций концовки книги Иова считается, что Иов принял слова Бога и укрепил свою веру в него, то Блох занимает иную позицию и считает, что подлинность говорящего с Иовом Бога поставлена под сомнение [39, р. 73]. Иов совершает Исход от Яхве. Яхве, отвечая на протест Иова, представляется совершенно иным Богом, более напоминающим языческих богов-демонов природы, т.к. в своем ответе заменяет моральную составляющую возражений Иова на демонстрацию своего физического могущества, которое никак не связано с человеком и не направлено на его благо. Иов говорит об Искупителе («Но я знаю: Искупитель мой жив, и в конце Он встанет над землей; и

когда моя кожа с меня спадет, я все же во плоти моей увижу Бога», Книга Иова, 19:25), имея в виду другого Бога, чем тот, кто отвечает на его жалобу. Блох утверждает, что Иов доверяет себя не этому Бог-Творцу неизменного порядка, а Богу Исхода, который несет в себе надежду на преобразование мира [22, р. 100–101].

Своего максимального очеловечивания религия достигает в Иисусе Христе. Предварительно следует отметить, что Блох открыто выступает как против попытки избавиться от эсхатологии и свести деятельность Христа к чистой моральной проповеди, так и против интерпретации эсхатологии и Царства Будущего как чего-то потустороннего и сверхъестественного, выхолащивания ее материалистического и политического содержания [22, р. 113–114]. Иисус действительно верит в крушение старого мира и рождение на его руинах нового, именно в этом контексте надо понимать его слова о том, что его Царство не от мира сего или что необходимо отдать кесарю кесарево [22, р. 119–120]. Любовь к ближнему имеет смысл только в перспективе грядущего Исхода и Пришествия, когда возникнет новое Царство, которое уже близко. Вне его Христос, наоборот, проповедует борьбу, и именно поэтому римские власти усмотрели в нем революционера, который разрушает тот порядок, на котором покоится этот мир, чтобы совершить последний эсхатологический Исход от Бога к человеку [22, р. 122–123]. Иисус называет себя «Сыном Человеческим», а не «Сыном Божьим», тем самым не ассоциируя себя с Яхве-творцом и даже противопоставляя себя ему. Блох указывает на связь этого понятия с Адамом Кадмоном («первоначальным человеком»), который сначала становится вровень с Богом, а затем полностью заменяет его самим собой [21, р. 1265]. Иисус возлагает ответственность за построение Царства на все сообщество верующих, тем самым полностью перенося божественное как что-то внешнее и высшее по отношению к человеку непосредственно в само человечество [35, р. 29].

Таким образом, Блох рассматривает атеизм как завершение внутренней логики иудео-христианской религии. «Только атеист может быть хорошим христианином, только христианин может быть хорошим атеистом», – пишет Блох в эпиграфе к «Атеизму и христианству» [22]. Но что собой представляет хороший атеизм? Конечно, Блох не имеет в виду любой и тем более вульгарный или сциентистский атеизм. Подобные версии атеизма вряд ли можно одобрить с позиции Блоха в принципе, т.к. они просто стремятся устранить религию вместе со всем тем утопическим потенциалом и верой в то, что мир, каким мы его знаем, может быть изменен. В этом отношении они скорее представляют собой регресс по сравнению с рели-

гиозным сознанием. Хороший атеизм более не нуждается в фигуре Бога как некоего внешнего по отношению к человечеству верховного существа, переносит всю надежду на само человечество и при этом сохраняет открытость к бесконечным изменениям, которые ожидают человечество на его пути. Хороший атеист может считать, что религия уже не нужна, но он никогда бы не подумал, что она была не нужна всегда.

Заключение

Марксистская философия религии Эрнста Блоха, которая оформилась в 1950-е – 1960-е гг., указывает на утопический элемент в основании религии и выводит практически неисчерпаемый потенциал для преобразования мира из этого источника. Это идет вразрез с традиционным пониманием религии в классическом марксизме, но в рамках постсекулярного поворота представляет собой еще один из возможных инструментов анализа взаимоотношения политики и религии. В рамках реконструкции отношения Блоха к религии были также затронуты и более общие положения философского проекта Блоха, такие как Еще-Не, Еще-Не-Осознанное, которые отражают влияние религиозного сознания и критики Блохом конкурирующих теорий в лице психоанализа.

Важным тезисом Блоха становится указание на наличие атеистического элемента внутри религии. Это одновременно позволяет Блоху сохранять марксистское положение об атеизме (пускай и в очень своеобразной форме) и провести прямую связь между марксизмом и религией как двумя выразителями утопических стремлений человечества. Эти стремления, исходя из картины мира, где не существует навсегда фиксированных и неизменных условий человеческого существования, также находятся в постоянном движении и изменении. То, что казалось невозможным вчера, может оказаться посильным в измененных условиях уже завтра. Это в свою очередь повлечет за собой целый ряд новых условий, которые опять же будут определять возможные будущие изменения в обществе. Поэтому не приходится говорить о том, что по достижению какого-либо этапа в развитии общества утопический запал обязательно сойдет на нет и общество гипостазировано в определенном положении. Марксизм и религию в понимании Блоха можно сблизить по тому признаку, что они обладают всем необходимым, чтобы продолжать процесс изменения общества.

Представление марксизма как некоего подобия религии – явление далеко не новое и обычно ставится оппонентами марксизма ему в упрек. Но, как заметил Фредерик Джеймисон, подобное сравнение работает в обе стороны [31, р. 275], по-

этому можно говорить не только о том, что в марксизме есть что-то от религии, но и о том, что в религии есть что-то от марксизма. Учитывая возрастающий постсекулярный характер современности, такое сходство имеет большой потенциал для социально-философского анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М.: Common Place, 2016.
2. Болдырев И.А. Время утопии: проблематические основания и контексты философии Эрнста Блоха. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.
3. Блох Э. К оригинальной истории Третьего рейха // Koion. 2022. Т. 3. № 1. С. 94–118.
4. Блох Э. Неодновременность и обязанность сделать ее диалектической (май 1932 г.) // Koion. 2021. Т. 2. № 3. С. 139–157.
5. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.
6. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997.
7. Блох Э. «Принцип надежды»: предисловие // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 4. С. 113–119.
8. Вершинин С.Е. Жизнь – это надежда: Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2001.
9. Вершинин С.Е. Концепция неодновременности Эрнста Блоха (Предисловие к переводу) // Koion. 2021. Т. 2. № 3. С. 128–138.
10. Вершинин С.Е. Эрнст Блох о нацизме, или Иоахим Флорский против Третьего рейха (Комментарий к переводу статьи Э. Блоха «К оригинальной истории Третьего рейха») // Koion. 2022. Т. 3. № 1. С. 119–133.
11. Вершинин С.Е., Круглова Т.А. «Принцип надежды» Эрнста Блоха: комментарии к предисловию // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 4. С. 120–128.
12. Жижек С. Хрупкий абсолютизм, или почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Художественный журнал, 2003.
13. Ильенков Э.В. Э. Блох. «Субъект – объект. Разъяснение к Гегелю» // Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Т. 6. Философская энциклопедия. М.: Канон+, 2024. С. 394.
14. Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Т. 17. М.: Политиздат, 1968. С. 415–426.
15. Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. Т. 12. М.: Политиздат, 1968. С. 142–147.

16. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 414–429.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
18. Павлов А.В. Утопия в новейшем западном марксизме: аномалия, надежда, наука // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 25–36.
19. Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.
20. Эзрин Г.И. Карл Каутский и его книга «Происхождение христианства» // Каутский К. Происхождение христианства. 1990. М.: Политиздат. С. 5–19.
21. Bloch, E., 1995. The principle of hope. Vol. 3. Cambridge: MIT Press.
22. Bloch, E., 2009. Atheism in Christianity. London: Verso.
23. Breckman, W., 1999. Marx, the Young Hegelians, and the origins of radical social theory: dethroning the self. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Ernst, A.-S. and Klinger, G., 1997. Socialist Socrates: Ernst Bloch in GDR. Radical Philosophy, Vol. 84, no. 7/8, pp. 6–21.
25. Geoghegan, V., 2004. Religion and Communism: Feuerbach, Marx and Bloch. The European Legacy, Vol. 9, no. 5, pp. 585–595.
26. Green, R.M., 1969. Ernst Bloch's revision of atheism. The Journal of Religion, Vol. 49, no. 2, pp. 128–135.
27. Greenaway, J., 2024. Primer on utopian philosophy: an introduction to the work of Ernst Bloch. London: Zero Books.
28. Habermas, J., 2008. Notes on post-secular society. New Perspectives Quarterly, Vol. 25, no. 4, pp. 17–29.
29. Harris, M.M., 2009. Behind the barricades with Lenin? Making sense of the Marxist turn to Christianity in the literature classroom. Christianity & Literature, Vol. 58, no. 2, pp. 220–226.
30. Hudson, W., 1982. The Marxist philosophy of Ernst Bloch. London: Macmillan Press.
31. Jameson, F., 2007. The political unconscious: narrative as a socially symbolic act. London: Routledge.
32. Löwy, M., 1998. Friedrich Engels on religion and class struggle. Science & Society, Vol. 62, no. 1, pp. 79–87.
33. Löwy, M., 2016. Marxism and Religion: Opium of the People? URL: <https://demokratikmodernite.org/marxism-and-religion-opium-of-the-people/>
34. McLellan, D., 1987. Marxism and religion: a description and assessment of the Marxist critique of Christianity. London: Palgrave Macmillan.
35. Moylan, T., 1990. Bloch against Bloch: the theological reception of *Das Prinzip Hoffnung* and the liberation of the utopian function. Utopian Studies, Vol. 2, no. 1, pp. 27–51.
36. Münster, A., 2004. Ernst Bloch: Eine politische Biographie. Berlin: Philo.
37. Pannekoek, A. Socialism and religion. URL: <https://www.marxists.org/archive/pannekoek/1907/socialism-religion.htm>
38. Petterson, C., 2022. Bloch's Münzer and the horizons of history. Critical Research on Religion, Vol. 10, no. 3, pp. 339–344.
39. Pinnock, S.K., 2002. Beyond theodicy: Jewish and Christian continental thinkers respond to the Holocaust. Albany State University of New York Press.
40. Torpey, J., 2010. A (post-) secular age? Religion and the two exceptionalisms. Social Research, Vol. 77, no. 1, pp. 269–296.
41. Toscano, A., 2010. Beyond abstraction: Marx and the critique of the critique of religion. Historical Materialism, Vol. 18, no. 1, pp. 3–29.
42. West, T.H., 1991. Ultimate hope without God: the atheistic eschatology of Ernst Bloch. New York: Peter Lang.

REFERENCES

1. Anderson, P., 2016. Razmyshleniya o zapadnom marksizme. Na putyakh istoricheskogo materializma [Considerations on Western Marxism. In the tracks of historical materialism]. Moskva: Common Place. (in Russ.)
2. Boldyrev, I.A., 2012. Vremya utopii: problematicheskie osnovaniya i konteksty filosofii Ernsta Blokha [The time of utopia: problematic foundations and contexts of Ernst Bloch's philosophy]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)
3. Bloch, E., 1991. Printsip nadezhdy [The principle of hope]. In: Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya. Moskva: Progress, 1991, pp. 49–78. (in Russ.)
4. Bloch, E., 1997. Tyubingenskoe vvedenie v filosofiyu [Tübingen introduction to philosophy]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (in Russ.)
5. Bloch, E., 2021. Neodnovremennost' i obyazannost' sdelat' ee dialektichnoi (mai 1932 g.) [Non-simultaneity and the obligation to its dialectics (May 1932)], Koinon, Vol. 2, no. 3, pp. 139–157. (in Russ.)
6. Bloch, E., 2022. K original'noi istorii Tret'ego reikha [On the original history of the Third Reich], Koinon, Vol. 3, no. 1, pp. 94–118. (in Russ.)
7. Bloch, E., 2024. «Printsip nadezhdy»: predislovie [«The principle of hope»: a foreword], Vestnik Gumanitarnogo universiteta, Vol. 12, no. 4, pp. 113–119. (in Russ.)
8. Vershinin, S.E., 2001. Zhizn' – eto nadezhda: Vvedenie v filosofiyu Ernsta Blokha [Life is hope: Introduction to the philosophy of Ernst Bloch]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta. (in Russ.)

9. Vershinin, S.E., 2021. Kontseptsiya neodnovremennosti Ernsta Blokha (Predislovie k perevodu) [Ernst Bloch's concept of non-simultaneity (Preface to translation)], Koinon, Vol. 2, no. 3, pp. 128–138. (in Russ.)
10. Vershinin, S.E., 2022. Ernst Blokh o natsizme, ili Ioakhim Florskii protiv Tret'ego reikha (Kommentarii k perevodu stat'i E. Blokha «K original'noi istorii Tret'ego reikha») [Ernst Bloch on Nazism, or Joachim Florsky against the Third Reich (Commentary on the translation of E. Bloch's article «On the original history of the Third Reich»)], Koinon, Vol. 3, no. 1, pp. 119–133. (in Russ.)
11. Vershinin, S.E. and Kruglova, T.A., 2024. «Printsip nadezhdy» Ernsta Blokha: kommentarii k predisloviyu [Ernst Bloch's «The principle of hope»: comments on the foreword], Vestnik Gumanitarnogo universiteta, Vol. 12, no. 4, pp. 120–128. (in Russ.)
12. Zizek, S., 2003. Khrupkii absolyut, ili pochemu stoit borot'sya za khristianskoe nasledie [The fragile absolute, or Why is the Christian legacy worth fighting for?]. Moskva: Khudozhestvennyi zhurnal. (in Russ.)
13. Il'nikov, E.V., 2024. E. Blokh. «Sub'ekt – ob'ekt. Razyasnenie k Gegel'u» [E. Bloch «Subject – Object. Clarification to Hegel»]. In: Il'nikov, E.V., 2024. Sobranie sochinenii. T. 6. Filosofskaya entsiklopediya. Moskva: Kanon+, p. 394. (in Russ.)
14. Lenin, V.I., 1968. Ob otnoshenii rabochei partii k religii [The attitude of the workers' party towards religion]. In: Lenin, V.I., 1968. Polnoe sobranie sochinenii: v 55-ti t. T. 12. Moskva: Politizdat, pp. 415–426. (in Russ.)
15. Lenin, V.I., 1968. Sotsializm i religiya [Socialism and religion]. In: Lenin, V.I., 1968. Polnoe sobranie sochinenii: v 55-ti t. T. 17. Moskva: Politizdat, pp. 142–147. (in Russ.)
16. Marx, K., 1955. K kritike gegelevskoi filosofii prava. Vvedenie [A contribution to the critique of Hegel's philosophy of right: introduction]. In: Marks, K. and Engels, F., 1955. Sobranie sochinenii. T. 1. Moskva: Politizdat, pp. 414–429. (in Russ.)
17. Marx, K. and Engels, F., 1956. Iz rannikh proizvedenii [From the early works]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)
18. Pavlov, A.V., 2021. Utopiya v noveishem zapadnom marksizme: anomal'ya, nadezhda, nauka [Utopia in contemporary Western Marxism: anomaly, hope, science], Voprosy filosofii, no. 9, pp. 25–36. (in Russ.)
19. Uzlaner, D.A., 2019. Konets religii? Istoriya teorii sekulyarizatsii [The end of religion? A history of the theory of secularization]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)
20. Ezrin, G.I., 1990. Karl Kautskii i ego kniga «Proiskhozhdenie khristianstva» [Karl Kautsky and his book «Foundations of Christianity»]. In: Kautsky, K., 1990. Proiskhozhdenie khristianstva. Moskva: Politizdat, pp. 5–19. (in Russ.)
21. Bloch, E., 1995. The principle of hope. Vol. 3. Cambridge: MIT Press.
22. Bloch, E., 2009. Atheism in Christianity. London: Verso.
23. Breckman, W., 1999. Marx, the Young Hegelians, and the origins of radical social theory: dethroning the self. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Ernst, A.-S. and Klinger, G., 1997. Socialist Socrates: Ernst Bloch in GDR. Radical Philosophy, Vol. 84, no. 7/8, pp. 6–21.
25. Geoghegan, V., 2004. Religion and Communism: Feuerbach, Marx and Bloch. The European Legacy, Vol. 9, no. 5, pp. 585–595.
26. Green, R.M., 1969. Ernst Bloch's revision of atheism. The Journal of Religion, Vol. 49, no. 2, pp. 128–135.
27. Greenaway, J., 2024. Primer on utopian philosophy: an introduction to the work of Ernst Bloch. London: Zero Books.
28. Habermas, J., 2008. Notes on post-secular society. New Perspectives Quarterly, Vol. 25, no. 4, pp. 17–29.
29. Harris, M.M., 2009. Behind the barricades with Lenin? Making sense of the Marxist turn to Christianity in the literature classroom. Christianity & Literature, Vol. 58, no. 2, pp. 220–226.
30. Hudson, W., 1982. The Marxist philosophy of Ernst Bloch. London: Macmillan Press.
31. Jameson, F., 2007. The political unconscious: narrative as a socially symbolic act. London: Routledge.
32. Löwy, M., 1998. Friedrich Engels on religion and class struggle. Science & Society, Vol. 62, no. 1, pp. 79–87.
33. Löwy, M., 2016. Marxism and Religion: Opium of the People? URL: <https://demokratikmodernite.org/marxism-and-religion-opium-of-the-people/>
34. McLellan, D., 1987. Marxism and religion: a description and assessment of the Marxist critique of Christianity. London: Palgrave Macmillan.
35. Moylan, T., 1990. Bloch against Bloch: the theological reception of *Das Prinzip Hoffnung* and the liberation of the utopian function. Utopian Studies, Vol. 2, no. 1, pp. 27–51.
36. Münster, A., 2004. Ernst Bloch: Eine politische Biographie. Berlin: Philo.
37. Pannekoek, A. Socialism and religion. URL: <https://www.marxists.org/archive/pannekoek/1907/socialism-religion.htm>
38. Petterson, C., 2022. Bloch's Münzer and the horizons of history. Critical Research on Religion, Vol. 10, no. 3, pp. 339–344.

39. Pinnock, S.K., 2002. Beyond theodicy: Jewish and Christian continental thinkers respond to the Holocaust. Albany State University of New York Press.

40. Torpey, J., 2010. A (post-) secular age? Religion and the two exceptionalisms. Social Research, Vol. 77, no. 1, pp. 269–296.

41. Toscano, A., 2010. Beyond abstraction: Marx and the critique of the critique of religion. Historical Materialism, Vol. 18, no. 1, pp. 3–29.

42. West, T.H., 1991. Ultimate hope without God: the atheistic eschatology of Ernst Bloch. New York: Peter Lang.

*Статья поступила в редакцию 25.04.2025;
рекомендована к печати 21.05.2025*

УДК 165:161

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/99-107>

В.Г. Денисова*

КОГНИТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ, ИСКАЖЕНИЯ И ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ:
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В статье с точки зрения эпистемологического анализа рассматривается проблема разграничения понятий «когнитивные нарушения», «когнитивные искажения» и «логические ошибки». Автор подчеркивает их различное происхождение, природу и контекст для процессов познания. Когнитивные нарушения связаны с дезадаптивными убеждениями и, как следствие, с наличием психических нарушений, когнитивные искажения – с эвристиками в условиях неопределенности, а логические ошибки – с нарушением правил аргументации. На основе работ ван Ламбалгена и Стеннинга подтверждается тезис о том, что эпистемологический анализ когнитивных процессов требует учета не только логической структуры аргументов, но и контекстуальных и когнитивных факторов

Ключевые слова: когнитивные нарушения, когнитивные искажения, логические ошибки, эпистемология, адаптивная рациональность, аргументация, эвристики

Cognitive distortions, biases and logical fallacies: an epistemological analysis.

VIKTORIA G. DENISOVA (HSE University, Moscow, Russia)

The article presents an epistemological analysis of the distinctions between «cognitive distortions», «cognitive biases», and «logical fallacies». The author highlights their differing origins, nature, and roles in cognitive processes. Cognitive distortions are linked to maladaptive beliefs and mental disorders, cognitive biases stem from heuristics under uncertainty, while logical fallacies involve violations of argumentation rules. Drawing on van Lambalgen and Stenning's works, the study demonstrates that epistemological analysis of cognition must consider not only logical argument structure but also contextual and cognitive factors.

Keywords: cognitive distortions, cognitive biases, logical fallacies, epistemology, adaptive rationality, argumentation, heuristics

Введение

Когнитивные процессы играют ключевую роль в нашем восприятии мира, принятии решений и формировании убеждений. Однако агенты подвержены ограничениям, которые препят-

ствуют их рациональному мышлению и объективному познанию. Такие ограничения описываются с помощью понятий «когнитивное нарушение» (cognitive distortion), «когнитивное искажение» (cognitive bias) и «логическая ошибка»

* ДЕНИСОВА Виктория Геннадьевна, аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, mvc.denisova@mail.ru

© Денисова В.Г., 2025

** Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках проекта «Международное академическое сотрудничество» НИУ ВШЭ.

(logical fallacy¹). Несмотря на взаимосвязь этих понятий, они имеют различное происхождение и природу. Эмпирические исследования подтверждают, что такие ошибки мышления и аргументации широко распространены и оказывают значимое влияние на индивидуальное и общественное поведение. Ежедневно человек сталкивается с большим объемом противоречивой и вводящей в заблуждение информации – в социальных сетях, СМИ, при поиске сведений в интернете и даже в образовательных материалах. Это требует способности отличать достоверные сведения от ложных утверждений и логических ошибок, чтобы принимать обоснованные решения.

Когнитивные искажения традиционно изучаются в психологии, психиатрии и нейронауках как систематические ошибки мышления, которые поддерживают сохранение некорректных убеждений человека о себе и своем окружении вопреки доказательствам их несостоятельности. Такие убеждения отличаются тем, что приводят к негативным эмоциональным состояниям и непродуктивному поведению. Однако их можно рассматривать и с эпистемологической точки зрения – как отклонения от норм познания, которые подрывают достоверность знаний и объективность восприятия реальности. Такой подход позволяет исследовать, каким образом когнитивные ограничения влияют на наши эпистемические практики: от обоснования убеждений до оценки истины.

Важным аспектом эпистемологического анализа когнитивных нарушений является их связь с логическими ошибками и когнитивными искажениями. Как показывают исследования логической корректности и эпистемической рациональности [1], логически валидные аргументы² могут быть эпистемически нерациональными, если их посылки недостаточно обоснованы или контекстуально нерелевантны. Это подчеркивает необходимость учитывать не только логически правильно построенные аргументы, но и когнитивные ограничения человека при анализе процессов познания.

¹ Автор статьи различает термины «logical fallacy» и «logic error». Термин «logic error» связывает ошибку с определенной логической системой. Например, ошибка в построении вывода в пропозициональной логике. В этом случае ошибка будет зависеть от синтаксиса и семантики отдельной логики, в рамках которой она рассматривается. В то время как термин «logical fallacy» подчеркивает неправильность или ошибочность построения логических аргументов и выводов в процессе рассуждения или коммуникации.

² Здесь и далее термин «аргумент» используется в широком смысле, принятом в англоязычной литературе по логике и эпистемологии, где «argument» обозначает рассуждение в целом, состоящее из посылок и вывода. В русскоязычной логической традиции под аргументом часто понимается отдельный элемент доказательства, противопоставляемый тезису. Аналогично, термин «посылка» здесь соответствует англоязычному «premise» (исходное утверждение, из которого делается вывод).

Когнитивные нарушения – это всегда препятствия для познания, а когнитивные искажения – прагматическая стратегия в условиях неопределенности. И когнитивные нарушения, и когнитивные искажения могут содержать логические ошибки. В случае когнитивных нарушений логические ошибки приводят к укоренению негативных убеждений о себе, окружающем мире и своем будущем. Наличие логических ошибок в когнитивных искажениях показывают на неверную стратегию решения задачи агента с ограниченной рациональностью в условиях неопределенности, что не связано с негативными убеждениями.

Логические ошибки, рассматриваемые как информационные сокращения, могут служить адаптивной функцией, позволяя агентам с ограниченными когнитивными ресурсами эффективно обрабатывать информацию и принимать решения в сложных и неопределенных условиях.

В дальнейшем, подчеркивая различия между понятиями «когнитивное искажение», «когнитивное нарушение» и «логическая ошибка», я буду рассматривать не только их терминологические особенности, но и концептуальные различия, влияющие на эпистемологическую оценку человеческого мышления.

Концептуальные и эпистемологические различия понятий

Когнитивные нарушения, исходя из концепции Аарона Бека, представляют собой систематические ошибки в мышлении, которые искажают восприятие реальности и поддерживают дезадаптивные убеждения³ человека вопреки объективным фактам [6]. Эти нарушения являются ключевым элементом когнитивной модели, разработанной Беком в контексте терапии депрессии и других расстройств.

Согласно теории Бека, когнитивные нарушения напрямую связаны с формированием т.н. «негативной когнитивной триады» – устойчивой системы негативных представлений о себе, окружающем мире и своем будущем [7]. Человек, подверженный когнитивным искажениям, воспринимает себя как неполноценного, неспособного и нежеланного, окружающий мир видится ему враждебным и полным непреодолимых препятствий, а будущее – безнадежным и бесперспективным.

Важно подчеркнуть, что с точки зрения клинической психологии когнитивные нарушения

³ Под дезадаптивными убеждениями в когнитивно-поведенческой терапии Бека понимаются убеждения, оказывающие негативное влияние на поведение и эмоциональное состояние человека. Например, убеждение студента «Я – никчемный» приводит к тому, что человек замыкается в себе и отчисляется из университета.

в их выраженной форме не несут адаптивной функции или позитивного эффекта для психического здоровья. Однако механизмы, лежащие в их основе (например, селективное внимание, быстрая оценка угрозы), эволюционно сформировались как адаптивные стратегии для выживания в сложной и неопределенной среде. Исследования показывают, что они неизменно приводят к ухудшению эмоционального состояния, снижению качества жизни и усилению симптомов психических расстройств. В метаанализе, проведенном Салливан и соавторами [18], было подтверждено, что наличие когнитивных искажений является надежным предиктором развития и поддержания депрессии, тревожных и других психических расстройств.

Такие типы когнитивных нарушений, как дихотомическое мышление («все или ничего»), катастрофизация, персонализация и избирательное абстрагирование, не только искажают восприятие и интерпретацию событий, но и значительно ограничивают способность человека к рациональной оценке ситуации и принятию адекватных решений. Эти нарушения становятся самоподдерживающимся циклом, когда искаженные мысли вызывают негативные эмоции, которые, в свою очередь, усиливают дезадаптивные мыслительные шаблоны.

Термин «когнитивные искажения» был введен Амосом Тверски и Дэниелом Канеманом в начале 1970-х гг. в контексте исследований процессов принятия решений в условиях неопределенности. Когнитивные искажения присущи всем людям и не обязательно связаны с негативными оценками себя, окружения и своего будущего в отличие от когнитивных нарушений [13; 14; 15]. Многие когнитивные искажения могут быть полезными эвристиками, помогающими быстро принимать решения в сложных ситуациях. Эти искажения проявляются систематически и предсказуемо в определенных условиях.

Осознавая возможные риски, агенты могут адаптировать свои когнитивные искажения, используя их как полезные эвристики, сохраняя при этом критическое отношение и корректируя поведение в зависимости от контекста. Такой подход позволяет использовать ограниченную рациональность как ресурс, а не как препятствие, повышая эффективность познания и принятия решений.

Современные исследования показывают, что логические ошибки могут рассматриваться как своего рода информационные «короткие пути» (shortcuts), позволяющие рациональным агентам быстро и эффективно ориентироваться в сложной и перегруженной информацией среде [12]. Несмотря на формальное нарушение правил логики, такие ошибки часто выполняют адаптивную

функцию, экономя когнитивные ресурсы и облегчая принятие решений в условиях неопределенности и ограниченного времени. Понимая потенциальные риски, агенты могут сознательно применять эти эвристики, корректируя их использование в зависимости от контекста и снижая негативные последствия. Такой взгляд позволяет рассматривать когнитивные искажения и логические ошибки не только как препятствия для рационального познания, но и как важные инструменты адаптации человеческого мышления к реальным условиям.

Рассмотрим некоторые описанные Канеманом и Тверски когнитивные искажения:

- *эвристика репрезентативности* (representativeness heuristic) – склонность оценивать вероятность события по тому, насколько оно похоже на типичный случай в данной категории, игнорируя объективную статистическую информацию;

- *эвристика доступности* (availability heuristic) – склонность оценивать вероятность события по легкости, с которой примеры этого события приходят на ум. То, что легче вспомнить, кажется более вероятным;

- *якорение* (anchoring) – склонность при оценке неизвестной величины отталкиваться от некоторого изначально предложенного значения (якоря), недостаточно корректируя его;

- *ошибка игрока* (gambler's fallacy) – вера в то, что случайные события самокорректируются, чтобы быть более «справедливыми» [10]. Например, ожидание, что после серии «орлов» более вероятно выпадение «решки»;

- *ошибка конъюнкции* (conjunction fallacy) – склонность считать совместное появление двух событий более вероятным, чем появление одного из этих событий, хотя на самом деле верно обратное;

- *пренебрежение размером выборки* (insensitivity to sample size) – игнорирование размера выборки при оценке вероятностей, хотя большие выборки дают более надежные оценки;

- *иллюзия значимости* (illusion of validity) – переоценка своей способности делать точные прогнозы, особенно когда имеющаяся информация согласуется и выглядит репрезентативной.

Общей характеристикой всех когнитивных искажений является то, что они могут приводить к избирательному восприятию информации: человек стремится находить и учитывать только те факты, которые подтверждают его существующие убеждения, одновременно игнорируя или обесценивая противоречащие данные. Это фундаментальный механизм, лежащий в основе различных видов когнитивных искажений [17]. В результате посылки в его аргументах будут содержать пред-

взятые суждения, и даже если формально он использует, например, *modus ponens*, вывод будет ненадежным и эпистемически нерациональным. Так, эффект якоря, при котором начальная информация служит опорной точкой для последующих суждений, также может приводить к систематическим ошибкам в принятии решений.

В отличие от когнитивных нарушений и искажений логические ошибки не обязательно связаны с негативными оценками или эвристиками, а скорее отражают несоответствие между посылками и заключением в логической структуре аргумента. Более того, ошибки может допускать и искусственный интеллект. В последние годы проблема различий между человеческим и машинным мышлением становится все более актуальной. Как отмечает Д.А. Зайцев, анализ рассуждений больших языковых моделей (БЯМ) позволяет выявить не только сходства, но и принципиальные различия между ошибками человека и машины [4]. Ошибки БЯМ часто напоминают человеческие когнитивные искажения, однако их природа и механизмы принципиально различаются: у моделей отсутствует субъективный опыт, эмоции и эволюционно закрепленные эвристики, тогда как у человека именно эти факторы лежат в основе искажений.

При этом логические правила рассматриваются в контексте повседневных рассуждений, а не как правила построения логической системы, абстрагированной от практического опыта. Здесь я соглашаюсь с позицией известного логика ван Бентема, который пишет: «Если бы логическая теория была полностью оторвана от реальных рассуждений, она была бы абсолютно бесполезна!» [20, р. 69].

Логическая ошибка – это ошибка в рассуждении, которая нарушает правила логики, понимаемой в широком смысле, делая аргумент недействительным или необоснованным, даже если его посылки истинны [9]. Логические ошибки характеризуются нарушением формальной структуры, универсальностью и возможностью формального выявления. Нарушение формальной структуры означает, что логические ошибки нарушают правила построения валидных аргументов [21]. Универсальность логических ошибок подразумевает, что они могут возникать независимо от культурного или психологического контекста [22]. Логические ошибки могут быть обнаружены посредством структурного анализа аргументации, что свидетельствует о возможности их формального выявления. Урбанский подчеркивает, что изучение ошибок – это своего рода «Святой Грааль» для понимания того, как люди на самом деле мыслят и работают с информацией, поскольку ошибки дают ценное представление о механизмах рассуждения и решения проблем [19, с. 108].

Если воспринимать логику как искусство концептуального дизайна [3], логические ошибки могут рассматриваться не только как формальные нарушения, но и как сбои в концептуальном проектировании: ошибочное определение или смешение понятий приводит к некорректности аргументации даже при внешней формальной правильности.

Логические ошибки могут возникать как в дедуктивных, так и в индуктивных рассуждениях. В случае дедуктивных рассуждений такие ошибки проявляются в нарушении связи между посылками и заключением, когда из истинных посылок вывод с необходимостью не следует. Основные типы дедуктивных ошибок это:

- подтверждение консеквента (*affirming the consequent*): если А, то В; В, следовательно, А;
- отрицание антецедента (*denying the antecedent*): если А, то В; не А; следовательно, не В;
- неправомерное обращение (*illicit conversion*): все А есть В; следовательно, все В есть А.

В недавнем исследовании, проведенном на выборке из 234 человек в Египте, было выявлено, что наиболее распространенные логические ошибки – это манипуляция через отвлечение внимания (заключается в обращении к эмоциям аудитории вместо предоставления доводов в поддержку аргумента) и манипуляция эмоциями (заключается в отвлечении внимания аудитории от основной проблемы или аргумента путем введения нерелевантной информации, тем или эмоциональных триггеров). Важно отметить, что подростки чаще совершают логические ошибки, чем взрослые и пожилые, а люди с низким уровнем образования подвержены им больше, чем лица с высшим образованием. При этом не обнаружено различий между мужчинами и женщинами по уровню логических ошибок. Кроме того, выявлен интересный эффект взаимодействия возраста и якорной предвзятости: подростки с выраженной якорной предвзятостью чаще распознавали индуктивные ошибки.

Рассуждение считается правильным благодаря своей логической структуре. Формализация, которая выявляет эту логическую форму, предполагает отвлечение от конкретного содержания дескриптивных (нелогических) терминов и сохранение содержания логических терминов. Это означает, что при оценке правильности рассуждения мы фокусируемся на логических связях между понятиями, а не на их конкретном значении или содержании. Тем самым, логика как формальная дисциплина не всегда полно отражает реальные когнитивные процессы, поскольку последние часто опираются на эвристики, контекстуальные знания и прагматические ограничения [2].

Индуктивные логические ошибки возникают, когда заключение формулируется на основе недостаточного количественно или нерелевантного качественно эмпирического материала, либо когда имеющийся объем доказательств не обладает необходимой валидностью для обоснования выдвигаемого умозаключения. Примерами индуктивных ошибок являются, во-первых, поспешное обобщение (*hasty generalization*), когда вывод о целом классе делается на основе слишком малой или нерепрезентативной выборки, во-вторых, уже упоминавшаяся ошибка игрока, в-третьих, ошибка выжившего (*survivorship bias*), возникающая в результате рассмотрения успешных случаев и игнорирования неудачных, что искажает восприятие.

Таким образом, главное отличие между дедуктивными и индуктивными логическими ошибками заключается в том, что дедуктивные ошибки нарушают правила логического вывода и делают аргумент недействительным, в то время как индуктивные ошибки связаны с недостаточными или нерелевантными доказательствами и делают аргумент слабым или необоснованным, но не обязательно недействительным.

Для лучшего понимания взаимосвязи когнитивных искажений и логических ошибок рассмотрим конкретные примеры. Когнитивные искажения часто становятся причиной логических ошибок в рассуждениях, поскольку влияют на отбор и интерпретацию информации, используемой в аргументации.

Пример 1. Эвристика доступности и ошибка поспешного обобщения

Если человек, под влиянием эвристики доступности, вспоминает несколько случаев мошенничества в интернете и на этом основании заключает, что «все онлайн-покупки опасны», он совершает ошибку поспешного обобщения. Здесь когнитивное искажение (легкость воспоминания ярких случаев) приводит к логической ошибке (некорректное обобщение).

Пример 2. Эффект подтверждения и ошибка подтверждения следствия

Под влиянием эффекта подтверждения человек склонен искать только те данные, которые подтверждают его точку зрения. В рассуждении это может привести к ошибке подтверждения следствия: «Если моя теория верна, я найду подтверждающие данные. Я нашел такие данные, значит, моя теория верна». Здесь когнитивное искажение (игнорирование опровергающей информации) способствует логической ошибке.

Пример 3. Якорение и ошибка ложной причины

При оценке причин события человек может опереться на первую услышанную версию (якорь)

и не учитывать другие факторы, что приводит к ошибке ложной причины (*post hoc ergo propter hoc*): «После того как я начал носить амулет, у меня все стало хорошо. Значит, амулет – причина успеха». Здесь когнитивное искажение (якорение на первом объяснении) способствует ошибке в установлении причинно-следственной связи.

Эти примеры демонстрируют, что когнитивные искажения не только влияют на содержание убеждений, но и могут становиться источником формальных ошибок в рассуждении, снижая эпистемическую надежность выводов.

Современные эмпирические данные подтверждают, что логические ошибки часто являются прямым следствием действия когнитивных искажений. Как отмечается в исследовании Абд-Эльдаем, «логические ошибки – это продукт когнитивной предвзятости агента по отношению к представленной информации; когнитивная предвзятость – это ментальный процесс, а логические ошибки – результат этого процесса» [5, р. 54].

Важную роль в возникновении логических ошибок играют как особенности самой информации (ее объем, ясность, согласованность), так и демографические параметры – возраст, пол, уровень образования. Эти факторы влияют на тип и выраженность когнитивных искажений, что, в свою очередь, приводит к появлению ошибочных умозаключений и иррациональных решений.

Когнитивные нарушения тесно связаны с триадой Бека, проявляющейся в негативных суждениях о себе, окружающем мире и своем будущем, в то время как когнитивные искажения могут проявляться у здоровых людей, а логические ошибки не имеют прямой связи с дисфункциональными убеждениями. По своей природе когнитивные нарушения представляют собой искаженные интерпретации реальности, формирующие негативную когнитивную схему, когнитивные искажения – систематические отклонения в процессах мышления, а логические ошибки – нарушения правил логики.

Влияние этих явлений на поведение и принятие решений также различается. Когнитивные нарушения, соответствующие компонентам когнитивной триады, оказывают значительное влияние на эмоциональное состояние и поведение человека, часто замыкая его в цикле негативного мышления. Когнитивные искажения влияют на процессы принятия решений и суждения, а логические ошибки – на структуру аргументации и обоснованность выводов.

Методы коррекции этих явлений также различны. Для коррекции когнитивных нарушений используется когнитивно-поведенческая терапия и другие психотерапевтические методы, направленные на трансформацию негативных убежде-

ний о себе, мире и будущем в более адаптивные. Коррекция когнитивных искажений предполагает повышение осведомленности и использование структурированных процессов принятия решений [16]. Для предотвращения логических ошибок необходимо обучение логике и развитие навыков правильного построения аргументации.

Таким образом, несмотря на некоторое сходство, указанные понятия имеют существенные различия в происхождении, связи с дисфункциональными когнитивными схемами, природе явления, влиянии на поведение и принятие решений, а также в методах коррекции. Понимание этих различий важно для правильной диагностики в случае психологической помощи, понимания природы логической ошибки в преподавании логики, а также исследования эпистемологического значения ошибок мышления в философии.

В эпистемической практике

Исследование когнитивных нарушений, искажений и логических ошибок в эпистемической практике позволяет глубже понять природу человеческого познания. Такие отклонения от идеальных рациональных норм следует рассматривать не только как дефекты мышления, но и как устойчивые когнитивные стратегии, возникающие в ответ на сложность и неоднозначность окружающей среды.

Ван Ламбалген и Стеннинг подчеркивают, что реальные рассуждения часто не соответствуют строгим стандартам логики [21]. Например, люди склонны использовать эвристики (упрощенные способы рассуждения), которые могут приводить к ошибкам. Встает вопрос о том, каким образом можно определить отсутствие достоверного вывода на основе исходных данных. Кто может стать тем арбитром, который показывает «желтую» или «красную» карточку выводу и выносит свое решение, что он построен не по правилам.

Эти ошибки не просто случайны – они систематичны и предсказуемы, что делает их предметом как когнитивной науки, так и эпистемологии. Отклонения от логических норм в человеческом рассуждении представляют собой систематические паттерны, отражающие работу когнитивных механизмов. Эти механизмы адаптированы к социальным контекстам, а не к формальным логическим системам. Таким образом, когнитивные нарушения можно рассматривать как крайние проявления адапционных когнитивных механизмов, изначально предназначенных для эффективной обработки информации в сложных условиях реального мира. Однако в случае когнитивных нарушений эти механизмы становятся чрезмерно выраженными и теряют свою адаптивную функцию, приводя к дезадаптации и негативным последствиям для психического здоровья. Однако

с эпистемологической точки зрения они представляют собой отклонения от идеальных стандартов рационального познания. Канеман и Тверски рассматривают эвристические приемы, которые они приписывают людям, как необходимые и разумные способы принятия решений в естественных условиях [14].

В работах ван Ламбалгена и Стеннинга ключевое внимание уделяется проблеме дедуктивного рассуждения. Они показывают, что люди часто интерпретируют логические задачи не в терминах логики, а в контексте реальных ситуаций. Например, в классическом эксперименте с задачей Уэйсона⁴ участники делают ошибки при выборе карт, которые должны подтвердить или опровергнуть правило. Эти ошибки объясняются не недостатком логического мышления, а использованием контекстуальных эвристик. Неудачи в задачах на дедуктивное рассуждение не являются просто когнитивными дефицитами; они раскрывают, как человеческое рассуждение формируется под влиянием необходимости интерпретировать абстрактные проблемы в терминах реальных контекстов: «Современные логические теории предоставляют концептуальную и математическую основу для анализа информационных систем, таких как рассуждения и коммуникация людей. Они не определяют механизмы или процессы рассуждения, но без их концептуализации невозможно понять, какие вопросы являются эмпирическими, а какие – концептуальными» [21, р. 4].

С эпистемологической точки зрения это показывает, что знание формируется не только через строгое следование логическим нормам, но и через адаптацию к конкретным условиям познания.

Как отмечают А.С. Боброва и А.В. Петровская, логика как формальная дисциплина не всегда адекватно отражает реальные когнитивные процессы, поскольку последние часто опираются на эвристики, контекстуальные знания и прагматические ограничения [2]. Это подчеркивает необходимость учитывать не только формальную структуру аргументов, но и когнитивные механизмы их построения.

⁴ Задача выбора Уэйсона (Wason Selection Task) – это классический психологический эксперимент, разработанный Питером Уэйсоном в 1966 г. для изучения дедуктивного мышления людей. В стандартной версии эксперимента участникам показывают четыре карточки, у каждой из которых на одной стороне написана буква, а на другой – число. Участники видят только одну сторону каждой карточки (например, «Е», «К», «4», «7») и получают правило вида «Если на одной стороне карточки гласная буква, то на другой стороне четное число». Задача состоит в том, чтобы определить, какие карточки необходимо перевернуть, чтобы проверить соблюдение правила. Эксперимент показывает, что большинство людей выбирают карточки, которые подтверждают их гипотезу, а не проверяют ее на ошибки [22].

Когнитивные нарушения также поднимают вопросы о том, каким образом человек формирует убеждения и оценивает их обоснованность. Когнитивное нарушение «эмоциональное обоснование» – яркий пример того, как формируются необоснованные убеждения. При этом искажении человек принимает свои эмоции как доказательство истины: «Я чувствую себя неудачником, значит, я действительно неудачник». Исследование Бернс и Эйделсон [8] продемонстрировало, что пациенты с депрессией и тревожностью часто используют свои эмоциональные состояния как «доказательство» реальности, формируя убеждения на основе чувств, а не фактов. Это поднимает эпистемологический вопрос: насколько надежны субъективные переживания как источник формирования убеждений о мире?

Согласно концепции новой модульности, различные типы ошибок мышления могут быть связаны с функционированием отдельных когнитивных модулей, отвечающих за дедукцию, вероятностные оценки, прагматическую интерпретацию и другие аспекты рассуждения [2]. Это может служить одним из объяснений разнообразия и систематичности когнитивных искажений.

Когнитивные искажения ставят под сомнение идею о том, что человек является полностью рациональным агентом. Например, работы Канемана и Тверски по когнитивным искажениям показывают, что люди систематически нарушают принципы вероятностного мышления. Ван Ламбалген и Стеннинг предлагают рассматривать такие искажения как часть естественного процесса формирования знаний. Следовательно, когнитивные искажения и ограничения следует рассматривать не только как ошибки рассуждения, но как компромиссы, позволяющие людям эффективно функционировать в сложных средах. Этот подход открывает новые возможности для эпистемологии: вместо того чтобы рассматривать когнитивные искажения исключительно как препятствия для познания, их можно изучать как ключевые аспекты человеческой эпистемической практики.

При этом важно подчеркнуть, что когнитивные нарушения по Беку имеют иную природу: они связаны с негативными убеждениями и дезадаптивными паттернами мышления, характерными для психических расстройств, и не выполняют прагматической или адаптивной функции. В отличие от них когнитивные искажения присущи всем людям и могут выполнять эвристическую функцию в условиях неопределенности.

Заключение

Проведенный анализ показал, что когнитивные нарушения, когнитивные искажения и логические ошибки представляют собой различные, но

тесно взаимосвязанные феномены, оказывающие существенное влияние на процессы человеческого познания и аргументации. Когнитивные нарушения, как специфические паттерны мышления, характерные для психопатологии, ведут к дезадаптивным убеждениям и негативным эмоциональным состояниям, препятствуя формированию обоснованных знаний. Когнитивные искажения, напротив, являются универсальными эвристиками, которые позволяют человеку эффективно функционировать в условиях неопределенности, но при определенных обстоятельствах могут приводить к систематическим ошибкам в суждениях и принятии решений.

Важно обратить внимание на разграничение этих понятий не только на терминологическом, но и на концептуальном уровне. Когнитивные искажения и когнитивные нарушения отличаются по своим функциям, последствиям и эпистемологическому статусу: если первые могут выполнять адаптивную роль, то вторые всегда связаны с дезадаптацией и нарушением рациональности мышления.

Логические ошибки занимают отдельное место в анализе: они связаны с нарушением формальных правил вывода и могут возникать независимо от содержания убеждений и психологических особенностей субъекта. Однако в реальных рассуждениях когнитивные искажения часто становятся причиной логических ошибок. Примеры, приведенные в статье, демонстрируют, как такие искажения, как эвристика доступности или эффект подтверждения, могут приводить к ошибкам поспешного обобщения, подтверждения следствия и другим формальным нарушениям в аргументации. Таким образом, когнитивные искажения и логические ошибки часто взаимно усиливают друг друга, снижая надежность индивидуального опыта как источника знаний.

Эпистемологический анализ показывает, что для оценки рациональности и обоснованности человеческих суждений недостаточно опираться только на формальные критерии логической корректности. Необходимо учитывать когнитивные ограничения, обусловленные как универсальными искажениями, так и индивидуальными нарушениями мышления. Только комплексный подход, сочетающий анализ логической структуры аргументов с учетом когнитивных и контекстуальных факторов, позволяет адекватно оценивать эпистемическую надежность убеждений и качество аргументации.

Разграничение и анализ когнитивных нарушений, искажений и логических ошибок имеет не только теоретическое, но и практическое значение: понимание их природы и взаимосвязей способствует развитию критического мышления,

формированию устойчивых эпистемических практик и повышению качества индивидуального и общественного познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боброва А.С., Драгалина-Черная Е.Г. «Контрпримеры» к *modus ponens*: логическая корректность и эпистемическая рациональность // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 4. С. 117–128.
2. Боброва А.С., Петровская А.В. Новая модульность. Логика и рассуждения // Логико-философские штудии. 2020. Т. 18. № 4. С. 45–60.
3. Драгалина-Черная Е.Г. Логика как формальная философия и искусство концептуального дизайна // Вопросы философии. 2022. № 5. С. 5–18.
4. Зайцев Д.В. Почему большие языковые модели не (всегда) рассуждают как люди? // Логика и теория аргументации. 2024. № 1. С. 76–93.
5. Abd-Eldayem, R.M.A., 2023. The relationship between cognitive bias and logical fallacies in Egyptian society. *British Journal of Psychology Research*, Vol. 11, no. 3, pp. 52–76.
6. Beck, A.T., 1976. *Cognitive therapy and the emotional disorders*. New York: International Universities Press.
7. Beck, A.T. et al., 1979. *Cognitive therapy of depression*. New York: Guilford Press.
8. Burns, D.D. and Eidelson, R.J., 1998. Why are depression and anxiety correlated? A test of the tripartite model. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, Vol. 66, no. 3, pp. 461–473.
9. Eemeren, F.H., Garssen, B. and Meuffels, B., 2009. Fallacies and judgments of reasonableness: Empirical research concerning the pragma-dialectical discussion rules. Dordrecht: Springer.
10. Englich, B., Mussweiler, T. and Strack, F., 2006. Playing dice with criminal sentences: the influence of irrelevant anchors on experts' judicial decision-making. *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 32, no. 2, pp. 188–200.
11. Epstein, S., 1994. Integration of the cognitive and the psychodynamic unconscious. *American Psychologist*, Vol. 49, no. 8, pp. 709–724.
12. Floridi, L., 2009. Logical fallacies as informational shortcuts. *Synthese*, Vol. 167, no. 2, pp. 317–325.
13. Kahneman, D., 2011. *Thinking, fast and slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
14. Kahneman, D. and Tversky, A., 1974. Judgment under uncertainty: heuristics and biases. *Science*, Vol. 185, no. 4157, pp. 1124–1131.
15. Kahneman, D. and Tversky, A., 1979. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, Vol. 47, no. 2, pp. 263–291.
16. Lord, C.G., Ross, L. and Lepper, M.R., 1979. Biased assimilation and attitude polarization: The ef-

fects of prior theories on subsequently considered evidence. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 37, no. 11, pp. 2098–2109.

17. Nickerson, R.S., 1998. Confirmation bias: A ubiquitous phenomenon in many guises. *Review of General Psychology*, Vol. 2, no. 2, pp. 175–220.

18. Sullivan, M.J.L., Bishop, S.R. and Pivik, J., 2001. The pain catastrophizing scale: Development and validation. *Psychological Assessment*, Vol. 13, no. 4, pp. 529–543.

19. Urbánski, M., 2020. Formal modeling of human reasoning: errors, limitations and Baconian bees. *Logical Investigations*, Vol. 26, no. 2, pp. 106–115.

20. van Benthem, J., 2008. Logic and reasoning: do the facts matter? *Studia Logica*, Vol. 88, no. 1, pp. 67–84.

21. van Lambalgen, M. and Stenning, K., 2008. *Human reasoning and cognitive science*. Cambridge: MIT Press.

22. Wason, P.C., 1966. Reasoning. In: Foss, B.M. ed., 1966. *New horizons in psychology*. Harmondsworth: Penguin Books, pp. 135–151.

REFERENCES

1. Bobrova, A.S. and Dragalina-Chernaya, E.G., *Kontrprimery k modus ponens: logicheskaya korrektnost' i epistemicheskaya ratsionalnost'* ['Counterexamples' to *modus ponens*: logical correctness and epistemic rationality], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, Vol. 61, no. 4, pp. 117–128. (in Russ.)
2. Bobrova, A.S. and Petrovskaya, A.V., 2020. *Novaya modul'nost'. Logika i rassuzhdeniya* [New modularity. Logic and reasoning], *Logiko-filosofskie shtudii*, Vol. 18, no. 4, pp. 45–60. (in Russ.)
3. Dragalina-Chernaya, E.G., 2022. *Logika kak formal'naya filosofiya i iskusstvo kontseptual'nogo dizaina* [Logic as formal philosophy and the art of conceptual design], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 5–18. (in Russ.)
4. Zaitsev, D.V., 2024. *Pochemu bol'shie yazykovye modeli ne (vsegda) rassuzhdayut kak liudi?* [Why large language models do not (always) reason like humans?], *Logika i teoriya argumentatsii*, no. 1, pp. 76–93. (in Russ.)
5. Abd-Eldayem, R.M.A., 2023. The relationship between cognitive bias and logical fallacies in Egyptian society. *British Journal of Psychology Research*, Vol. 11, no. 3, pp. 52–76.
6. Beck, A.T., 1976. *Cognitive therapy and the emotional disorders*. New York: International Universities Press.
7. Beck, A.T. et al., 1979. *Cognitive therapy of depression*. New York: Guilford Press.
8. Burns, D.D. and Eidelson, R.J., 1998. Why are depression and anxiety correlated? A test of the tripartite model. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, Vol. 66, no. 3, pp. 461–473.

9. Eemeren, F.H., Garssen, B. and Meuffels, B., 2009. Fallacies and judgments of reasonableness: Empirical research concerning the pragma-dialectical discussion rules. Dordrecht: Springer.
10. Englich, B., Mussweiler, T. and Strack, F., 2006. Playing dice with criminal sentences: the influence of irrelevant anchors on experts' judicial decision-making. *Personality and Social Psychology Bulletin*, Vol. 32, no. 2, pp. 188–200.
11. Epstein, S., 1994. Integration of the cognitive and the psychodynamic unconscious. *American Psychologist*, Vol. 49, no. 8, pp. 709–724.
12. Floridi, L., 2009. Logical fallacies as informational shortcuts. *Synthese*, Vol. 167, no. 2, pp. 317–325.
13. Kahneman, D., 2011. *Thinking, fast and slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
14. Kahneman, D. and Tversky, A., 1974. Judgment under uncertainty: heuristics and biases. *Science*, Vol. 185, no. 4157, pp. 1124–1131.
15. Kahneman, D. and Tversky, A., 1979. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, Vol. 47, no. 2, pp. 263–291.
16. Lord, C.G., Ross, L. and Lepper, M.R., 1979. Biased assimilation and attitude polarization: The effects of prior theories on subsequently considered evidence. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 37, no. 11, pp. 2098–2109.
17. Nickerson, R.S., 1998. Confirmation bias: A ubiquitous phenomenon in many guises. *Review of General Psychology*, Vol. 2, no. 2, pp. 175–220.
18. Sullivan, M.J.L., Bishop, S.R. and Pivik, J., 2001. The pain catastrophizing scale: Development and validation. *Psychological Assessment*, Vol. 13, no. 4, pp. 529–543.
19. Urbánski, M., 2020. Formal modeling of human reasoning: errors, limitations and Baconian bees. *Logical Investigations*, Vol. 26, no. 2, pp. 106–115.
20. van Benthem, J., 2008. Logic and reasoning: do the facts matter? *Studia Logica*, Vol. 88, no. 1, pp. 67–84.
21. van Lambalgen, M. and Stenning, K., 2008. *Human reasoning and cognitive science*. Cambridge: MIT Press.
22. Wason, P.C., 1966. Reasoning. In: Foss, B.M. ed., 1966. *New horizons in psychology*. Harmondsworth: Penguin Books, pp. 135–151.

*Статья поступила в редакцию 12.03.2025;
рекомендована к печати 29.05.2025*

УДК 141.7:321.7+323.1

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-2/108-115>

К.В. Аршин*

ДЕМОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФЕНОМЕНОВ

Статья посвящена исследованию сложного взаимодействия демократии и национализма в социально-философской перспективе. Автор анализирует эволюцию взглядов на эту взаимосвязь – от классиков либерализма (Дж. С. Милль, Ж.-Ж. Руссо) до современных философов и политологов (Ф. Фукуяма, Г. Нодиа, Б. Як). В работе раскрывается диалектика этих феноменов: национализм может как способствовать формированию гражданской идентичности и социальной солидарности, так и провоцировать конфликты. Автор подчеркивает, что национализм и демократия, несмотря на противоречия, тесно связаны и могут служить основой формирования гражданской идентичности и социальной солидарности.

Ключевые слова: демократия, национализм, гражданская идентичность, национальное чувство, социальная солидарность

The democracy-nationalism dialectic. KONSTANTIN V. ARSHIN (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

The article examines the complex interplay between democracy and nationalism from a socio-philosophical perspective. The author traces the evolution of views on this relationship – from classical liberal thinkers (J.S. Mill, J.-J. Rousseau) to contemporary philosophers and political scientists (F. Fukuyama, G. Nodia, B. Yack). The study reveals the dialectical nature of these phenomena: while nationalism can foster civic identity and social solidarity, it may also provoke conflicts. The author emphasizes that despite their contradictions, nationalism and democracy remain fundamentally interconnected and can serve as foundations for developing civic identity and social cohesion.

Keywords: democracy, nationalism, civic identity, national feeling, social solidarity

В современном мире демократия выступает одним из символов сложившегося после 1991 г. миропорядка. В знаменитом эссе 1989 г. «Конец истории?» американский политолог Ф. Фукуяма, рассуждая о грядущем миропорядке, предрекал «конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества» и универсализацию «западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [15, с. 135]. При этом сама либеральная демократия рассматривалась американским политологом как полити-

ческое измерение общечеловеческого государства, которое он резюмировал в формуле «либеральная демократия в политической сфере, сочетающаяся с видео и стерео в свободной продаже – в сфере экономики» [15, с. 139]. Столь высокую оценку либеральной демократии Ф. Фукуяма дал, опираясь на проведенный им анализ идеологического противостояния либерализма и двух других идеологий современности – марксизма и фашизма. При этом он также указал, что помимо великих врагов – марксизма и фашизма – у либерали-

* АРШИН Константин Валерьевич, кандидат философских наук, докторант сектора социальной философии Института философии РАН, г. Москва, Россия, kosta-10@yandex.ru

© Аршин К.В., 2025

зма есть два других идеологических конкурента – религия и национализм, которые могут, в перспективе, представлять опасность для либеральной демократии. Однако противоречия, продуцируемые религией и национализмом, полагал Ф. Фукуяма, могут быть разрешены в рамках самого либерализма. Религиозный фундаментализм, например, малопривлекателен для подавляющего большинства населения западных обществ, члены которых могут удовлетворять свои религиозные импульсы «в сфере частной жизни, допускаемой либеральным обществом» [15, с. 139]. Сложнее дело обстоит с национализмом. Фукуяма признает, что «высокоорганизованные и тщательно разработанные» национализмы, вроде национал-социализма, могут представлять для либеральной демократии серьезную опасность, но даже в этом случае – лишь потому, что в обществах, где может возникнуть национал-социалистическая идеология, «либерализм осуществлен не полностью». Таким образом, этническую и националистическую напряженность Фукуяма объясняет тем, что «народы вынуждены жить в недемократических политических системах, которых сами не выбирали» [15, с. 145]. Последовательная демократизация, уверял читателя американский политолог, реализуемая в духе либеральной демократии, может и должна привести к снятию тех противоречий, которые формируются в рамках взаимодействия социальных групп, принадлежащих к различным этносам. Однако объяснения, как и почему это должно произойти, Ф. Фукуяма не дал ни далее в указанной статье, ни в книге «Конец истории и последний человек» [14], в которой он более подробно изложил тезисы статьи.

Вместе с тем необходимо отметить, что сам тезис о необходимой связи современной демократии в ее либеральной итерации и национализма, справедливый для либералов XVIII–XIX вв., в 1980-х гг. подвергался суровой критике со стороны исследователей нации и национализма. Как отмечает отечественный историк Е.Е. Савицкий, «в 1980-е – начале 1990-х гг. появился целый ряд теоретических и конкретно-исследовательских текстов о национализме (Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Смита, Э. Хобсбама и др.), в которых история возникновения наций и национализма исследовалась с критической перспективы, указывалось на связь истории наций с “убийствами, казнями, войнами и массовыми боями”». Целью этих работ, по мнению Е.Е. Савицкого, «было сделать национализм политически неприемлемой идеологией» [10, с. 256]. И хотя можно поспорить с исследователем относительно того, действительно ли классические работы в области исследования национализма являют собой пример идеологической борьбы против этого феномена, однако подобная точка зрения на указанные работы не

является маргинальной. Похожую позицию отстаивали Э.А. Паин и С.Ю. Федюнин в книге «Нация и демократия: перспективы управления культурным многообразием» [7], где критике за излишне упрощенное понимание взаимосвязи современной демократии и национализма подверглись «интеллектуалы, испытывавшие сильное влияние марксизма», в частности – Э. Хобсбаум, «которые никогда не скрывали своего резко негативного отношения к национализму» [7, с. 27]. Впрочем, как указывают авторы, критическое отношение западные интеллектуалы демонстрировали по отношению не только к национализму, но и к либерализму, ведь оба социальных феномена были призваны затуманивать классовое сознание. Но если национализм использовался господствующими группами в качестве средства культивации чувства «превосходства своей нации над остальными» в целях формирования групповой лояльности, отличной от лояльности классовой, то либерализм «насаждает индивидуалистическое мировоззрение, эгоизм и идеологию консюмиризма» [7, с. 27], что служит средством разрушения групповой лояльности как таковой.

Либеральные мыслители XX в. относились к национализму с не меньшей враждебностью. Так, Исайя Берлин, один из классиков либерализма XX в., связывал национализм с противным свободе стадным чувством, присущим человеку, акцентируя внимание на иррационализме и антииндивидуализме этого чувства, и указывал, что только общество, избавленное от национализма, может быть подлинно свободным и демократичным [2].

В отличие от либеральных мыслителей XX в. для классиков либеральной мысли XIX в. связь национализма и демократии была вполне очевидна. Моноэтничность и национализм, например, рассматривались английским философом Дж.С. Миллем в качестве необходимого условия существования либеральной демократии: «В стране, где в известной мере существует национальное чувство, сама собою является потребность к соединению отдельных членов национальности под одно управление, и притом под управление особое, их собственное. Это равносильно тому, что вопрос о правительстве должен быть решен теми, кем управляют. ... Свободные учреждения почти невозможны в государстве, составленном из разных национальностей» [5, с. 222]. Причины этого Дж.С. Милль видел, во-первых, в невозможности формирования единого общественного мнения в условиях многоэтничного общества, а ведь именно оно выступает необходимым условием представительного правления («Если между народностями нет взаимных симпатий, особенно если они читают и пишут на разных языках, то не может существовать и единства общественного мнения, необходимого условия для действительности представительного правления» [5, с. 222–223]). А во-вторых, в отсут-

ствии того, что английский мыслитель назвал «необходимым условием гражданской свободы», – сочувствия между армией и народом [5, с. 223]. Когда нет этого чувства, которое формируется исключительно в рамках единого национального чувства, армия превращается в палачей, чья единственная связь – «это ... офицеры и правительство, которому они (солдаты. – прим. авт.) служат, и единственная их идея (если только у них есть какая-нибудь) о гражданских обязанностях заключается в повиновении приказаниям» [5, с. 224].

Высоко оценивая необходимость национализма для создания либерального представительного государства, Дж.С. Милль не был апологетом национального чувства. Для него вполне приемлемой была практика ассимиляции более многочисленным и развитым народом менее многочисленного. Притом такая ассимиляция рассматривалась им как позитивная и отвечающая интересам человечества.

Что касается реальной политики, то здесь необходимо отметить, что национализм был дискредитирован практикой национал-социализма. После 1945 г. в Европе за термином «национализм» «непременно маячила тень нацизма» [7, с. 36], что предопределило отношение к нему как к негативному понятию, с которым «ассоциируются такие явления, как державная национальная политики, военщина, агрессия, иррационализм, нетерпимость, ненависть, насилие и деспотизм» [18]. Соответственно, политики тщательно отмежевывались от того, чтобы их каким-то образом ассоциировали с указанным понятием. В этом контексте примечателен случай генерала де Голля, который, отстаивая национальный суверенитет Франции перед лицом США и НАТО, отказывался называть себя националистом. Вместо этого де Голль использовал различные эвфемизмы, например, «хороший патриотизм» в пику «плохому национализму». В данном случае под патриотизмом он понимал преданность Отечеству, а под национализмом – неприятие других наций в духе национал-социализма [21].

В 1990-е гг. развернувшиеся в Европе и Африке межэтнические конфликты еще более проблематизировали вопрос о соотношении национализма и демократии. «Кровавые этнические чистки прямо посреди Европы делали связь национализма и демократии слишком уж непристойной» [10, с. 256]. Это заставляло исследователей акцентировать внимание на противопоставлении национализма и демократии [19], формируя упрощенную историческую традицию, в которой «национализм противопоставляется демократии и воспринимается как смягченный шовинизм» [18]. Изложенное в перспективе определило тот факт,

что в политическом поле современных демократий доминировали «сугубо негативные содержательные оценки национализма как идейного ориентира, дестабилизирующего социальный порядок и нарушающего нормы демократического политического общежития» [11, с. 73]. Однако за всем этим потерялся факт, достаточно точно подмеченный Э.А. Паиным и С.Ю. Федюниным: «Даже порой противостоя друг другу, либерализм, демократия и национализм были (и, вероятно, будут в дальнейшем) тесно друг с другом связаны, притом, что каждый из них а priori не противоречит остальным» [7, с. 37].

На указанное взаимоотношение национализма и демократии обратил внимание грузинский политолог Г. Нодиа в эссе «Национализм и демократия», которое было написано им в самом начале 1990-х гг., практически сразу после распада СССР, когда на пространстве, где после 1945 г. существовали страны народной демократии, к власти пришли национальные движения, инициировавшие процесс построения национал-демократических режимов. В своем эссе Нодиа провозглашает принципиальное родство национализма и либеральной демократии, указывая, что национализм как идея и как практика принципиально невозможен без идеи и практики демократии. Равно как и последняя никогда не существовала без национализма. Причина подобного родства, по мнению Нодиа, достаточно банальна. С его точки зрения, в основе обоих лежит идеология, с которой начинается Конституция США и которая красной нитью проходит через Декларацию прав человека и гражданина, а именно идеология предсуществования «мы, народа», служащего, с одной стороны, источником политической власти в рамках существующего политического режима, а с другой – зримым воплощением демократического принципа народовластия, без которого не может существовать демократия. Все остальные демократические принципы, как то выборность власти, разделение властей, требования к защите конституции и т.д., есть не более чем производные от указанного принципа народовластия.

Нодиа признает иррациональность национализма и кажущуюся несовместимость этой иррациональности с демократией как наиболее рациональной формой правления, которая опирается на рациональные процедуры взаимодействия рациональных участников. Но при этом, с его точки зрения, сами условия развертывания демократии всегда случайны и заранее не предопределены: «законы демократии (правила игры) могут быть продуктом консенсуса рациональных политиков, но состав населения и территория («игроки» и «игровая площадка»), в рамках которых действуют эти

законы, определить таким же способом невозможно» [6, с. 6]. Безусловно, существовали попытки рациональным образом определить и членство в списке «игроков», т.е. представить общезначимые критерии отнесения к нации, и границы «площадок», т.е. признаваемые границы, в рамках которых «игроки» реализуют принципы народовластия на демократических началах, но «реальная история национализма, не говоря уже о теоретических изысканиях, показала, что такие объективные и всеобщие критерии в реальной жизни недостижимы. Развитие наций из предшествовавших им этнических сообществ всегда сопровождалось историческими катаклизмами и сознательными усилиями политиков. В мире просто нет национальных границ, данных от Бога, или предопределенных естественным развитием» [6, с. 10].

Однако, несмотря на случайность и иррациональность, национализм послужил тем «плавильным котлом», в котором вызрели демократические модели правления и были созданы демократические политические сообщества. В данном случае говоря о демократических сообществах, Нодиа прежде всего имеет в виду самоопределяющиеся сообщества, т.е. сообщества, которые самостоятельно определяют «правила игры» («игровую площадку» и признаки принадлежности к «игрокам»), по которым будет выстраиваться политическая система.

Здесь необходимо подчеркнуть, что Нодиа не отождествляет демократию и либерализм, как это делали политологи 1990-х гг. Он признает, что «национализм на практике противоречит принципам либерализма, а иногда и демократии». Но, признавая обратную сторону национализма, он настаивает на том, что «проявления страшной стороны национализма проистекают не из завышенной этнической самооценки, но скорее из отсутствия выхода национальных чувств на политическом уровне» [6, с. 27]. Гордость этнической принадлежностью, языком, гипертрофия националистических мифов о великих предках начинаются тогда, когда «у народа нет реального механизма для выражения гордости своей политической системой или государственным устройством» [6, с. 27].

Как уже было отмечено выше, позиция Нодиа подверглась существенной критике со стороны его коллег по цеху, западных политологов. Остановимся на критике Нодиа со стороны уже упоминавшегося Ф. Фукуямы как одного из творцов представления об универсальном характере либерализма для эпохи, последовавшей после окончания Холодной войны. В целом соглашаясь с позицией Нодиа о фундаментальном родстве демократии и национализма, Фукуяма подвергает жесткой критике представление грузинского политолога о принципиальной иррациональности либерального

принципа всеобщего равенства прав: «Он утверждает, что либеральные принципы всеобщего признания определенного набора правил, основанные на некоем принципе всеобщего равенства прав, по сути своей, не более рациональны, чем национальные принципы» [16, с. 29]. Подобная постановка вопроса, утверждает американский политолог, проблематизирует важнейшую дихотомию новоевропейской философии о различии гуманного и негуманного или, если говорить более точно, человеческого и не-человеческого. Это, в свою очередь, бросает вызов всей новоевропейской традиции возвеличивания человека, что в итоге ставит под сомнение универсальность прав человека как принципа, регулирующего отношения как между отдельными индивидами, так и между индивидами и обществом. Ссылаясь на авторитет немецкого философа И. Канта, Ф. Фукуяма, в пику Г. Нодиа, постулирует приоритет прав человека над любыми национальными принципами, поскольку в любом ином случае «права некоторых из людей будут ущемлены за счет полного признания прав других» [16, с. 29], а последнее противоречит принципам либеральной демократии, базирующейся на принципиальном равенстве всех членов сообщества. Однако здесь встает другой вопрос: каковы признаки истинного члена сообщества и на каких основаниях человека принимают в сообщество. Должен ли человек продемонстрировать знание языка сообщества, должен ли его цвет кожи или разрез глаз удовлетворять стандартам принимающего сообщества или должен ли он удовлетворять требованиям некоего имущественного ценза. Не стоит забывать, что в течение практически всего XIX в. подавляющее большинство граждан европейских государств не допускались к голосованию именно из-за несоответствия имущественному цензу [4]. Ответ на эти вопросы Ф. Фукуяма видит в вытеснении самой проблемы нормативных признаков гражданина из сферы политического в сферу культуры и личной жизни. Это, как полагает американский политолог, сделает национализм толерантным: «Национализм может быть толерантным, если национальная культура становится чем-то исходно открытым для других людей с тем, чтобы африканец мог стать французом, если он говорит по-французски, любит сыр “бри” и принимает манеры и код поведения, характерный для традиционной французской культуры» [16, с. 32]. И тем не менее Ф. Фукуяма признает, вслед за Дж.С. Миллем, что сосуществование национальных и либеральных принципов менее проблематично в культурно гомогенных странах, где нет сил, способных бросить вызов этническому (в терминах Ф. Фукуямы «культурному») большинству. И, напротив, в странах культурно негетерогенных «всегда встает вопрос о правах этнолингвистических меньшинств» [16, с. 32].

Почему это происходит? Ответ на этот вопрос можно найти у одного из исследователей современной демократии Б. Манена в его книге «Принципы представительного правления». С точки зрения Б. Манена, сам факт существования представительного правления – а именно в этой форме только и может существовать демократия в современных сложных обществах – обусловлен предвзвешенно осуществляющимися процессами национализма. Только после того, как сформирован субъект представительного правления – нация как совокупность граждан, осознающих себя сувереном (источником власти) и основой существования политической системы, возможно установление представительного правления [3].

Одним из первых мыслителей, обративших внимание на указанную связь демократии и нации, был французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо. С его точки зрения, сама возможность установления демократии появляется только в тот момент, когда нация заявляет о себе как о субъекте политики, становясь государственно-организованным сообществом, которое в акте самопровозглашения легитимизирует государственную власть [9]. Справедливости ради необходимо отметить, что Руссо не ставит вопрос о механизмах рождения такого государственно-организованного сообщества. Если не считать таким механизмом договорное соглашение неких перволюдей, цель которого – стремление приобрести «гражданскую свободу», зиждущуюся на праве. По мнению Руссо, рождение этого сообщества является необходимым условием демократии (или, в терминологии Руссо, гражданского состояния) как единственной формы существования подобного государственно-организованного сообщества. И дальнейшее рассуждение женевого мыслителя строится уже на посылке существования подобного сообщества и существования общей воли как некоего эмерджентного состояния индивидуальных волей отдельных людей, входящих в это сообщество. В данном случае использование термина «эмерджентность», заимствованного из кибернетики, не случайно. Руссо писал: «Часто существует немалое различие между волею всех и общею волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая – интересы частные и представляет собою лишь сумму изъявлений воли частных лиц. Но отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля» [9, с. 24]. Общая воля – это не простая сумма воли всех членов сообщества, но воля субстанциального целого, направленная на достижение общего блага.

Учение Руссо об общей воле давало в руки его врагов оружие, позволявшее им причислять его к лагерю противников демократии и либерализма.

Однако политики-практики Нового времени вполне понимали, о чем писал Руссо. Так, один из лидеров итальянского движения Риссординто маркиз Массимо д'Адзельо по завершении формирования единого Итальянского государства в 1871 г. заявил: «Мы сотворили Италию, теперь мы должны создать итальянцев» [7, с. 29]. Очевидно, что имел в виду итальянский политик. Только после завершения процесса формирования из представителей различных областей Италии единого государственно-организованного целого и, что главное, осознающего себя таковым государственно-организованным целым, можно было говорить о завершении процесса объединения Италии. Однако возможно это было, в ситуации упадка традиционных форм легитимности (в частности религиозной), только через национализм, успех которого, как указывал американский философ М. Уолцер, был основан на том, что тот базировался «на самом обычном человеческом желании жить в привычном мире со знакомыми тебе людьми» [22]. Это в ситуации XVIII–XIX вв., вероятно, отвечало психологическим потребностям основной массы населения, для которой изменения, происходившие в указанный период, были настоящим «футорошоком» [13]. В этой ситуации упадка традиционной морали и разрыва традиционных форм социальной интеграции национализм стал той силой, которая удовлетворила потребность людей в социальной дружбе и превратила нацию в средоточие моральных отношений между индивидами [17].

На указанном обстоятельстве следует остановиться подробнее, поскольку представляется, что именно оно позволит разяснить глубинную связь национализма и демократии. Социальная теория в том виде, в каком она формировалась в течение XIX – начала XX вв., была построена на противопоставлении сообщества и общества (*Gemeinschaft/Gesellschaft*). При этом первое ассоциировалось с развитыми эмоциональными связями, почитанием предков, непосредственным взаимодействием людей друг с другом, второе – с безличными, опосредованными чем-либо (нормами, контрактами, договорами) отношениями, не подразумевающими какое-либо тепло, эмоциональные связи и т.д. Отношения граждан в рамках современных государств также осмысливались именно в рамках функционирования общества (*Gesellschaft*), при этом упускалась из виду эмоциональная составляющая, которая заставляет людей переживать чувство межпоколенческой связи, определяющей чувство лояльности как к самому сообществу, так и через него к государству. Именно это невнимание к эмоциональной составляющей современных сообществ, как представляется, обусловило тот шок, который испытали ев-

ропейские левые в преддверии Первой мировой войны, когда обнаружили, что трудовые массы населения полагают, что имеют куда больше общего со своей национальной буржуазией, нежели со своими иностранными соратниками по классу, и готовы ради этого общего с оружием в руках участвовать в убийстве этих самых братьев по классу. Как указывает современный исследователь национализма Б. Як, причина готовности к подобному поведению заключается в том особом чувстве, которое рождает принадлежность к нации у современного человека: «Это ощущение межпоколенческой связи и дает нации то, что удачно описано Стивеном Гросби как “глубина во времени”; это ощущение совместной принадлежности одному моменту на простирающейся из прошлого в будущее прямой, вероятно, является наиболее отличительной чертой национального сообщества. В нациях мы помещаем себя в одну совместную последовательность предшественников и преемников, наше утверждение которых, апеллируя к памяти о прошлых поколениях и к ответственности за поколения будущие, углубляет наши чувства взаимного попечения и лояльности. Другими словами, наше совместное наследие, наша совместная связь с прямой времени, далеко превосходящей продолжительность нашей собственной жизни, придают нашим чувствам взаимной социальной дружбы особую остроту. Это словно бы мы вообразили, что не просто проживаем отрезок отпущенных нам лет, но сообщаем следуем одним путем во времени, движемся по некоей конкретной магистрали на некоей воображаемой карте времени» [17, с. 134].

В данном случае Б. Як обращается к понятию социальной дружбы и именно через него трактует феномен нации, которая понимается им как субъективная социальная связь, существующая между поколениями и обусловленная осознанием наличия общего культурного наследия: «Нации продолжают жить, даже если их представители больше не используют язык, законы или ритуалы своих предшественников» [17, с. 75]. Последнее, а именно аутентичность языка, закона, ритуала, соответствие их современным стандартам оказывается в данной ситуации и не важным. Важным становится осознание связи (понимаемой как прямая линия преемственности) между тем, что было в прошлом, и тем, что есть сейчас. Иными словами, наследие, разделяемое с другими членами сообщества, – это не единство отношения к этому наследию. Как отмечает, комментируя идеи Б. Яка, А.А. Тесля, национальное сообщество «тем, например, отличается от сообщества, разделяющего общие политические принципы и ценности,

что не предполагает единства в трактовке этого прошлого и понимания того, к чему и в какой степени оно обязывает нас в настоящем» [12, с. 103]. В данном случае нация демонстрирует способность к гибкости и, в рамках этой гибкости, способность к приспособлению к различным трактовкам исторических событий, социальных явлений и т.д. Это может служить и служит идеей, объединяющей социальные группы, которые, если их взять отдельно, совершенно противоположны друг другу по своим материальным интересам и идеологическим предпочтениям. Именно принадлежность к нации побуждает членов одного национального сообщества, невзирая на различия, рассматривать друг друга как друзей, совершая друг в отношении друга действия, которые они не обязаны делать, совершать то, что обусловливается наличием социальной симпатии, основу которой и составляет принадлежность к нации. Конечно, отмечает Б. Як, в рамках социальной дружбы ни один ее участник не может быть уверен, что его интересы будут поставлены выше личных интересов, но «он справедливо рассчитывает, что к нему и его интересам друзья будут относиться иначе, с большим вниманием, чем к интересам, скажем, незнакомого человека» [12, с. 104]. Таким образом, «националисты – это люди, которые пойдут на очень многое, даже на значительное самопожертвование, чтобы сделать, что они могут, для членов своих национальных сообществ, а не тот, гораздо более ограниченный, круг людей, которые готовы ради своей нации пожертвовать всем» [17, с. 215].

В отношении же политической сферы, как указывает Б. Як, нация примиряет «две формы причастности: причастность к политической организации и причастность к группе или сообществу, но подчиняет первое второму. В национальном государстве мы являемся участниками организации, которой управляет единая иерархически организованная структура политической власти, которая, как мы ожидаем, действует как голос и слуга нашей национальной группы» [17, с. 111]. И в случае, если это чувство оказывается поправленным, рождается представление о принципиальной несправедливости существующего строя. Последнее, по мнению Б. Яка, предопределяет связь национализма и либерализма (подробнее см.: [1]).

Таким образом, можно утверждать, что переход к демократии возможен только в том случае, если национальное чувство уже сформировано и принимается сообществом «как нечто само собой разумеющееся». Но одновременно, национальное единство, базирующееся на развитом национальном чувстве, есть следствие демократии, поскольку именно в рамках демократических процедур осуществляется процесс вызревания граждан-

ской культуры, через повседневное участие граждан в гражданской жизни.

В заключении необходимо отметить, что феномены демократии и национализма находятся в сложной и многогранной взаимосвязи, которая исторически и социально обусловлена глубинными потребностями человека в принадлежности и идентичности. История показывает, что связи между национализмом и демократией требуют длительного времени формирования, а существующие конфликты и противоречия свидетельствуют о необходимости осознанного строительства гражданского сообщества. Устойчивое развитие демократии возможно лишь при наличии сформированного национального самосознания, способного объединять граждан, уважения их культурного многообразия и создания прочных основ для политической и социальной стабильности. Данный диалектический процесс может быть растянут во времени и длиться не одну сотню лет. Так, американский исследователь Д. Растоу указывал, что демократические преобразования были начаты в Англии в XVII в., но так и не были завершены и в XX в. [20]. Но и национальное сознание формируется столь же долго, находясь в состоянии постоянного становления. В заключении процитирую французского историка и философа Э. Ренана, который в своей знаменитой лекции «Что такое нация?» указал на необходимую связь чувства принадлежности к нации и демократии, указав, что нация – «это моральное сознание», «великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв, которые уже сделаны и которые расположены сделать в будущем». Нация «предполагает прошедшее, но в настоящем она резюмируется вполне осязаемым фактом: это ясно выраженное желание продолжать общую жизнь», но желание свободное, поскольку «человек – не раб ни расы, ни языка, ни религии, ни течения рек, ни направления горных цепей» [8, с. 101].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бандуровский К.В. Современное сообщество и национализм: подходы Бернарда Яка к решению противоречий между ними // Труды Русской антропологической школы им. В.В. Иванова. Вып. 12. М., 2013. С. 119–135.
2. Берлин И. Национализм: вчерашнее упущение и сегодняшняя сила // Берлин И. Философия свободы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 333–365.
3. Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2008.
4. Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс // Маршалл Т.Х. Избранные очерки по социологии. М.: ИНИОН, 2006. С. 72–137.
5. Милль Дж.С. Размышления о представительном правлении. Benson: Chalidze Publ., 1988.

6. Нодиа Г. Национализм и демократия // Пределы власти. 1994. № 4. С. 3–28.

7. Паин Э.А., Федюнин С.Ю. Нация и демократия: перспективы управления культурным многообразием. М.: Мысль, 2017.

8. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101.

9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М.: Соцэкгиз, 1938.

10. Савицкий Е.Е. Национализм – последняя угроза демократии? Европейские исследования национализма и их постколониальная критика в 1980–1990-е гг. // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 256–270.

11. Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 70–87.

12. Тесля А.А. О дружбе, или О нации (Бернард Як о национализме и моральной психологии) // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 100–107.

13. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002.

14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015.

15. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

16. Фукуяма Ф. Опасный попутчик. Комментарии к работе Г. Нодиа «Национализм и демократия» // Пределы власти. 1994. № 4. С. 29–34.

17. Як Б. Национализм и моральная психология общества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

18. Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 33–49.

19. Caplan, R. and Feffer, J. eds., 1996. Europe's new nationalism: states and minorities in conflict. Oxford: Oxford University Press.

20. Rustow, D.A., 1970. Transitions to democracy: toward a dynamic model. Comparative Politics, Vol. 2, no. 3, pp. 337–363.

21. Taguieff, P.-A., 2015. La revanche du nationalisme: Néopopulistes et xénophobes à l'assaut de l'Europe. Paris: PUF.

22. Walzer, M., 1990. Book review of «Nations and nationalism since 1780» by E.J. Hobsbawm. The Social Contract, Vol. 1, no. 2. URL: https://www.thesocialcontract.com/artman2/publish/tsc0102/article_12.shtml

REFERENCES

1. Bandurovskii, K.V., 2013. Sovremennoe soobshchestvo i natsionalizm: podkhody Bernarda Yaka k resheniyu protivorechii mezhdu nimi [Modern

community and nationalism: Bernard Yak's framework for reconciling tensions]. In: Trudy Russkoi antropologicheskoi shkoly im. V.V. Ivanova. Vyp. 12. Moskva, 2013, pp. 119–135. (in Russ.)

2. Berlin, I., 2014. Natsionalizm: vcherashnee upushchenie i segodnyashnyaya sila [Nationalism: past neglect and present power. Nationalism: yesterday's rise and today's strength]. In: Berlin, I., 2014. Filosofiya svobody. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 333–365. (in Russ.)

3. Manin, B., 2008. Printsipy predstavitel'nogo pravleniya [Principles of representative government]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta. (in Russ.)

4. Marshall, T.H., 2006. Grazhdanstvo i sotsial'nyi klass [Citizenship and the social class]. In: Marshall, T.H., 2006. Izbrannye ocherki po sotsiologii. Moskva: INION, pp. 72–137. (in Russ.)

5. Mill, J.S., 1988. Razmyshleniya o predstavitel'nom pravlenii [Considerations on representative government]. Benson: Shalidze Publ. (in Russ.)

6. Nodia, G., 1994. Natsionalizm i demokratiya [Nationalism and democracy], Predely vlasti, no. 4, pp. 3–28. (in Russ.)

7. Pain, E.A. and Fedyunin, S.Yu., 2017. Natsiya i demokratiya: perspektivy upravleniya kul'turnym mnogoobraziem [Nation and democracy: prospects for managing cultural diversity]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

8. Renan, E., 1902. Chto takoe natsiya? [What is a nation?]. In: Renan, E., 1902. Sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 6. Kiev, pp. 87–101. (in Russ.)

9. Rousseau, J.-J., 1938. Ob obshchestvennom dogovore ili printsipy politicheskogo prava [The social contract or principles of political right]. Moskva: Sotsekgiz. (in Russ.)

10. Savitskii, E.E., 2012. Natsionalizm – poslednyaya ugroza demokratii? Evropeiskie issledovaniya natsionalizma i ikh postkolonial'naya kritika v 1980–1990-e gg. [Is nationalism the last threat to democracy? European studies of nationalism and their post-colonial criticism in 1980s and 1990s], Dialog so vremenem, no. 39, pp. 256–270. (in Russ.)

11. Semenenko, I.S., 2018. Natsionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy natsional'noi identichnosti v «staroi» Evrope [Nationalism, separa-

tism, democracy... Metamorphoses of national identity in the «Old» Europe], Polis. Politicheskie issledovaniya, no. 5, pp. 70–87. (in Russ.)

12. Teslya, A.A., 2018. O druzhbe, ili O natsii (Bernard Yak o natsionalizme i moral'noi psikhologii) [On friendship, or On nation (Bernard Yack on nationalism and moral psychology)], Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 1, pp. 100–107. (in Russ.)

13. Toffler, A., 2002. Shok budushchego [Future shock]. Moskva: ACT. (in Russ.)

14. Fukuyama, F., 2015. Konets istorii i poslednii chelovek [The end of history and the last man]. Moskva: AST. (in Russ.)

15. Fukuyama, F., 1990. Konets istorii? [The end of history?], Voprosy filosofii, no. 3, pp. 134–148. (in Russ.)

16. Fukuyama, F., 1994. Opasnyi poputchnik. Kommentarii k rabote G. Nodia «Natsionalizm i demokratiya» [Dangerous fellow traveler. Comments on «Nationalism and democracy» by G. Nodia], Predely vlasti, no. 4, pp. 29–34. (in Russ.)

17. Yack, B., 2017. Natsionalizm i moral'naya psikhologiya obshchestva [Nationalism and the moral psychology of society] Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. (in Russ.)

18. Jahn, E., 1996. Demokratiya i natsionalizm: edinstvo ili protivorechie [Democracy and nationalism: unity or contradiction?], Polis. Politicheskie issledovaniya, no. 1, pp. 33–49. (in Russ.)

19. Caplan, R. and Feffer, J. eds., 1996. Europe's new nationalism: states and minorities in conflict. Oxford: Oxford University Press.

20. Rustow, D.A., 1970. Transitions to democracy: toward a dynamic model. Comparative Politics, Vol. 2, no. 3, pp. 337–363.

21. Taguieff, P.-A., 2015. La revanche du nationalisme: Néopopulistes et xénophobes à l'assaut de l'Europe. Paris: PUF.

22. Walzer, M., 1990. Book review of «Nations and nationalism since 1780» by E.J. Hobsbawm. The Social Contract, Vol. 1, no. 2. URL: https://www.thesocialcontract.com/artman2/publish/tsc0102/article_12.shtml

*Статья поступила в редакцию 17.04.2025;
рекомендована к печати 29.05.2025*

